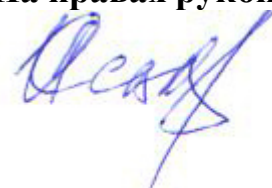

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НЕФТЕГАЗОВЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Самборецкий Игорь Сергеевич

**СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ МОНОГОРОДОМ
ТЮМЕНСКОГО СЕВЕРА**

Специальность: 22.00.08 – социология управления

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата социологических наук

Научный руководитель:

д.с.н., профессор

Белоножко М.Л.

Тюмень, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ МОНОГОРОДОМ	15
1.1. Социальное управление городом как объект научного исследования	15
1.2. Условия, принципы и индикаторы управления городом как социальной общностью	34
1.3. Становление, функционирование и проблемы развития моногородов	63
2. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ МОНОГОРОДА ТЮМЕНСКОГО СЕВЕРА	87
2.1. Моногорода Тюменской области: региональные особенности и социальные проблемы	87
2.2. Социальное самочувствие горожан (на примере г. Когалым)	117
2.3. Социальное управление моногородом: модель и механизмы реализации	148
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	174
ЛИТЕРАТУРА	177
ПРИЛОЖЕНИЕ	205

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью сохранения и развития моногородов в новых условиях социально-экономического развития. В России 313 городов, которые правительство определяет как монопрофильные. В них проживает более 15 миллионов человек [244]. В Тюменской области на территории ХМАО–Югры функционирует 14 моногородов, 2 – на территории ЯНАО. В северных моногородах проживает более миллиона человек, или 67% населения округов. В топливно-энергетическом комплексе региона и смежных с ним отраслях трудится около 300 тыс. человек, или треть всего экономически активного населения округов [159; 160].

Современная экономика России также в значительной степени представлена градообразующими предприятиями моногородов. Их вклад в ВВП страны оценивается на уровне 20–40%. Следует признать, что сегодня от успешности их функционирования в значительной мере зависит эффективность всей российской экономики. Роль градообразующих предприятий моногородов Тюменского Севера особенно велика в обеспечении добычи нефти – 64% и газа – 83%. Продукция данных отраслей доминирует в российском экспорте в течение ряда десятилетий, определяя устойчивое развитие и безопасность страны и региона [190].

В то же время высокий уровень зависимости экономики северных моногородов региона исключительно от топливно-энергетического комплекса и таких факторов, как уровень добычи, состояние ресурсной базы, мировой конъюнктуры цен на нефть, содержит существенные риски и опасности для их функционирования. Более того, в большинстве моногородов не созданы полноценные экономические, социальные, институциональные и другие условия для развития бизнеса и жизнедеятельности населения. Социально-экономические кризисы, высокие транзакционные издержки системы управления моногородом, бюрократия, недостаточно комфортная среда проживания не только сдерживают приток в города высококвалифицированных кад-

ров, но в ряде случаев ведут к их оттоку, снижают качество жизни населения. Это выражается в ухудшении здоровья, в возрастании саморазрушительного поведения, падении трудовой морали и этики, отсутствии возможностей или желания получать современное образование, поляризации доходов и территориальном закреплении социальных различий, снижении уровня социального самочувствия горожан и, как следствие, их социальной активности.

Крайне важно в условиях резкого обострения социально-экономических проблем в функционировании моногородов выработать принципиальные подходы, механизмы и инструменты, учитывающие масштабность проблем, особенности генезиса моногородов, региональные условия, а также жизненно важные интересы проживающего населения, и позволяющие определить дальнейшие пути их развития. Традиционные методы управления моногородом уже исчерпали свой потенциал, а их эффективное развитие предопределяет поиск новых теоретических разработок и основанных на них практических действий. Более того, изменяющиеся факторы функционирования городов, вызванные возрастающей конкуренцией, определяющей интенсивность инноваций, расширение сферы услуг, новые роли горожан обуславливают необходимость формирования инновационного и интеллектуального потенциала управленческих кадров, ориентированных на повышение активности и создание разнообразных форм участия членов территориального социального сообщества в управлении моногородом.

В то же время сформировавшиеся в процессе проводимых в стране реформ социальные практики и механизмы решения проблем моногородов преимущественно направлены на диверсификацию их экономики. Ученые и специалисты-практики не выработали в ходе дискуссий однозначного ответа на вопрос о том, как преодолевать деградацию и обеспечить развитие моногородов. Однако общепризнанным является факт необходимости соединения усилий представителей органов управления, бизнеса и территориального сообщества. Нестабильность функционирования механизмов социального управления оказывает негативное влияние на все городские процессы и про-

является в ухудшении качества жизни населения. Именно социологический дискурс анализа развития моногородов позволяет понять и определить роль социальных субъектов в обеспечении их успешного функционирования, а учет сформировавшихся природно-экологических, социально-экономических и социокультурных особенностей Тюменского Севера может способствовать наиболее полному использованию социального потенциала в становлении социального управления на основе взаимодействия местных органов власти, административных структур градообразующих предприятий, бизнес-сообществ и горожан с целью достижения целей успешного развития моногородов. Преодоление негативных тенденций делает актуальным изучение особенностей и роли социального управления и механизмов его реализации в развитии северного моногорода.

Степень научной разработанности проблемы исследования. Научное осмысление феномена «социальное управление городом» отражает взаимосвязь таких его компонентов, как управление, социум и город, являвшихся предметом интереса многих научных направлений.

Общетеоретические проблемы управления заложены в трудах М. Вебера, Ф. Тэйлора, А. Файоля, где определены предмет и общие принципы управления. Системный подход к управлению нашел отражение в работах классиков социологии Т. Парсонса, Д. Истона, Н. Лумана, Р. Мертона. Большое методологическое значение для исследования проблем управления имеют работы отечественных и зарубежных авторов в сфере государственного и муниципального управления, таких как Г.В. Атаманчук, Е.М. Бабосов, Н.И. Глазунова, В.Д. Граждан, А.Г. Гранберг, Г.Е. Зборовский, Р. Дарендорф, Ч. Мерриам, Дж. Ю. Стиглиц, А.К. Уайд и др.

Исследованию теории и практики управления развитием городов, их роли в территориальных, политических, экономических, социокультурных системах посвящены работы Н.П. Анцифорова, К.Г. Барбаковой, М.Л. Белоножко, Л.А. Велихова, А.С. Гаврина, А.Г. Гладышева, Н.А. Костко, В.С. Ефимова, Л.А. Зеленова, Г.П. Лаппо, В.Я. Любовного, М.Н. Межевича, И.Д.

Тургель, О.И. Шкаратана. Вопросы социального развития города, а также некоторые аспекты социального управления нашли отражение в трудах Н. Смелзера, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, О. Шпенглера, А. Тойнби, Э. Фромма. Основной вклад в развитие представлений о социальном механизме развития был внесен Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной, которые акцентировали внимание на устойчивости системы взаимодействия социальных групп друг с другом и с государством по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг.

Вопросы, связанные с изучением городской среды, рассматривались представителями различных направлений социологии города. В трудах В. Зомбарта, М. Вебера, К. Маркса, Э. Дюркгейма представлены детерминанты образования городов – экономические, географические, демографические, технологические. Ф. Теннис показал особенности и значение городских сообществ, а работы Г. Зиммеля отразили специфику взаимодействия в городских сообществах. Представители Чикагской школы социальной экологии Р. Парк, Э. Берджесс, Р. Маккензи, а затем Л. Вирт, А. Хоули обосновали социально-экологическую парадигму становления и развития города. М. Кастельс проанализировал информационные процессы как основную характеристику современных городов.

Особую группу составляют работы российских ученых о проблемах моногородов, связанных с их признаками, ролью в экономике страны, социальным самочувствием горожан и проблемами управления – Е.Г. Анимицы, Е. Е. Горяченко, Н.С. Дягилевой, М.Н. Игнатьева, И.Н.Ильиной, Л. Карапетян, Ю.А. Лаамарти, В.Я. Любовного, И.В. Манаевой, А.Е. Николаева, И.Д. Тургеля. Противоречивость и перспективы развития моногородов Тюменской области представлены в трудах М.Л. Белоножко, А.С. Гаврина, Н.Ю. Гавриловой, М.Г. Ганопольского, Н.И. Крысина, В.П. Карпова, Г.Ю. Колевой, И.Н. Стася.

Преимущественное внимание исследователи уделяют проблемам социально-экономического развития моногородов, отдельным вопросам стратеги-

ческого управления, социальной ответственности градообразующих предприятий. Но, несмотря на возросший интерес ученых к проблемам моногородов, до настоящего времени не выработано единого подхода к становлению и сущности социального управления, механизмов его реализации, определяющих новые возможности и направления развития городов в современных реалиях.

Таким образом, выбор темы обусловлен ее социально-политической и социально-экономической значимостью, а также недостаточной разработанностью в научной литературе ряда аспектов теории и практики социального управления моногородами в целях их успешного функционирования и развития. Практическая потребность в исследованиях по формированию социального управления моногородом и определению механизмов его реализации определили объект, предмет, цель и задачи диссертационного исследования.

Объект исследования – северные моногорода в современной России

Предметом исследования является социальное управление моногородом как территориальной социальной общностью.

Целью диссертационного исследования выступает разработка модели социального управления моногородом Тюменского Севера и определение механизмов ее реализации.

Достижение цели исследования предполагает решение следующих **задач**:

- выявить сущность и содержание социального управления городом;
- обосновать концептуальные подходы и особенности управления городом как социальной общностью;
- выявить специфику становления, функционирования и развития моногородов;
- определить потенциал и возможности успешного развития моногородов Тюменского Севера;

– оценить социальное самочувствие членов территориального сообщества г. Когалым и определить их готовность к взаимодействию с органами власти в вопросах улучшения функционирования моногорода;

– разработать модель социального управления моногородом на современном этапе и обозначить механизмы ее реализации в целях совершенствования практики управления сохранением и развитием моногородов.

Методологической и теоретической основой исследования стали фундаментальные теоретико-методологические положения классиков социологии, философии, менеджмента, а также современных отечественных и зарубежных ученых, изучающих вопросы управления городом, развития городской среды; результаты прикладных исследований в области социологии управления. Общую теоретическую базу диссертационной работы составили теории систем, теории управления, принципы структурно-функционального анализа. Анализ управления городом как социальной общностью опирается, во-первых, на системно-деятельностный подход (П. Бурдьё, Э. Гидденс, П. Штомпка, Ю. Хабермас), во-вторых, ситуационный подход, при котором стиль управления во многом зависит от цели, которая встает перед органами управления, и ситуации, в которой она достигается (Дж. Вудворд, П. Лоуренс, Дж. Чайлд и др.).

В процессе обоснования теоретических положений, выводов и рекомендаций использовались разнообразные методические инструменты и методы: системного и структурного анализа, аналитический, моделирования, сравнительный, пространственно-экономического анализа, метод экспертных оценок.

Эмпирическую базу диссертационной работы образовали: законодательные и нормативные акты РФ; материалы органов государственной статистики РФ; региональный опыт деятельности правительств ХМАО–Югры и ЯНАО, Думы Ханты-Мансийского автономного округа, Думы Ямало-Ненецкого автономного округа, муниципалитетов ХМАО–Югры и ЯНАО; данные ведущих российских экспертных агентств. Собственно эмпириче-

скую базу диссертации составили результаты социологических исследований по проблематике диссертации. Достоверность результатов проведенного анализа, теоретическую и практическую обоснованность основных выводов и положений диссертационной работы обеспечили методы количественного и качественного исследования:

– **анкетный опрос** – исследование уровня социального самочувствия населения г. Когалыма (N=380) с использованием районированной выборки. Статистическая обработка материалов осуществлялась в статистическом пакете SPSS 19.0.

– **эксперт-опрос** – экспертами выступили субъекты, имеющие непосредственное отношение к управлению на окружном и муниципальном уровне, определяющие дальнейшие пути развития моногородов, а также освещающие социально-экономические, социокультурные процессы жизнедеятельности моногородов в СМИ (N=64). Данный выбор определялся необходимостью выявления компетентного мнения о проблемах развития моногородов, возможностях становления и реализации социального управления моногородами ХМАО и ЯНАО.

– **анализ** результатов социологических мониторингов ведущих российских и региональных центров по проблематике диссертационной работы: социологического мониторинга «Социальное самочувствие горожан», проведенного в г. Краснотурьинске в 2003 (N = 2099) и 2005 гг. (N= 2094); аналитического отчета о результатах социологического исследования «Социальное самочувствие населения российских регионов в условиях экономического кризиса: межрегиональные индексы кризисного сознания», проведенного в 2009 г. в 12-ти регионах, в том числе в ЯНАО, Ассоциацией региональных социологических центров «Группа 7/89» и объединением Межрегиональных институтов общественных наук (Программа МИОН); социологического исследования «Моногорода России», осуществлённого в мае 2010 г. кадровым холдингом АНКОР совместно с российскими службами занятости и топ-менеджерами градообразующих предприятий.

Научная новизна диссертации определяется спецификой подхода к исследованию проблем социального управления моногородом, постановкой цели, задач и полученными результатами эмпирического исследования:

1. Произведено уточнение сущностных характеристик категорий «управление», «социальное управление», «социальное управление городом», благодаря чему сформулировано определение понятия «управление городом как социальной общностью».

2. Раскрыт методологический контекст управления городом как социальной общностью в социальном познании и практике, определяющий предметное поле взаимодействия субъектов управления – органов местного самоуправления и индивидов/социальных групп социальной территориальной общности.

3. Показано, что исследование специфических особенностей функционирования северных моногородов позволяет идентифицировать субъектов взаимодействия и зафиксировать их диспозиции, цели и задачи в процессе социального управления.

4. Произведена оценка социального самочувствия как показателя эффективности деятельности органов управления моногородом, направленной на повышение качества жизни населения, и как фактора роста социальной активности членов территориального сообщества.

5. Теоретически обоснована новая модель социального управления моногородом, отражающая внешние и внутренние особенности его функционирования. Предложен социальный механизм реализации социального управления, раскрывающий направления и возможности взаимодействия органов местного самоуправления, администрации градообразующего предприятия, индивидов и социальных групп территориального сообщества, направленный на формирование социальной активности горожан как важнейшего условия сохранения и развития северных моногородов.

Новизна постановки проблемы, ее концептуализация в рамках системного социологического анализа социального управления моногородом на со-

временном этапе развития российского общества нашли отражение в основных тезисах диссертационного исследования.

Положения, выносимые на защиту:

1. Ключевым элементом сохранения моногорода, открывающим новые возможности для развития всех его сфер, выступает социальное управление, предполагающее целенаправленное воздействие, содержанием которого является создание условий, организация, сохранение и развитие жизнедеятельности личности и (или) социальных групп территориальной общности, взаимодействующих в качестве объекта и субъекта управленческого процесса.

2. Социальное управление через воздействие на социальные процессы и отношения предполагает формирование связей между индивидуальными, социально-групповыми и общезначимыми потребностями и интересами людей, интенсивность и качество которых выступает как важнейший индикатор для оценки эффективности управления городом и как определяющее условие становления субъект-субъектных отношений управляющей и управляемой систем.

3. Допуская, что формируемые на основе субъект-субъектных отношений социальные взаимодействия могут развиваться по различным сценариям как в рамках сотрудничества, так и конфликта, в диссертации акцентируется внимание на таких характеристиках социального управления, как возобновляемость действий сторон, их сопряженность, интерес к ответным действиям, координация, а также поиск путей устойчивого развития городского сообщества, а значит, и города. Интерпретация социального управления в таком контексте актуализирует его коммуникативную природу, выводя на первый план способность органов местного самоуправления взаимодействовать с социальной общностью, используя различные формы и технологии.

4. Моногород как целостный социальный организм, как открытая, сложная и специфическая система, как актант, способен не только адаптироваться к воздействиям внешней среды, но и оказывать на нее значительное ответное влияние, изменяя окружающий мир в соответствии с потребностями

членов территориальной общности и особенностями развития основных подсистем города. Возрастающее значение моногородов Тюменского Севера обусловлено тем, что в циркумполярной зоне, где преобладает разреженное и очаговое освоение, более рациональна не «выбраковка» и ликвидация «неперспективных» предприятий, городов и районов, а наоборот, максимальное сохранение и укрепление существующей сети опорных поселений и коммуникаций. Это соответствует не только государственным интересам, но и отражает, как показывают проведенные социологические исследования, мнение их жителей.

5. Управление моногородом как социальной общностью является определяющим условием консолидации территориального сообщества, способным объединить действия социальных субъектов в интересах его успешного развития; инструментом повышения адаптивности горожан к особенностям социально-политического и социально-экономического развития страны; средством улучшения социального самочувствия горожан и роста их активности.

6. Фактор социального самочувствия населения моногорода выделяется в особую проблему, поскольку личное самочувствие каждого отдельного человека в условиях глобализации и информатизации общества в значительной степени зависит не только от его собственных устремлений и действий, но и испытывает возрастающее воздействие со стороны социальных процессов, развивающихся на уровне страны, региона, города. В этих условиях знание социального самочувствия территориальных и социальных групп, понимание факторов, которые влияют на социальное самочувствие, могут стать решающими в прогнозировании уровня участия в реализации социальных механизмов успешного развития моногорода или сопротивления им.

7. Модель социального управления моногородом с целью его успешного развития отражает, с одной стороны, целенаправленное системное изменение социально-экономических, социальных, политических, духовно-культурных процессов и окружающей среды, определяющих устойчивое раз-

витие города, а с другой, – воздействие на общественное сознание, социальное самочувствие, поведение (деятельность) горожан в процессе взаимодействия органов управления и социальной общности. Ее реализация возможна на основе социальных механизмов, обуславливающих устойчивую систему взаимодействия субъектов разных типов и уровней.

Теоретическая и практическая значимость диссертации.

В теоретическом плане проведенное исследование вносит определенный вклад в решение научной проблемы поиска адекватных современным условиям форм и методов сохранения и развития моногородов. Достигнуто приращение теоретических знаний, относящихся к области управления городом как социальной общностью, построению модели социального управления моногородом с учетом особенностей и возможностей их развития.

Практическая значимость диссертационного исследования определяется актуальностью изучаемого комплекса проблем, связанных с модернизацией моногородов в современной России. Полученные в ходе исследования научные результаты могут применяться при принятии решений в управлении моногородом. На базе анализа полученных выводов и результатов возможна разработка комплексных проектов и программ, направленных на повышение социальной активности горожан в реализации основных направления развития моногородов.

Практическая значимость работы заключается также в возможности использования ее выводов и рекомендаций в процессе преподавания учебных курсов и дисциплин: «Социальное управление», «Социология управления» и других.

Степень достоверности результатов проведенных исследований: сформулированные в диссертационной работе выводы и рекомендации обоснованы анализом теоретических и прикладных исследований по данной теме и подтверждены эмпирическими исследованиями.

В диссертации использованы статистические материалы федеральных и региональных органов по развитию моногородов РФ и Тюменской области.

Проведено авторское социологическое исследование по рассматриваемой в диссертации проблематике, включающее: результаты анкетного опроса; экспертного опроса; результаты контент-анализа официальных сайтов Ямало-Ненецкого автономного округа, Ханты-Мансийского автономного округа и г. Когалыма.

Соответствие диссертации Паспорту научной специальности. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 22.00.08 – «Социология управления» в части п. 6 - Факторы, детерминирующие управленческое поведение индивидов в социальных институтах и организациях; п. 15 - Проблемы эффективности управленческой деятельности; п. 26 - Местное самоуправление как ресурс общественного развития.

Апробация работы. Основные идеи, положения и выводы диссертационного исследования обсуждались на кафедре маркетинга и муниципального управления Тюменского государственного нефтегазового университета, сообщались на научных конференциях и семинарах: Международный научный семинар «Вузовская наука: теоретико-методологические проблемы подготовки специалистов в области экономики, менеджмента и права» (г. Тюмень, 2012 г., 2015 г.), Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Патриотизм в современной России: от национальной идеи к практике гражданственности» (Екатеринбург, 2012 г.); Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Инновации в управлении региональным и отраслевым развитием» (Тюмень, 2012 г.); III международная научно-практическая конференция «Достижения и проблемы современной науки: материалы» (Санкт-Петербург, 2015).

Основные результаты исследования опубликованы в статьях (всего по теме диссертации опубликовано 11 научных статей, в т.ч. 4 – в журналах, включенных в Перечень рецензируемых изданий ВАК), материалах научных и научно-практических конференций и семинаров.

Глава 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ МОНОГОРОДОМ

1.1 Социальное управление городом как объект научного исследования

На рубеже тысячелетий города России претерпели интенсивные трансформации, отличающиеся глубиной и масштабностью. В сложных условиях переходного периода обострились негативные особенности предшествующего времени, обозначились новые отрицательные последствия слишком быстрой смены общественно-политических ориентиров. Возникшие проблемы российских городов явились следствием противоречий социально-экономического развития страны в целом. Спад производства вызвал в городах рост безработицы при возрастании теневой занятости, произошло падение уровня жизни вследствие ухудшения социально-экономической ситуации, возникли сложности обслуживания жилищного фонда, в полной мере проявилось недостаточное развитие социальной инфраструктуры. Происходящие изменения особенно глубоко затрагивают моногорода, население которых во многом зависит от работы градообразующего предприятия, что ограничивает его социально-экономическую мобильность, снижает качество жизни.

Обозначенный спектр проблем в условиях модернизации российского общества, формирования и сохранения новой российской идентичности, социально-экономической и политической неустойчивости, социокультурной изменчивости актуализирует потребность всестороннего исследования содержания и сущности социального управления городом.

В процессе модернизации и динамичного развития общественных отношений в стране особое значение приобретает именно социальное управление. Анализ научной литературы показал, что, говоря о социальном управлении, исследователи (Г.Е. Зборовский, А.И. Кравченко, Н.А. Михеева, Г.И. Осадчая) чаще всего имеют в виду управление обществом или социальной сферой [85; 118; 149; 169].

В то же время город, по справедливому замечанию К.Г. Барбаковой, А.С. Гаврина, О.М. Барбакова, Н.А. Костко, есть сложный феномен жизни, который вобрал в себя все свойства, характеристики и проявления процессов формирования, становления и развития общества. Более того, город как целостный социальный организм фокусирует в действиях и взаимодействиях его основных элементов (индивидов, социальных сообществ, групп) современные тенденции и закономерности развития общества [16, с. 11, 13].

В силу сказанного вопросы социального управления городом требуют пристального внимания исследователей. Понятие «социальное управление городом» отражает взаимосвязь двух его компонентов – социума и города. Поэтому в управлении важно рассматривать не только город как пространственно-временную подсистему общества, но и его население, т.е. социум как единство индивидов и групп, интересы и потребности которых и определяют цели социального управления. При этом социальное управление, являясь атрибутом общественной жизни, включает общие признаки, которые характерны для управления как научной категории.

Управление как вид социальной практики существует с момента возникновения необходимости в совместной и целенаправленной деятельности людей. Термин «управление» хорошо известен науке с периода античности, поскольку осознание данного феномена началось с признания института власти.

Существенное влияние на развитие управленческой мысли оказали базовые концепции социологов, рассматривающих управление в качестве органического элемента функционирования социальных систем – О. Конт, Г. Спенсер, К. Маркс, М. Вебер и др. [37; 111; 139; 215].

В результате к концу XIX века формируются и методологические подходы к пониманию сущности и особенностей управления городом как социальной системой. Обращает на себя внимание многоаспектность изучения города и специфики его функционирования. Наряду с антропогеографическим подходом Ф. Ратцеля к пониманию города как концентрированного по-

селения людей, занятых несельскохозяйственной деятельностью [193], получает распространение видение города как организации, предприятия в контексте экономического развития, нашедшее отражение в трудах И. Тюнена, А. Вебера и др. [24].

В то же время Х. Молоч и Дж. Логан убедительно показали, что экономический рост городов далеко не всегда приводит к увеличению суммы общественных благ. Конечно, в городах формируются коалиции роста, или «машины роста», по Х. Молочу и Дж. Логану. Но, по мнению ученых, «машина роста» отражает не столько развитие города, сколько выступает как коалиция элит, нацеленная на извлечение прибыли из городской земли и всего, что на ней возведено [277].

Постепенно трактовка города и управления им в широком политико-экономическом смысле как пространственной формой определённого типа социально-экономических отношений, как производственно-экономической системой сменяется пониманием роли социально-экологических аспектов территории, а сам город начинает рассматриваться как ареал взаимодействия антропогенных и природных элементов среды обитания человека.

Значительный вклад в разработку и определение структур управления городом был внесен представителями Чикагской школы – Ч. Мерриамом, Х. Госснелом, Г. Лассуэлом, Л. Уайтом, Э. Фройндом [76; 142; 275; 286]. В их исследованиях наряду с определением эффективности действующих органов управления доказывалось, что социальная структура современных сообществ содержит так называемые неформальные сообщества индивидов, которых объединяет определенная степень чувства группы и близости, позволяющая устанавливать специфические групповые нормы поведения, серьезно влияющие на повседневную жизнь горожан.

К середине XX века сложились основные теоретические подходы к управлению. Среди них следует выделить, прежде всего, системный подход, получивший широкое признание. Основываясь на концептуальных позициях ученых, можно рассматривать системный подход к исследованию объекта

(проблемы, явления, процесса) как к системе, в которой выделены элементы, внутренние и внешние связи, наиболее влияющие на исследуемые результаты его функционирования, на цели каждого из элементов, исходя из общего предназначения объекта.

Важно подчеркнуть, что С.Л. Оптнер считал управление целью обратной связи: «Обратная связь «воздействует» на систему. Воздействие есть средство изменения существующего состояния системы путем возбуждения силы, позволяющей это сделать» [167, с.28]. Учет обратной связи, функциональной взаимосвязи «входа» и «выхода» системы подводит к пониманию управления через процесс целенаправленного воздействия на систему, обеспечивающий повышение ее организованности и достижения заданной цели. При этом, как отмечает В.И. Мухин, система в процессе своего функционирования разделяется на управляющую и управляемую подсистемы, что приводит к разделению их функций [156, с.42]. Такое разделение есть объективная необходимость, которая вызвана усложнением деятельности во всех областях, ростом ее общественного характера, усилением взаимосвязей различных процессов. Более того, в современных условиях развития социального управления появляется необходимость не только согласования целей и усилий индивидуумов, социальных групп, управления их совместной деятельностью, но и формирование управляющего воздействия самой управляемой подсистемой.

Таким образом, системный подход к управлению позволяет рассматривать управление городом в рамках целостной системы, характеризующейся: достаточной обособленностью и устойчивостью в своем развитии; сложным составом большого количества элементов, взаимодействие которых формирует качественно новые свойства целого; целостностью, когда все составляющие систему элементы, обладая определенной самостоятельностью, обеспечивают движение к достижению общей цели; структурированностью и иерархичностью, при которой внутреннее строение системы обладает опреде-

ленной соподчиненностью элементов при достижении упорядоченности взаимосвязей.

Не меньшее влияние на развитие теории управления городом оказал структурно-функциональный подход. Теоретическая часть структурно-функционального анализа связана с взглядами Э. Дюркгейма, а наработка механизмов и путей его практической реализации – с американскими социологами Т. Парсонсом и Д. Истоном [80, с. 290-293; 100, с. 319-331].

В качестве методологического основания исследований управления выступают концептуальные положения Э. Дюркгейма и Р. Арона, в соответствии с которыми обществу присуща некая особая «реальность», соединяющая людей в единое целое на основе солидарности, а значит, имеющая общие и частные законы, которые и являются предметом социологического изучения, поскольку раскрывают суть и специфику всех общественных явлений [10, с. 345; 79, с. 508-510].

В своей работе «О разделении общественного труда» Э. Дюркгейм предлагает считать основой взаимодействия индивида и общества именно солидарность. Первоначально, по мнению ученого, формируется механическая солидарность, базирующаяся на сходстве индивидов, которая приводит общество в состояние сплоченности вследствие отсутствия дифференциации индивидов. Но при этом существует и органическая солидарность, напротив, приводящая к взаимодополняемости индивидов в виду их различий. Эти два вида солидарности соответствуют двум формам общественной организации. Архаические, или примитивные, общества отличает преобладание механической солидарности, где индивиды взаимозаменяемы. Нарастание различий индивидов в процессе развития общества предопределяет появление органической солидарности, однако механическая солидарность полностью не исчезает. Так, по мнению Э. Дюркгейма, если «в обществе весьма развито, в частности, разделение труда, особенно, экономическое, то сегментарный тип (механическая солидарность) в нем будет довольно резко выражен. Об этом свидетельствуют и локальная автономия, и авторитет, который здесь сохра-

няет традиция» [78, с. 80]. Данный постулат представляется особенно важным для эффективного социального управления городом, т.к. в значительной мере солидарность, доверие формируют коллективное сознание и поведение, ориентированное на достижение общего блага.

Вслед за Э. Дюркгеймом будем считать, что солидарность и разделение труда цементируют и сплачивают человеческое общество, и если солидарность базируется на коллективном сознании (совокупности общих верований и чувств, разделяемых членами одной группы), которое отражает сознание народа, его идеалы и традиции, то разделение труда вносит в общество разнообразие. Более того, чем оно существеннее, тем сильнее у людей стремление к единству и обмену. При этом важную роль играют, с одной стороны, личная ответственность индивида, а, с другой, социальные императивы, санкции и запреты, общественные ценности, определяющие ценности индивидов [10, с. 325-326].

Таким образом, разделение труда, закрепленное договором, и формирует солидарность общества. В то же время следует отметить преобладание социально-экономических аспектов в характеристике солидарности, тогда как социально-политический акцент управления раскрывает, прежде всего, цели управленческой деятельности и инструментарий их достижения.

Социальный контекст управления находит отражение во взглядах Т. Парсонса, который, анализируя фактологический материал, приходит к выводу о том, что социальные действия людей, во-первых, нормативно регулируются и, во-вторых, происходят в рамках системы ценностей. Эти положения позволяют вслед за Парсонсом рассматривать общество как нормативную общность индивидов. При этом ядром социальной системы является структурированный нормативный порядок, посредством которого организуется коллективная жизнь. Порядок, чтобы быть значимым и легитимным, опирается на ценности, дифференцированные и упорядоченные правила и нормы, которые соотносятся с определенной культурой. Коллектив людей,

охваченный нормативной системой, находится под её «юрисдикцией», именуемой Т. Парсонсом социетальной общностью [180, с. 15-29].

В соответствии с этими взглядами ученый определяет сущность управления как институциализацию образцов ценностных ориентаций, которые выступают одним из компонентов, управляющих поступками и действиями отдельных индивидов, малых групп, локальных общностей, вплоть до общества. В его концепции институциализация рассматривается как процесс формирования устойчивых норм и стандартов, позволяющих регулировать социальную деятельность отдельных личностей и их общностей [179, с. 481].

Регулирующий механизм институциализации, по мнению ученого, проявляется в четырех аспектах: во-первых, обеспечивает стабильность нормативных стандартов, а значит, и стабильность соответствующей системы; во-вторых, определяет уровень связанности действующих единиц системы; в-третьих, приводит к пониманию большинством членов общества смысла нормативных регулирующих стандартов; в-четвертых, формирует «интеграцию частного нормативного комплекса в более общий комплекс, управляющий системой в целом на нормативном уровне» [178, с. 482].

Особое значение в современных условиях трансформации российского общества приобретает взгляд Т. Парсонса на роль системы контроля в регулировании институционального нормативного комплекса. Он особенно выделяет «кибернетические аспекты контроля», когда приоритетное значение приобретают количество, качество и уровень информации. В контексте сказанного для современной системы управления разного уровня – от федерального до местного – возрастает значение культуры, в том числе информационной. Отдавая приоритет культуре в смысле возможностей регулятивно-нормативного влияния, Т. Парсонс подчеркивал необходимость легитимации всякой власти, т.е. признания ее законной, особенно теми, кто ей подчиняется. При таком подходе главным связующим элементом социального управления и культурной системы общества становятся ценности. Интерпретируя их

в смысле образца, стандарта поведения, он отмечал, что они «имеют регулятивное значение для социальных процессов и отношений» [179, с. 511-512].

Наряду с системным и структурно-функциональным подходами в последние годы получил широкое развитие ситуативный (ситуационный) подход к управлению, нашедший отражение в трудах Д. Вудворда, П. Лоуренса, Ф. Лутанса и др. [143, с. 495-519]. Рассматривая управление как процесс, зависящий от конкретной ситуации, исследователи отмечали, что эффективность управления определяется согласованностью стоящих задач с техническим оснащением, внутренними переменными и внешним окружением.

Полагаю, что на современном этапе важно учитывать возможность применения ситуационного подхода при поиске альтернативных путей достижения одной и той же цели во время принятия или реализации управленческого решения, при учете непредвиденных обстоятельств. Кроме того, при ситуационном подходе учитываются не только все требования системного подхода, но и возможности других управленческих школ и направлений, так как только на основе владения полным набором управленческих средств можно в определенной мере прогнозировать их комплексное воздействие на ситуацию. В случае управления городом ситуативный подход позволяет оптимизировать принятие управленческих решений, а также корректировать их в соответствии с конкретной ситуацией.

Эволюция управленческой теории способствовала осознанию того, что управление – это сложное, многоплановое явление, в основе которого находится деятельность человека. В результате постепенно происходило изменение понимания роли человека в управлении – от понятий «человеческий фактор», «человеческий потенциал» к попытке понять самого человека в реальной ситуации его жизнедеятельности. В этом стремлении опорными точками становятся ценности и нормы, что приводит к формированию, с одной стороны, культуры управления, а с другой, к осознанию социальной сущности управления.

Современные социологи, экономисты, политологи по-разному определяют сущность социального управления. При этом ученые солидарны в том, что на рубеже тысячелетий изменение практики управления «можно содержательно охарактеризовать как процесс социализации управления» [41, с. 241]. Действительно, рассматривая управление через призму упорядочения деятельности социальных общностей за счет реализации различных социальных целей, можно утверждать, что в основе современного управления лежит социальное взаимодействие.

Исходя из выше сказанного, в диссертационном исследовании учитываются три важных момента в теории социального управления: во-первых, социальный характер управляющего воздействия, направленный на упорядочение различных взаимовлияний; во-вторых, конкретная направленность упорядочения – социальная общность, которая в зависимости от объема и характера общественных связей и явлений, охватываемых управлением, может включать управление обществом, управление государством, управление сферами жизнедеятельности человека, управление предприятиями, организациями, учреждениями; в-третьих, управление реализуется через достижение социальных целей и норм.

Выделение социального управления как отдельной отрасли научного знания, по мнению А.В. Гладышева, В.Н. Иванова, В.И. Патрушева, обусловлено возрастающей потребностью в целостном освоении окружающего мира и необходимостью системного воздействия на все сферы общественной жизни (экономическую, политическую, социальную, духовную) в их интегральном качестве [54, с. 9-10].

При этом В.Н. Иванов и В.И. Патрушев, характеризуя социальное управление в широком смысле, отмечают, что оно «органически присуще общественной системе, обеспечивая сохранение ее целостности, качественной специфики, воспроизводства и развития», тогда как в узком смысле социальное управление представляет собой процесс осознанного, систематического, специально организованного воздействия на общество, упорядочива-

ния и усовершенствования его структуры с целью выработки и достижения социальных целей [94, с. 23].

В то же время трудно согласиться с выделением В.Н. Ивановым воздействия в качестве отличительного свойства социального управления, определяющим его как «воздействие субъекта управления на объект управления с целью перевода его в новое желательное состояние» [172, с. 7]. Закономерно Н.А. Костко и А.А. Попкова подчеркивают, что воздействие лишь является первоначальным действием субъекта управления на объект, поскольку любое воздействие на социальные процессы порождает ответную реакцию, которая может быть активной, пассивной, косвенной или отсутствовать. Возникновение обратной связи позволяет утверждать, что основу социального управления составляет взаимодействие [116, с. 9].

Именно при таком подходе управленческая теория предстает в виде систематизированного знания о закономерностях, принципах, функциях, формах и методах всех сфер и уровней управления, что позволяет осознать масштабность и всеобщность социального управления. Это нашло отражение и во взгляде А.А. Дегтярева, который характеризует социальное управление как систему обеспечения жизнедеятельности социальной, экономической, политической, социокультурной и духовной сферы, их воспроизводства и передачи ценностей от поколения к поколению. Ученый включает в данную систему самостоятельные и независимые от государства общественные институты и отношения, в задачи которых входит обеспечение условий для самореализации отдельных индивидов и коллективов, удовлетворение частных индивидуальных или коллективных интересов и потребностей. При этом интересы и потребности могут выражаться через такие институты гражданского общества, как семья, церковь, система образования, научные, профессиональные и иные объединения, ассоциации и организации и т.д. [74, с. 108-120].

Таким образом, с одной стороны, генезис теории управления, а с другой, – совершенствование способности человека управлять своей деятельно-

стью привели к пониманию, что социальное управление не может ограничиваться преобразованием внешнего для человека предметного мира или самого человека, его моделей поведения, потребностей, интересов. Оно ориентировано на развитие самой практической деятельности в единстве всех ее аспектов и сфер, на изменение самой сущности человека. Но отсюда явно наблюдается и осознание того, что общественно-преобразовательная деятельность человека как определенный процесс нуждается в управлении.

Признавая способность человека управлять своим потенциалом и преобразовывать все сферы своей жизнедеятельности, Е.М. Бабосов приходит к выводу о том, что «управление собственным развитием, касается ли это единичной личности, социальной группы, общности или общества в целом, включает в себя формирование идеала будущего, формирование идей, образов, стандартов действия» [13, с. 37].

В результате и общественно-преобразовательная деятельность человека, и стремление к развитию некой идеальной модели управления предполагают сознательное воздействие людей на общественную систему и ее отдельные звенья на основе познания объективных закономерностей и тенденций развития для обеспечения оптимального функционирования и регулирования системы при согласовании интересов настоящего и будущего.

Осознание этого позволило российским исследователям говорить о законах социального управления. По мнению ученых, осознанное использование законов позволяет приводить деятельность людей в соответствие с объективными требованиями жизни [54, с.39-48; 68, с.161-179].

Так, А.Г. Гладышев, В.Н. Иванов, В.И. Патрушев и др. к законам социального управления относят:

- Закон необходимого разнообразия, предполагающего соответствие разнообразия управляющей системы не меньшему разнообразию управляемого объекта. Это означает, что обратная связь и получаемая информация должны содержать объективные и разносторонние сведения, позволяющие

обеспечить формирование управляющих воздействий в соответствии с изменяющимся объектом управления.

- Закон специализации управления предполагает не только разделение управленческих функций, но и специфику их реализации в зависимости от направления, условий деятельности, поставленных задач.

- Закон интеграции управления, означающий объединение специализированных управленческих действий на разных уровнях и направлениях в единый управленческий процесс в рамках единого социального организма – территориальной общности. В качестве интегрирующих факторов исследователи выделяют цели, задачи и интересы общества, требующие поддержания нормальной жизнедеятельности и развития социальной общности в соответствии с постоянными изменениями внутренней и внешней среды.

- Закон экономии времени, отражающий эффективность управления, когда, поставленная цель достигается на основе наименьших потерь: временных, материальных, человеческих и финансовых ресурсов, что во многом зависит от уровня организации деятельности органов власти и от адекватности реакции субъекта управления на объект управления.

- Закон приоритетности социальных целей, когда органы управления определяют необходимость развития производства, политики, экономики не как цель, а как условие повышения качества жизни членов территориальной общности, их благосостояния, улучшения социального самочувствия.

- Закон возрастающей субъективности и интеллектуальности в управлении определяет характер управленческого воздействия. Управленческие отношения создаются и совершенствуются людьми, проходят через их сознание, а значит несут на себе отпечаток субъективности в виде общей и управленческой культуры [54, с.40-41].

Реализация указанных выше законов, раскрывающих сущностные характеристики социального управления, особые требования предъявляет к субъектам их применения. А.И. Кравченко, выделяя в управлении как процессе субъект, определяющий направление, цели, задачи и конечный резуль-

тат будущего движения, а также объект, который все это реализует, соотносит социальное управление с целенаправленным, планируемым, координируемым и сознательно организуемым процессом, способствующим достижению максимального эффекта при минимальной затрате ресурсов, усилий и времени. Тем самым он определяет ряд основных функций социального управления: целеполагание, планирование, координацию и организацию [117].

Учитывая, что воздействие в социальной системе может быть разным по объему, содержанию, направленности, силе, власти, а также иметь конструктивную и деструктивную направленность, а взаимодействие как маркер социального управления находится на этапе становления, особое внимание следует уделить субъектам социального управления. В качестве субъекта социального управления, на разных уровнях осуществляющего целенаправленное воздействие и несущего ответственность за его последствия, выступают: государство (его органы и должностные лица), муниципальное управление и местное самоуправление, социальные институты, организации и учреждения, группа людей (которые совместно управляют, например, своим поведением и деятельностью) и, наконец, отдельный индивид (в частности, самоуправление).

В том случае, когда в качестве субъекта социального управления выступает государство, говорят о государственном управлении, а управленческую деятельность связывают с властными полномочиями федеральных, региональных и муниципальных органов власти. В качестве объектов социального управления выступают, с одной стороны, общественные отношения (общество в целом), виды деятельности (коллективы), а также социальные роли (человек), непосредственно связанные с воспроизводством материальных и духовных благ и социальных условий жизнедеятельности людей. Вместе с тем, «управляемые объекты различаются как социальные, экономические, духовные и политические в соответствии с основными сферами деятельности» [11].

В дискурсе сказанного важное значение имеет выделение В.С. Карпичевым в качестве объекта социального управления не «индивида, людей и общества», а «социальные и технические системы, процессы, отношения, организации» [116, с. 9; 210, с. 6].

Эффективное государственное управление, являясь видом социального управления, обеспечивает функционирование и взаимодействие сложных социальных систем, в том числе социально-территориальных, целостность их структуры, их внутренние и внешние связи, саморазвитие и воздействие одной системы на другую, взаимоотношения субъекта и объекта управления.

Именно поэтому Г.В. Атаманчук, Н.И. Глазунова, В.Н. Граждан подчеркивают, что и органы государственной и муниципальной власти, будучи субъектом управления, и управляемые объекты не могут существовать сами по себе, лишь во взаимодействии они создают факторы развития и позволяют людям решать свои проблемы. В формировании и реализации социального управления всегда осуществляется взаимосвязанное участие субъекта и объекта – управляющей и управляемой систем. Последняя оказывает влияние на социальное управление через выдвижение своих потребностей, интересов и целей, являющихся определяющим условием и важнейшим фактором содержания управления, а также способов его реализации. Более того, в современных условиях объект и субъект управления могут меняться местами, дополняя функциональные возможности друг друга [11; 55; 66].

Согласно заключенной в сказанном выше логике социальное управление включает в себя иерархические уровни и формы воздействия, их взаимоотношения. Принцип иерархии предполагает субординацию, которая, согласно определению В.Д. Граждана, является «тем типом управления, когда осуществляется вертикальное упорядочение процесса, а один из элементов какой-либо общности или одна из взаимодействующих общностей играет роль ведущего начала в деятельности всех остальных» [65, с. 224]. В то же время важно подчеркнуть возрастающее значение функции обратной связи, когда возникает двусторонность системных отношений между звеньями раз-

ного уровня, а социальные взаимодействия формируют возможность контроля за органами власти. Корректировка действий, организация обратной связи и оперативное получение информации являются прямым проявлением социального управления. Нарушение равновесия системы социального управления ведет к кризисным явлениям во всех сферах жизнедеятельности человека.

Успешность преодоления дисгармонии во многом определяется постановкой и достижением целей управления. Разделяя точку зрения В.И. Мухина на понимание цели как «совокупного представления о некоторой модели будущего результата, способного удовлетворить исходную потребность при имеющихся реальных возможностях, оцененных по результатам опыта» [156, с. 47], можно подчеркнуть, что цель определяется потребностями, но ее выбор субъективен и находится в зависимости от конкретного индивида или сообщества. Тогда, отмечает В.Д. Граждан, для формирования оптимальной цели при решении социальных проблем необходимы знание ситуации, исходных потребностей, их оценивание и прогнозирование результата [68, с. 94-95]. В то же время цель несет элемент неопределенности, нередко наблюдается некое «рассогласование» полученного при ее достижении результата и прогнозируемой модели. Следовательно, цель может служить средством оценки будущего результата, т.е. признаком эффективности системы социального управления, а значит, и содержание социального управления определяется качеством целеполагания. Последнее, в свою очередь, зависит от способности наиболее точно и полно выражать коренные потребности и интересы всего общества, а также отдельных социальных групп и индивидов.

Как уже отмечалось выше, источником активности в социальных системах являются потребности и стимулы, трансформируя которые в цели, можно влиять на социальный процесс и управление им. Таким образом, целеполагание маркирует способность субъекта управления воздействовать, опираясь на сущность новой управленческой парадигмы, которая заключается в том, что благодаря развитию информационных технологий, ускоряю-

щих и изменяющих обратную связь, повышается роль и значение творчески активной личности и/или социальной группы в социальном управлении. Системный подход позволяет утверждать, что взаимодействие включает в себя собственно действие (воздействие) субъекта и результат этого действия – ответную реакцию объекта воздействия, оцениваемую по каналу обратной связи. Это нашло отражение в структуре социального управления, представленной на рисунке 1.1.1.

Рис.1.1.1 Структура социального управления

Как видно из схемы, процесс социального управления предстает как взаимодействие управляющей и управляемой системы. При этом активность субъекта и объекта в процессе управленческого взаимодействия зависит от поставленных целей и задач, а также их заинтересованности в результатах такого взаимодействия. Следовательно, представление о социальном управлении как субъект-субъектном взаимодействии позволяет достичь консенсуса интересов не только всех субъектов управления, но и разных социальных

групп при условии их постоянного участия в управлении через процедуры общественного контроля и обратной связи в ходе корректировки разработанных планов. Именно процесс управленческого взаимодействия способствует эффективной реализации управленческих проектов и программ, достижению управленческих целей, их корректировки и оптимизации.

Рассматривая социальное управление как регулятор жизнедеятельности социальных общностей, необходимо отчетливо представлять механизм взаимодействия ее структурных элементов. Основываясь на деятельностном методе в управлении [67], в диссертационном исследовании были структурированы связи субъекта и объекта социального взаимодействия, на основе которых и формируется механизм управления. Исходя из взглядов представительницы понимающей социологии на «действия» как акцию и «поведение» как реакцию [170, с. 255-256], следует подчеркнуть цикличность взаимодействий в системе социального управления, т.к. «поведение» (реакция) в момент своего осуществления становится по сути «действием» (акцией), на которое, в свою очередь, возникнет реакция субъекта, осуществившего первоначальное действие (воздействие) [36, с. 625-639].

В дискурсе взаимодействия управляющей и управляемой систем закономерно выделение Е.М. Бабосовым в качестве базового принципа управленческой деятельности взаимообусловленности и целостности субъекта и объекта управления. «Управление как процесс целенаправленного и организующего воздействия субъекта (управляющей подсистемы) на объект (социальная общность, коллектив, организация и т.д.) должно составлять единую комплексную систему, имеющую одну цель, ... обратную связь от цели к действию, направленному на ее достижение» [13, с. 44-45]. И в этом смысле субъектно-субъектные взаимодействия можно рассматривать как воздействия субъекта на объект, реакция и видоизменение которого, а также переход к взаимодействию возможны в случае эффективного функционирования социального управления. Тогда социальное управление есть целенаправленное воздействие, содержанием которого является создание условий, организация,

сохранение и развитие жизнедеятельности личности и (или) социальных общностей, социальных групп, взаимодействующих в качестве объекта и субъекта управленческого процесса.

Итак, социальное управление, с одной стороны, выступает как важная функция любой социальной системы (общества в целом, объединения людей, социально-территориальной общности), обеспечивающая ее самосохранение, функционирование и развитие, с другой – как деятельность социального субъекта (социального института, организации, человека) по осуществлению функции управления (самоуправления).

Социальное управление, по мнению Н.А. Костко, можно рассматривать «как деятельность, которая обеспечивает поддержание в оптимальном состоянии или развитии социальных отношений индивидов, групп, общества в целом в соответствии с целями и задачами общественной жизнедеятельности» [114, с. 144,145].

Понимая, что социальное управление всегда связано с управлением людьми и социальными системами и направлено на достижение общественных целей, диссертант предпринял попытку выделить общие признаки данного феномена.

Во-первых, управление социальными системами предполагает учет того, что их составляют индивиды, обладающие сознанием, волей и способностью к социальной деятельности и целеполаганию.

Во-вторых, социальное управление осуществляется в рамках сложнейших социальных взаимодействий как субъектно-субъектного, так и субъектно-объектного характера, а система управления включает в себя реакцию управляемого объекта, которая вместе с акцией (воздействием) и формирует поле взаимодействий. При этом взаимодействие основывается на целерациональном действии и является сознательным, практическим, целенаправленным.

В-третьих, если целью социального управления выступает упорядочение, сохранение и развитие управляемой социальной системы, общественных

процессов, отношений и деятельности людей, то управление имеет организующе-регулирующий характер, а значит, опирается на выработанные в обществе социальные установления, закрепленные в нормах, традициях, моделях поведения. В результате социальные нормы, традиции, обычаи, право и другие социальные регуляторы получают свою практическую реализацию: признаются, утверждаются и соблюдаются. Тогда именно целеполагание, организация и регулирование и составляют сущность социального управления.

В-четвертых, практическая реализация управленческих функций связана с властью как особой системой отношений, при этом субъект власти становится и субъектом управления. Признавая иерархичность социального управления, следует подчеркнуть возрастающее значение городского уровня, поскольку именно здесь происходит наиболее тесная связь между объектом и субъектом управления и осуществляется их взаимодействие для достижения социальных целей, а социальный субъект может выступать и субъектом, и объектом социального управления.

В-пятых, город как целостный социальный организм, открытая, сложная и специфическая система способен не только адаптироваться к воздействиям внешней среды, но и оказывать на нее значительное ответное воздействие, изменяя окружающий мир в соответствии с потребностями территориальной общности и основных подсистем города через социальное управление.

Таким образом, выделенные сущностные характеристики социального управления позволяют понять, что его эффективная реализация обусловлена взаимодействием обеих систем – и управляющей, и управляемой. Последняя, оказывая влияние на управление через выдвижение своих потребностей, интересов и целей, является определяющим условием и важнейшим фактором содержания управления, а также способов его реализации. Именно поэтому в работе акцентировано внимание на управлении городом как социальной общностью.

1.2. Условия, принципы и индикаторы управления городом как социальной общностью

Трудности, с которыми сталкиваются современные российские города, с одной стороны, и способность города отражать основные явления и процессы, происходящие во всех отраслях жизнедеятельности человека, с другой, обуславливают необходимость становления и развития социального управления. Перспективы системы социального управления городом определяются наличием большего числа связей и максимальной приближенностью результатов управленческой деятельности к населению. При этом эффективное функционирование всех систем города становится возможным лишь на основе освоения новых форм, методов и принципов управления, повышающих его результативность. Именно социальное управление, ориентированное на развитие взаимодействия с членами городского сообщества может обеспечить устойчивое развитие города.

В свете сказанного в диссертационном исследовании социальное управление городом анализируется не столько с позиции структурной оценки функционирования органов управления, сколько в дискурсе их взаимодействия с горожанами. Допуская, что социальные взаимодействия могут развиваться по различным сценариям как в рамках сотрудничества, так и конфликта, необходимо акцентировать внимание на таких характеристиках социального управления, как возобновляемость действий сторон, их сопряженность, интерес к ответным действиям, координация, а также поиск путей устойчивого развития городского сообщества, а значит, и города. Обозначенный подход требует всестороннего анализа понятия «территориальная социальная общность» и выявления ее особенностей как объекта социального управления, а также обоснование возможностей и направлений развития как субъекта управления городом.

Объективна точка зрения Ю.Ц. Тыхеевой о том, что город представляет собой сложный и функциональный комплекс, который может быть всесто-

ронне изучен лишь в фокусе пересечения целого ряда общественных наук: социологии, философии, социальной антропологии, истории, экономики, географии, этнологии и других [238].

В ряду перечисленных наук социология управления имеет свой подход к изучению города, рассматривая становление, функционирование и развитие социально-территориальной общности, механизм социальных изменений и социальных отношений, закономерности социальных действий и поведение социальных групп и индивидов в процессе социального управления административно-территориальной единицей. В конечном итоге, социология управления акцентирует внимание на социальной сущности, на социальных предпосылках и результатах управленческого воздействия на социальную общность города.

Согласно социологическому подходу, социальное управление городом включает компоненты, характеризующие его сущностное содержание, – влияние на социальную инфраструктуру, условия и образ жизни горожан, социальные качества людей, социально-статусные различия индивидов и групп, связанные с ними отношения. Так как социальное управление направлено на регулирование социального взаимодействия людей, то приоритетное значение приобретает изучение и анализ социального самочувствия горожан, во многом определяющего степень их социальной активности в условиях городской среды.

В таком случае социальное управление городом можно рассматривать, с одной стороны, как целенаправленное системное изменение социально-экономических, социальных, политических, духовно-культурных процессов и окружающей среды, определяющих устойчивое развитие города, а, с другой, воздействие на общественное сознание, социальное самочувствие, поведение (деятельность) горожан в процессе взаимодействия органов управления и социальной общности.

В диссертационном исследовании предпринята попытка выстроить анализ управления городом как социальной общностью, опираясь, во-

первых, на системно-деятельностный подход (П. Бурдье, Э. Гидденс, П. Штомпка, Ю. Хабермас) [34; 52; 272; 282]. При таком подходе, по мнению Ж.Т. Тощенко концептуально меняется интерпретация управления, так как предстает как согласованная система действий социальных акторов, поддерживающих и конструктивно изменяющих социальный порядок без насилия и манипуляции другими участниками совместной деятельности в контексте данной культурной среды [232, с. 24]. Представляется, что именно конструктивное взаимодействие позволит более широко использовать принцип флексибельности управления, способствующий рациональному сочетанию формальных правил и неформальных взаимоотношений между управляющей и управляемой системами.

Во-вторых, необходимость выбора эффективных механизмов управления городом предопределила использование ситуационного подхода, при котором стиль управления во многом зависит от цели, которая встает перед органами управления, и ситуации, в которой она достигается (Дж. Вудворд, П. Лоуренс, Дж. Чайлд и др.) [117; 239]. Использование данного подхода в диссертационном исследовании показало, что не может быть единственного универсального набора принципов и технологий управления, потому что в разных условиях лучшие результаты приносит применение разных стратегий.

В-третьих, возрастающее влияние ситуационных факторов и противоречивость жизни городского социума в ситуации неопределенности, экологических и техногенных рисков, маргинальности значительного числа социальных групп и индивидов актуализируют аксиологический подход к анализу общественной жизни и социального управления (К. Поппер, А. Тойнби, М. Хайдеггер, Ю. Хабермас, Э. Фромм) [187; 230; 245; 249; 251]. Это дает возможность применять ценностный подход к человеку, в том числе как к члену городского сообщества, что предполагает преодоление чрезмерной абсолютизации материально-экономических факторов в развитии города и выявление определенной зависимости данных факторов от формирования ценностных ориентаций личности, от особенностей социокультурной ситуации, от

социального самочувствия населения. По мнению российских ученых В.П. Бранского, Е.В. Золотухиной, Т.Г. Лешкевич, В.Г. Федотовой, такой подход, продолжая традиции системного исследования общественной жизни, позволяет применить к изучению социальных процессов методологические принципы синергетики [30, с. 112-129; 91, с. 184-201; 128; 242]. В контексте предмета диссертационного исследования важно подчеркнуть, что социальная синергетика как теория самоорганизации социальных систем не исключает стремления к упорядоченности, когда наличие внешних воздействий на систему можно в совокупности рассматривать как управление.

Отсюда четвертым методологическим принципом диссертационного исследования являются положения холизма, способствующие осознанию природы функционирования и развития социально-территориальной общности как целостного субъекта, наделенного определенными характеристиками, свойствами и функциями. Целостность, управляемость, наличие внутренних и внешних связей, иерархичность, являясь сущностными признаками социально-территориальной общности, обуславливают такие ее свойства, как способность к самоорганизации и самовоспроизводству.

Итак, в социологическом плане управление городом как социальной общностью строится на концепции о том, что любой город является не только местом поселения, но и формой организации жизнедеятельности индивидов и социальных групп. Следовательно, город исследуется как социально-территориальный объект, в котором организуется многосторонняя деятельность человека, формируется новая общность – горожане, а вместе с этим возникают новые формы организации общественной жизни – социально-стратификационная, производственная, социокультурная, создаются новые социальные институты.

О.И. Шкаратан, раскрывая особенности современного управления через функционирование и развитие территориальных общностей людей, считал необходимым рассматривать «клеточки» – своеобразные ячейки социального организма – как компоненты конкретно-исторического общества, в

которых воспроизводятся целостные общественные структуры. Такими ячейками являются территориальные общности людей. В то же время О.И. Шкартан предупреждал, что важно не смешивать такие категории, как формы расселения людей, с одной стороны, и территориальную общность – с другой [258, с. 12].

Территориальная общность, занимая одно из главных мест в социальной структуре, имеет несколько, порой весьма противоречивых, толкований. При этом нередко происходит смешение понятия «территориальная общность людей» с понятием «поселение людей».

Традиционно основанием для выделения территориальной общности является факт проживания на общей территории. С.С. Новикова под территориальной общностью понимает «совокупность людей, постоянно проживающих на определенной территории и связанных узами совместных отношений к данной хозяйственно освоенной территории» [163]. С.С. Новикова к территориальным общностям относит население города, деревни, поселка, села, отдельного района большого города, здесь главным становится именно территориальный признак.

Несколько иную точку зрения на природу территориальных общностей высказывают представители Новосибирской социологической школы, раскрывая содержание территориальной общности как общности по поселению. При этом объективной основой формирования территориальных общностей выступают различия условий в местах поселения людей.

Социологический контекст дефиниции «территориальная общность» получил распространение в большей мере в зарубежной литературе. Анализируя переводную литературу, Е.Е. Горяченко [61, с. 499-534] выделяет ряд подходов к определению «территориальной общности»: «...любое множество социальных отношений, осуществляемых главным образом внутри некоторых границ поселений или территорий» [266, р. 97]; «...социальная сеть взаимодействующих индивидов, обычно концентрированных в рамках определенной территории» [284, р. 80.]; «...это наименьшая территориальная груп-

па, которая может объять все аспекты человеческой жизни... Это локальная группа, достаточно обширная, чтобы «включать» все главные институты, все статусы и интересы, которые, может быть, и составляют общество. Это наименьшая группа, которая может быть и часто является обществом» [62].

Как видно из приведенных определений, отличительной чертой социологического подхода к анализу функционирования и развития социально-территориальной общности является стремление ученых обосновать связь между территорией и занимающим ее социумом, а также показать особенности взаимодействия внутри социальной общности. Так, например, Я.Щепаньский рассматривает понятие социально-территориальной общности как общность людей, «члены которой связаны узами общих отношений к территории, на которой они проживают, и узами отношений, вытекающих из факта проживания на общей территории» [261, с. 160]. При этом Г.Н. Соколова и О.В. Кобяк выделяют социально-территориальную общность в качестве одной из ключевых категорий социологии расселения, поскольку она выражает собой определенный срез социальной дифференциации людей, складывающийся на основе исторически обусловленной территориально-поселенческой организации общества [262].

Итак, исходя из выделенных подходов к пониманию территориальной общности, можно констатировать, что категория «формы расселения людей» обозначает сложные территориальные образования, включающие природный и материально-вещный комплексы, а также совокупности людей, развивающихся в процессе производства и потребления на основе этих взаимосвязанных комплексов. А понятие «территориальные общности» включает, прежде всего, совокупности людей, воспроизводящихся в конкретных формах расселения.

В то же время Н.А. Костко, оперируя понятиями «городское сообщество» и «территориальная общность», подчеркивает связь территориальной общности и социального пространства, при этом «...объединительным элементом территориальной общности выступает территория, простран-

ство, ограниченное определенными границами», тогда как формирование социальной общности идет через идентификацию человека как горожанина. Более того, Н.А. Костко справедливо замечает, что «в практике муниципального управления учет проявлений территориальных самоидентификационных характеристик горожан может рассматриваться в качестве показателя развитости территориальной общности... » [113, с. 1166].

В свете сказанного важно отметить, что социально-территориальная общность не только включает совокупность людей, постоянно проживающих на определенной территории, но и отражает возможность осуществления совместной деятельности для удовлетворения своих экономических и социальных потребностей, специфику локальных связей и отношений, формирования на этой основе общих интересов ее членов. Следовательно, именно социологический подход позволяет рассматривать социально-территориальную общность как интеграцию индивидов и территории их дислокации, а также как пространство социального действия в том смысле, который вкладывает в него П. Сорокин [281, р. 190].

Представляется, что базовой категорией исследуемого понятия является «общность» (community). Н. Смелзер отмечал, что это понятие имеет много значений, и поэтому почти невозможно дать его точное определение [209, с. 244]. Рассмотрим основные взгляды исследователей на данную дефиницию.

Так, Ф. Тённис выделяет в качестве идеальных типов, носящих внеисторический и абстрактный характер, такие виды образований, как «общность», или «община» (Gemeinschaft), и «общество» (Gesellschaft). Общность понимается ученым как изначальное единство, в котором индивиды выступают как его элементы (семья, сельская община), между которыми устанавливаются непосредственные контакты. А общество есть ассоциация автономных индивидов, где преобладают опосредованные, косвенные контакты. Главными формами общинной жизни Ф. Тённис выделяет дом, село, город. Причем внешним фактором, скрепляющим дифференцированную общину,

является связь по земле, а также во времени. В реальности, считал Ф. Тённис, не существует в чистом виде либо «общности», либо «общества», потому что они тесно взаимодействуют друг с другом и вследствие чего изменяются [224, с. 230-231].

Фундаментальные принципы организации социальной жизни в различные исторические эпохи нашли отражение и в трудах Э. Дюркгейма. Анализируя природу связей, которые объединяют людей и формируют общество как целостность, он, как и Ф. Тённис, сравнивает два типа организации социальной реальности. Но если Ф. Тённис полагал, что общество не имеет внутренних источников взаимной связи, то Э. Дюркгейм, как уже отмечалось в диссертации, определял взаимозависимость людей как солидарность. В то же время последний представлял различия между механической солидарностью ранних обществ и солидарностью, основанной на разделении труда, в развитых обществах [78, с. 213-214].

По мнению Э. Дюркгейма, регуляция социальных связей в обществах механической солидарности носит конкретный (адресный) характер и осуществляется на эмоционально-нравственной основе. Органическая солидарность, основанная на разделении общественного труда, предполагает социальную и профессиональную дифференциацию членов общности. В данном контексте люди не просто проживают на одной территории, но взаимозависимы друг от друга в экономическом, политическом, культурном отношении [78, 1991, с. 127-128]. Следует подчеркнуть, что механическая солидарность никогда не вытесняется, она сосуществует с органической солидарностью, что наиболее отчетливо проявляется в небольших социальных территориальных сообществах.

Идеи взаимодействия в социальной общности получили дальнейшее развитие в работах М. Вебера и Т. Парсонса. Разработанная М. Вебером типология социальных действий на основе участия в мотивации сознательных, рациональных элементов была положена в основу анализа социально-исторических типов организации социальной реальности. По М. Веберу, ис-

торический процесс обусловлен нарастающей рационализацией социальной жизни [36, с. 629].

Выделяя два типа организации социальной жизни – традиционное общество (доминирующим регулятором социальных отношений является обычай, традиция) и современное индустриальное общество (доминируют ценностно-рациональные действия), М. Вебер считал, что с развитием человечества в мотивации социальных действий будет нарастать рационализация. Но рациональная деятельность индивидов не всегда способствует социальной ориентации на другого, что особенно негативно воспринимается в небольшой общности. Поэтому большое значение приобретают ценности, определяющие смысл социальных действий. Такой акцент нашел отражение во взглядах Т. Парсонса.

Т. Парсонс разработал «схему переменных образцов ценностных ориентаций», которая, по его мнению, выступает в качестве каркаса для анализа социальных систем и отношений [180, с. 227]. В науке термин утвердился как «типичные переменные социального действия». Суть данного понятия заключается в анализе способа ориентации одного актора на другого: на какие свойства, принципы он ориентируется, выстраивая свои отношения с другими в ситуациях, требующих выбора. Способы представлены Т. Парсонсом как альтернативы: «универсализм – партикуляризм», «достижения – аскриптивность», «ориентация на себя – ориентация на коллектив», «диффузность – специфичность», «аффективность – аффективная нейтральность».

Управляя городом как социальной общностью, представители власти должны осознавать всю многомерность мотивации социальных действий. Учитывая, что выбор актором конкретного варианта мотивации определяется целым рядом обстоятельств (ситуация, уровень культуры, принятая в данном сообществе система ценностей), в процессе социального управления возможна и желательна их целенаправленная корректировка, поскольку именно мотивация является побудительной силой деятельности человека, его кон-

кретных социальных действий, придает смысл и направление его активности, практических выборов.

Эмпирические исследования отечественных социологов (О.М. Дудиной, К.В. Решетниковой, А.Г. Эфендиева) позволили сделать вывод о влиянии на поведение россиян аскриптивно-партикуляристской ориентации, определяющей социальные действия, учитывающие, прежде всего, принадлежность человека к группе «своих» людей, а не его навыки и умения [166, с. 160-163; 196, с. 108-114; 264, с. 41-56]. Представляется, что особенно сильно данная тенденция проявляется в небольших сообществах. Поэтому, выстраивая взаимодействие с представителями территориальной общности, важно не только учитывать мотивы социальных действий, но и формировать универсальные ценности и модели поведения членов социальной территориальной общности, которые будут способствовать формированию достиженческой ориентации (по Т. Парсонсу), позволяющей проявлять, с одной стороны, инициативность, ориентацию на собственные силы, успех, а с другой стороны, уважение к инициативным людям, их поддержку.

В многообразии толкований значения категории территориальной общности выделяется подход представителей экологического направления Чикагской школы (Р. Парк, Э. Берджес, Л. Вирт, Э. Хоули и т.д.) [98; 174]. В рамках этого подхода общность рассматривается как производное от совместного места жительства, как целостный самодостаточный организм с собственным жизненным процессом. Общие интересы ее членов определялись проживанием в одном месте. В работе «Город» (1925), Р. Парком было проанализировано влияние социального окружения на человеческую жизнь, рассмотрены биологические и экономические факторы городской жизни. При этом ученый подчеркивал значение различных естественных зон города и их влияния как на особенности поведения индивидов, так и на взаимоотношения внутри социальной общности [176, с. 3-12; 278, р. 3-18].

Другой представитель Чикагской школы Луис Вирт (1897-1952) первым ввел в научный оборот урбанизм как социологическую категорию. В

своей урбанистической концепции он показывает влияние растущих городов на изменения характера общности. Городской образ жизни способствует ослаблению первичных связей, становящихся фрагментарными и поверхностными, но в то же время усиливает анонимность общения, уменьшает социальную роль семьи и соседской общины, снижает роль традиций и ослабляет социальную солидарность [40, с. 21-32].

Начиная с идей Э. Берджеса, акцентирующего внимание на поведении и адаптивных реакциях членов городского сообщества, все более интерес исследователей перемещается на взаимодействие групп территориальной общности [14, с. 20-32]. Обращение к интеракционизму обусловлено реальными изменениями в процессе развития общества, связанными с исчезновением общины деревенского типа, распадом общинных отношений. Новые тенденции нашли отражение во взглядах М. Стейна и Р. Уоррена [283].

Таким образом, классики социологии при описании социальной организации общества рассматривали территориальную общность, прежде всего, как социальную группу или систему. Используя в данном контексте и термин «городское сообщество», исследователи отмечали, что общность возникает тогда, когда формируется сеть социальных взаимоотношений, развивается взаимодействие, интеграция людей.

Анализу территориальной социальной общности как сети взаимодействий посвящены и работы Дж. Гиллери, пришедшему к выводу о том, что «комьюнити состоит из людей, вступающих в социальное взаимодействие в пределах географической территории и имеющих одну или более общих связей» [273, р. 111-123].

Однако при анализе управления социальной территориальной общностью необходимо принимать во внимание, что непосредственное взаимодействие индивидов, в котором актер ориентирован на другого, встречается в городской среде достаточно редко, т.к. большое число действующих лиц и слабая осознанность общности интересов препятствуют такому контакту. Более того, в системе социального управления взаимодействие чаще осуще-

ствляется не столько между отдельными индивидами, сколько между представителями социальных групп и институтов, при этом может существовать взаимодействие между единицами как одного, так и разного уровня.

В дискурсе обозначенных подходов интересна теория Л. Вирта, который доказал, что дифференциация, характерная для общностей, достигающих определенного размера, плотности населения и отличающихся неоднородным составом членов, постоянно разрушает связи между людьми и большими первичными подгруппами, делает их более иерархичными. Более того, в общине, состоящей из огромного количества индивидуумов, превышающего то число, при котором люди могут иметь непосредственное знакомство и проживать в одном месте, появляется необходимость выражения личностных интересов в процессе делегирования, поэтому типичной для города чертой становится представительство интересов. В число факторов, определяющих мировосприятие членов городского социума, Л. Вирт включал размер территории города, плотность и степень гетерогенности населения [287].

Взгляды Л. Вирта были подвергнуты критике Г. Гансом, по мнению которого повседневная жизнь людей протекает в небольших группах: в семье, среди друзей, соседей, образуя так называемые социальные миры. Эти миры изолируют людей от окружающей среды города и препятствуют разрушительным процессам, о которых писал Л. Вирт [270, p. 625-648.].

Безусловно, окружающая среда города может негативно влиять на личную жизнь людей, но в то же время в городах существуют благоприятные условия для создания и укрепления социальных групп. Это позволяет членам территориальной общности проявить себя в различных сферах жизнедеятельности, а также решать возникающие социальные проблемы на разных уровнях, в том числе конфликтным путем.

Более того, именно конфликтологическая парадигма функционирования территориальной общности раскрывает субъектность социальных противоречий, позволяет изучать и осмысливать их как борьбу реальных социальных субъектов, направленную на удовлетворение интересов и потребностей,

определяемых особенностями их жизнедеятельности [87; 109]. Это, в свою очередь, способствует определению и обоснованию возможностей, принципов и методов социального управления городом как социальной общностью, позволяющих принципиально разрешать возникающие противоречия в процессе ее функционирования.

В то же время М. Кастельс, характеризуя особенности становления общества сетевых структур, акцентирует внимание на новых противоречиях в деятельности коммьюнити. В современных условиях социальная морфология обществ, отмечает М. Кастельс, составлена именно сетями, что в значительной мере сказывается на ходе и результатах процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью. Принадлежность к определенным сетям, а также динамика одних сетей по отношению к другим становится важнейшим источником власти [104, с. 103]. Исследователь отмечает, что «...социальное построение новых (информационных) форм пространства и времени ведет к развитию метасети, приводящей к обесцениванию целых территорий. В этом процессе образуется дистанция между метасетью и большинством отдельных людей, видов деятельности и локалий по всему миру. При этом ни люди, ни локалии, ни отдельные виды деятельности не исчезают; исчезает их структурное значение... Общество сетевых структур, выступая в качестве нового социального порядка, большинству людей все чаще и чаще видится как метасоциальный беспорядок» [105, с. 505].

Однако, безосновательно говорить о том, что больше не существует социальности, привязанной к определенному месту, так как эволюция современных обществ протекает в направлении формирования различных структур социального взаимодействия. Именно увеличивающееся разнообразие структур социальности в значительной мере определяет специфичность социального развития общества. Более того, можно констатировать, что решающим фактором становится сдвиг от пространственных границ как источника социального взаимодействия к пространственному сообществу как воплощению социальной организации.

В данном контексте сеть становится одной из основных форм организации взаимодействия, поскольку Интернет является важным средством коммуникации и организации во всех сферах деятельности. Поэтому представляется вполне естественным, что в процессе управления территориальной общностью будет использоваться Сеть во все возрастающей степени с превращением Интернета в главный инструмент деятельности, информирования, организации, влияния и взаимодействия.

Именно поэтому для России, имеющей значительные малозаселенные территории, множество малых и средних городов, территориальная общность не только не исчезает и не поглощается «большим обществом», но и приобретает новое качество под воздействием условий его трансформации. Справедливо мнение Е.Е. Горяченко о том, что локальные территориальные общности являются необходимым элементом организации общества, опосредующим экономическое и политическое развитие, а также обеспечивающим социальную стабилизацию. Они сохраняют за собой важнейшие функции и приобретают новые, принимая на себя компенсацию отчуждающего воздействия современного общества [63, с. 63-86]. Вместе с тем, такие исследователи, как Э. Рейс, П. Лоури, Э. Хиллар, Р. Уоррен подчеркивали, что территориальная общность как система состоит из отдельных подсистем, выполняющих «локально-релевантные» функции социализации, социального контроля, социального участия, взаимной поддержки, а также производства, распределения и потребления [195, с. 106-115].

Эту точку зрения развивает Е.Е. Горяченко, рассматривающая саму территориальную общность как первую из подсистем общества и утверждающая, что именно она может потенциально удовлетворить весь круг основных потребностей человека (физиологических, социальных, психологических). Действительно, ни семья, ни правительство, ни церковь, ни добровольные ассоциации этого сделать не могут, так как любая из них менее комплексна, чем комьюнити [61, с. 499-534].

Особое значение города как подсистемы общества связано еще и с тем, что именно на территориальном уровне воплощается специфическое производство – производство самих людей. Как будет показано ниже, именно устойчивое социально-демографическое воспроизводство индивидов является системообразующей функцией первичной территориальной общности.

Как подсистема общества, исходная клеточка по О.И. Шкартану, территориальная общность обладает свойствами целостности и неделимости по функциональному назначению: ее составные части не могут выполнять те специфические функции, которые присущи данной социально-пространственной единице.

Исходя из сказанного выше, возможно определить локализованную в пространстве территориальную общность как целостную и относительно самостоятельную первичную ячейку территориальной организации общества – совокупность людей, объединенных социальными связями, возникающими по поводу определенных условий жизнедеятельности на территории, где они проживают. Кроме того, по мнению Э. Шилза, территориальной общности присущи и такие важнейшие признаки общества, как саморегулирование и самовоспроизводство [257, с. 341].

Выделенные особенности и характеристики территориальной социальной общности нашли отражение в ее критериях, предложенных Е.Е. Горяченко:

- территориальная концентрация населения;
- пространственная обособленность и локализация большей части основных функций по воспроизводству территориальной группы населения на относительно компактной территории;
- относительная «самодостаточность» производственной и непроизводственной сферы для удовлетворения основных потребностей населения;
- целостность, проявляющаяся в большей интенсивности внутренних связей по сравнению с внешними;

- однородность условий функционирования локальной общности и порождаемая их единством специфика качественного состава населения и среды его жизнедеятельности;

- осознание большинством жителей своей принадлежности к данной территориальной общности, их социальная самоидентификация;

- наличие у членов общности общих интересов, формирующих определенные типы поведения территориальной группы;

- наличие элементов самоуправления [63, с. 63-86].

Выделенные критерии позволяют рассматривать в качестве локальных территориальных общностей небольшие общности поселенческого типа (сельские поселения, малые и средние городские поселения), обеспечивающие возможности взаимодействия. К ним можно отнести и моногорода Тюменского Севера.

В свете сказанного городское сообщество может рассматриваться как локальная общность жителей города, которая соединяет в себе множество социальных и культурных групп. Следует отметить, что локализация социальной жизни происходит в соответствии с социально-территориальными принципами проживания людей и сопровождается автономизацией индивидов.

В то же время, как отмечает Д.Б.Сергеев, в актах, утвержденных указом Президента РФ, законах субъектов Российской Федерации и Уставах муниципальных образований получил признание термин «местное сообщество». Данная категория включает «население, проживающее в муниципальном образовании, объединенное общей территорией, едиными условиями жизни и общими интересами в самостоятельном (под свою ответственность) решении вопросов местного значения, образует городское (местное) сообщество» [203, с. 64].

Проанализировав основные экспликации выделенных категорий, можно говорить об общих родовых признаках понятий «городское сообщество», «локальное сообщество», «местное сообщество» и «социальная территори-

альная общность», к которым, прежде всего, относится территория размещения, общие проблемы и возможность формирования общих интересов. Признавая, что именно социальная территориальная общность лежит в основе становления городского сообщества, в диссертационном исследовании данные понятия рассматриваются как тождественные.

Представляется, что о формировании территориальной социальной общности свидетельствует поведение жителей, основанное на интеграции, усиливаемой или ослабляемой удовлетворенностью местом жительства, и имеют место модели поведения, связанные с участием в принятии решений, влияющих на судьбу горожан и их место жительства. Вполне очевидно, что если территориальная общность объединяет людей, имеющих, несмотря на все многообразие профессиональных, демографических, статусных и других различий, некоторые общие социальные и культурные черты, а также общие интересы, то взятые в совокупности характеристики всех групп населения, проживающих на определенной территории, позволяют судить об относительном уровне развития конкретной общности. В то же время нельзя не согласиться с Н.А. Костко, которая отмечает, что такое свойство сообщества, как привязка субъекта к конкретной территории, к месту, где могли быть осуществлены выше названные черты, размывается, приобретая диффузно-дисперсный характер [113, с. 1167].

В данном контексте достаточно веские основания и критерии социального управления городом могут отражать целенаправленное регулирование жизнедеятельности городских территориальных общностей. В таком случае управляемость городом является важным признаком устойчивой формы организации совместной деятельности горожан. При этом управляемость отражает также организационное оформление и упорядочение функционирования и развития города. Еще Т. Парсонс подчеркивал, что социальное равновесие системы обеспечивается социальным равновесием взаимодействующих элементов [181]. Таким образом, социальное управление направлено на учет особенностей взаимодействия его субъектов, что обуславливает результатив-

ность управления и способствует достижению в практике организационно-управленческих процедур главного целеполагания – повышение уровня и качества жизни, а значит и социального самочувствия как отдельной личности, так и социальной общности в целом.

Возвращаясь к рассматриваемым выше особенностям и выделенным признакам территориальной общности, необходимо подчеркнуть, что управление городом как социальной общностью может быть реализовано на основе учета принципиальных требований. Основываясь на системно-деятельностном подходе, к главным принципам социального управления городом можно отнести:

- принцип системности – объединение (при соответствующей дифференциации) отдельных взаимообусловленных видов управленческой деятельности на основе общей цели. Это означает не обычную координацию посредством согласования, а соединение действий в целостную целевую программу, в которой отдельные органы управления, их задачи выступают как взаимозависимые элементы, наделенные своим местом и ролью в ходе осуществления управленческого процесса;

- принцип обратной связи, позволяющий информировать субъекты управления о степени достижения результатов целеполагания и необходимой корректировки управленческой деятельности, если результаты не достигнуты;

- принцип иерархичности управления, предполагающую обоснованное выделение уровней иерархии управления в зависимости от ситуации, традиций, функциональной обусловленности, компетентности и ответственности работников, а также социальной активности членов территориального сообщества;

- принцип законности в социальном управлении – обязательное исполнение законов и соответствующих им иных правовых актов должностными лицами, гражданами и общественными организациями.

Выделенные принципы имеют определяющее значение для успешного управления социальной общностью и устойчивого развития города. В то же время важнейшим условием эффективного управления городом как социальной общностью является понимание субъектом управления городского социума как системы совместной деятельности людей, организации их социальной жизни.

Исходя из сказанного, территориальная общность обладает как общими, так и специфическими системными качествами. К всеобщим системным качествам относятся целостность, организованность, функциональность. Целостность как категория анализа отражает, с точки зрения И.В. Блауберга, сущность интеграции, иерархической организации подсистем [23, с. 159]. В.Д. Могилевский под целостностью понимает «...внутреннее единство, принципиальную несводимость свойств системы к сумме свойств составляющих ее элементов, т.е. она обладает качествами целого, мыслимого как многое» [150, с. 39]. Еще ранее В.П. Кузьмин подчеркивал, что «качество целостного явления есть то, что определяет его специфику и является неким внутренним трансформатором внешних действий» [120, с. 49]. Воздействие внешней среды и соответствующая реакция на него нашли отражение в концепции комплексности Н. Лумана [134, с. 241-245].

Свойство социальной общности как системы реагировать на внешние изменения путем преобразования множества реализуемых связей и есть организованность системы. Именно организованность отражает эффективность управления, поскольку обуславливает совместное функционирование и развитие всех подсистем территориальной общности. А это значит, что более высокая организованность достигается лучшей согласованностью взаимодействующих частей [45].

Организованность в значительной мере определяет эффективность функционирования территориальной общности. Если рассматривать функцию как регулярные действия некой целостности (социальной общности) или ее подсистемы, выражающие способ ее связи с другими объектами и средой,

можно говорить о функциональности как о согласовании между отдельными подсистемами территориальной общности. При этом функции отдельных подсистем общности обязательно согласуются с функциями территориального сообщества и зависят от нее. При управлении городом как высокоорганизованной системой именно взаимосвязи между подсистемами определяют в большей мере такие качественные характеристики управленческой деятельности, как управляемость, функциональность, целостность.

Способность социальной общности к самоорганизации, считает Н.Н. Мещерякова, отражает ее возможность создавать и поддерживать как «внутреннее» равновесие (социальный порядок), так и «внешнее» равновесие с окружающей средой. Социальное упорядочение, в том числе в результате управленческой деятельности, обуславливает социальную эволюцию, так как предполагает создание связей между элементами, формирование организационных структур, распределение функций [145, с. 338]. Социальная эволюция взаимосвязана с саморазвитием общности как системы. Е.Н. Живицкая выделяет два типа динамики системы: функционирование и развитие. Функционирование предполагает стабильную реализацию фиксированной цели, тогда как развитие основано на изменении целей [83, с. 17].

Как отмечалось выше, целью социального управления городом, в конечном итоге, является обеспечение горожанам постоянного роста уровня жизни и улучшения его качества. При этом социальный подход к управлению не отрицает значимости экономических основ жизнедеятельности личности и функционирования территориальных общностей, но рассматривает их как условие, средство реализации интересов и потребностей индивидов и социальных групп, что и является основой целеполагания организационно-управленческих действий органов власти города.

Целеполагание субъекта управления изначально должно быть направлено на развитие территориальной общности, при этом отдельные ее подсистемы могут иметь свои цели, а потому необходима обратная связь с объектом управления и корректировка управленческой деятельности. Саморазвитие

социального управления как системы может включать три компонента: информационный (информация и информационное обеспечение коммуникаций в системе управления и между субъектами и объектом управления), технический (развитие организационных структур и кадров системы управления; технологий и методов управления) и ценностный (управленческая идеология и ценностная ориентация системы управления; интересы и поведенческие нормативы участников процесса управленческой деятельности и членов территориальной общности). Лишь опираясь на саморазвитие и совершенствование социального управления городской общностью, можно обеспечить ее сохранение и развитие.

Именно целенаправленность, считают ученые Д.Н. Бахрах, А.В. Морозук, Р. Сан, обуславливает взаимодействие людей, выступающих в роли субъектов (индивидуальных и коллективных) совместной деятельности, определяющих общие цели и ориентиры развития социальной общности. При этом целенаправленность территориальной общности отражает природу ее возникновения, обеспечивая взаимозависимость стратегических, тактических, оперативных, локальных и частных целей, их подчинение общей цели развития города, а также оценку эффективности социального управления по степени ее достижения [18; 155; 189, с. 5-29].

В то же время, полагает А.В. Павроз, целенаправленность развития социальной общности не может быть реализована в полной мере без взаимодействия между различными группами, общественными организациями, индивидами. Интерактивность общности и характеризуется совокупностью взаимодействий между людьми. Более того, территориальная общность является, по сути, продуктом взаимодействия людей, следовательно, наличие взаимодействия является существенным признаком территориальной общности [175, с. 238-252].

Однако Т. Парсонс, Э. Гидденс, Н. Луман отмечали, что не всякое взаимодействие является отличительной чертой системы [53; 133; 181]. По мнению исследователей, взаимодействие в социальной общности как системе

представляет собой субъект-субъектное опосредствование совместной деятельности людей. В этом случае последние выступают в ней не просто как субъекты труда или физические индивиды, а как представители социальных групп и объединений. Значит, важной характеристикой взаимодействия в общности является групповая принадлежность индивидов.

В данном контексте оценка социальных отношений городской общности предполагает сопоставление объективного положения различных социальных групп, а ее развитие определяется конкретным содержанием социальных отношений, в основе которых лежат факторы объективного и субъективного порядка. К объективным факторам Ю.М. Резник относит, прежде всего, производственно-экономические факторы – условия труда и производственные отношения, а также факторы, связанные с естественными и культурными различиями людей. Субъективные факторы он связывает с индивидуальными представлениями, потребностями и интересами людей [194, с. 171]. Именно субъективные факторы, возможность их удовлетворения в значительной мере уровень социального самочувствия горожан.

По мнению В.В. Боброва, каждый индивид преследует свои собственные интересы, но в то же время признает наличие и необходимость в жизнедеятельности сообществ социально-групповых, территориальных, общегосударственных потребностей [25, с. 186]. Признание общих интересов во многом предопределено эффективностью социального управления, что и обуславливает устойчивость их существования, а соотношение между индивидуальными, групповыми и территориальными интересами людей выступает важнейшим критерием для определения направленности процессов социального развития.

Итак, сегодня все более признается новая парадигма социального управления городом и развития территориальной общности, ориентированная на первоочередное решение социальных задач.

Исходя из позиции ряда исследователей (В.С. Карпичев, Н.А. Костко, А.А. Попкова и др.) социальное управление включает государственное и не-

государственное управление [115; 116; 214]. В качестве цели государственного управления выступают упорядочение, сохранение или преобразование управляемой социальной системы, общественных процессов, отношений и деятельности людей. Управление имеет организующе-регулирующий характер и опирается на выработанные в обществе социальные установления, закреплённые законодательным образом [56, с. 13].

В то же время для города как формы организации пространства и как части общественного целого, являющегося местом повседневной жизнедеятельности человека, основополагающее значение имеет общественное (негосударственное) управление, включающее в себя местное самоуправление, муниципальное управление, конфессиональное управление и управление в предпринимательстве. Поскольку, как отмечают Н.А. Костко и А.А. Попкова, именно местное самоуправление ориентировано на местные нужды и интересы, осуществляется выборными органами, подотчётными населению, а также обеспечивающими участие жителей городов в решении местных вопросов [116, с. 13]. И если местное самоуправление, подчёркивает Н.А. Костко, выступает в качестве организационно-правовой основы жизнедеятельности социальной территориальной общности, то муниципальное управление является специфической формой определённого уровня управления – муниципального управления, осуществляемого в границах муниципального образования, которое в диссертации ограничено рамками города [115, с. 39]. При этом понятия «муниципальное управление городом» и «городское управление» рассматриваются исследователями как тождественные в силу того, что они ориентированы не только на управление муниципальной собственностью и хозяйством, но имеют целью поддержание системы жизнеобеспечения социальной территориальной общности [116, с. 45; 131, с. 7].

Признавая возрастающую значимость управления городом как социальной общностью, целесообразно особое внимание уделить индикаторам, отражающим результаты управленческой деятельности.

Как уже отмечалось, непосредственными субъектами реализации целей и задач социального управления городом являются местное самоуправление и представители территориального сообщества. В социологическом смысле их функцией выступает поддержание постоянного и полноценного воспроизводства условий жизнедеятельности всех социальных субъектов в рамках территориальной общности и их продуктивного взаимодействия во всех сферах общественной жизни.

Исходя из этого, В.Н. Ковалев выделяет стратегические цели социального управления в местных сообществах:

1. Улучшение уровня и качества жизни всех слоев и групп населения территориального сообщества.

2. Повышение основных социально-демографических показателей здоровья населения и деятельности здравоохранительных учреждений.

3. Обеспечение эффективной занятости населения города, повышение качественных показателей трудового потенциала и конкурентоспособности рабочей силы на рынке труда.

4. Гарантии соблюдения конституционных прав граждан в области труда, социальной защиты населения, уровня образования, охраны здоровья, культуры, обеспеченности граждан жильем и коммунальными услугами.

5. Существенное улучшение социально-стратификационной структуры населения города, эффективное регулирование социальных противоречий, возникающих между различными группами и слоями населения.

6. Более полное удовлетворение материальных, информационных и культурно-духовных потребностей населения.

7. Всемерное совершенствование и развитие инфраструктуры социальной сферы города, расширение сети учреждений социального обслуживания различных слоев и групп населения [107, с. 73].

Выделенные цели маркируют специфику социального управления, проявляющуюся в том, что оно, как и сами управленческие отношения и процессы, как бы «растворено» во всех сферах жизнедеятельности местного

сообщества. Это затрудняет выбор индикаторов к оценке роли социального управления городским сообществом. Ряд исследователей (А.Е. Бондарев, В.С. Ефимов, И.Е. Рисин, Д. Сепик и др.) делают акцент на экономической составляющей индикаторов [28; 82; 197; 201].

В то же время некоторые ученые, отдавая предпочтение экономическим индикаторам, стремятся учитывать в определенной мере социально-экономические аспекты. Так, например, А.С. Новоселов выделяет четыре взаимосвязанных экономических и социальных принципа диагностики жизнеспособности города:

1. Принцип экономической эффективности.

2. Принцип экономической емкости города, основой которой является минимальное число рабочих мест. Границы экономической эффективности определяются экономической емкостью города.

3. Принцип предельной численности населения города, определяемой его экономической емкостью с учетом демографических, социальных, экономических и природно-климатических условий.

4. Принцип социальной емкости, т.е. соответствующего набора объектов социальной инфраструктуры, достаточного для обеспечения нормальных условий жизнедеятельности населения [223, с. 184-185].

З.И. Калугина и Т.Ю. Черкашина в качестве целевых показателей социального управления, которые, по их мнению, должны быть ориентированы на оценку человеческого фактора, предлагают динамику численности населения; индекс развития человеческого потенциала, характеризующий продолжительность жизни, уровень образования и доходов населения; оптимизацию социально-экономической структуры населения; изменение институциональной среды и условий жизни населения [102, с. 76].

Представляется, что в дискурсе социологии управления оценочные критерии социального управления городом должны быть связаны, прежде всего, с возможностью развития территориального сообщества как внутреннего ресурса эффективного функционирования города. Значение внутренних

ресурсов в социально-экономическом развитии города обосновывается в зарубежных и отечественных исследованиях, в частности, в рамках теории устойчивого развития города Р. Найтом, Е.А. Пастуховой и др. [158, с. 43-69; 182, с. 39-45.] В свете сказанного В.Л. Глазычев подчеркивал, что развитие городов имеет опору именно в местных сообществах, хотя инициаторами изменений могут быть и органы управления, и государственные, и частные корпорации [57; 58, с. 147-164].

По мнению Г.Н. Дончевского, Л.А. Шафирова, А.А. Карлиной, важно не только определение носителя внутреннего ресурса, способного дать энергетический импульс развитию, но и построение органами местного самоуправления модели активизации выявленных источников развития и консолидации ресурсов заинтересованных сторон. Это позволит создать условия и управленческие механизмы реализации инициатив жителей города, направленных на решение социальных и хозяйственных проблем города и его развитие [77, с. 81-82]. При этом именно социальный внутренний ресурс, который В.Н. Иванов определяет как продукт социальной деятельности населения [96, с. 238-239], имеет свойство увеличиваться по мере инновационного развития муниципального образования, совершенствования форм самоуправления, изменения самих людей в процессе самореализации своих сущностных сил, формирования гражданского самосознания [116, с. 75].

В то же время развитие и использование ресурсного потенциала социальной территориальной общности представляется невозможным без понимания и оценки социального самочувствия ее членов, поскольку оно отражает не только степень удовлетворенности различными аспектами жизнедеятельности, но и характер включенности в социальные процессы, оценку социальным субъектом своих возможностей. По справедливому замечанию И.А. Гущиной, Д.Л. Кондратович, О.А. Положенцевой, социальное самочувствие населения является одним из современных базовых концептов определения социально-экономической ситуации в городе и оценки эффективности управления [73, с. 61].

Современный междисциплинарный контекст исследования категории «социальное самочувствие» опирается на такие понятия как «восприятие окружающей действительности» (Б.Д. Парыгин), «социальное настроение» (Н.И. Лапин, Б.Ф. Поршнева, Ж.Т.Тощенко, В.А. Ядов), «образ жизни» (Т.И. Заславская, И.В. Рыбкина), «благополучие» (А.А. Леонтьев, Н.С. Мансуров), «качество жизни» (З.Т. Голенкова, М.К. Горшков, В.К. Левашов, Н.И.Левада, Г.В. Осипов, Р.В. Рывкина).

В зарубежных исследованиях – E. Diener, R. Easterlin, C. Graham, F. Huppert, A. Plagnol и др. – синонимом социального самочувствия выступает понятие «субъективное благополучие» (subjective well-being), дискурс которого включает субъективное состояние общества, отдельных социальных групп и индивидов. Как и социальное самочувствие субъективное благополучие включает не только удовлетворение базовых потребностей человека и уровень экономического благосостояния, но и его социально-психологические устремления – потребность в самореализации, уважении, дружбе и т.п. стран [268; 269; 271; 274].

Итак, как самодостаточная категория «социальное самочувствие» отражает, прежде всего, степень удовлетворённости личности (группы) своим положением в обществе. При этом социологи акцентируют внимание на соотношении данного понятия не просто с чувствами, а с социальными чувствами, проявляющимися в действиях индивида и социальной группы.

Нельзя не признать, что социальное самочувствие пронизано субъективными оценками, плохо поддающимися измерению и обобщению. Несмотря на эмоционально-оценочный характер, отсутствие общеприкладной системы индикаторов измерения, социальное самочувствие людей является не только комплексным показателем восприятия комфортности своего существования, но и оценкой собственного положения в обществе с точки зрения удовлетворённости, идентичности, активности.

В силу сказанного социальное самочувствие может рассматриваться как важнейший критерий эффективности социального управления. Посколь-

ку именно в социальном самочувствии в интегрированном виде отражается отношение человека к социально-экономической ситуации, в которой он находится, к своей безопасности, здоровью, будущему своему и членов семьи. Анализируя структурные элементы социального самочувствия, О.В. Ляскова и В.Г.Шуметов значительно расширяют спектр характеризующих его факторов, добавляя к ним: удовлетворенность жизненными условиями, самооценку людьми повседневного настроения, текущие и перспективные оценки экономического положения страны, материального благосостояния семей, показатели социального оптимизма касательно сферы экономики, политической ситуации, позиции относительно курса экономических реформ, степень доверия ведущим политическим деятелям и политическим структурам [126].

По мнению Н.И.Лапина и Л.А.Беляевой, показатель социального самочувствия включает в себя коэффициент защищенности от различных социальных опасностей, степень удовлетворенности жизнью в целом, и уровень социального оптимизма [124]. При этом учитывается, что социальное самочувствие индивида испытывает воздействие его социального статуса, исполняемых социальных ролей, складывается из переживаемых человеком социальных настроений и проявляется в различных сферах социальной жизни.

Представляется, что именно удовлетворение/неудовлетворение своим социальным самочувствием, условиями жизнедеятельности определяют не только социальную активность населения, но и ее направленность. Формирование и реализация социальной активности городского сообщества, прежде всего, обусловлены взаимодействием органов местного самоуправления и настроенных на развитие города индивидов и социальных объединений и организаций. В свою очередь, воплощение в жизнь социальной активности, ее результативность, предопределяют и улучшение социального самочувствия членов территориального сообщества.

В контексте сказанного индикатором социального управления может выступать результативность взаимодействия всех акторов территориальной общности, проявляющаяся, во-первых, в актуализации потребностей индиви-

дов в совместной деятельности; во-вторых, в информационной взаимосвязи между индивидами, социальными группами, институтами и организациями; в-третьих, в возрастании роли и значения организаторской и управленческой деятельности представителей общественных организаций и объединений; в-четвертых, в установлении порядка и правил взаимодействия при решении общезначимых задач; в-пятых, в реагирования органов власти города на направленность и содержание социального самочувствия горожан.

Итак, социальное управление городом как социальной территориальной общностью по мере развития современных городов России и усложнения стоящих перед ними задач приобретает возрастающее значение. При этом сущностными характеристиками понятия «социальное управление» выступают одновременно воздействие на социальные, экономические, социокультурные процессы, технические системы функционирования города, а также и взаимодействие всех субъектов управления городом. Процесс взаимодействия органов местного самоуправления и активных представителей социальной территориальной общности базируется на учете потребностей и интересов членов социума, обеспечивая формирование связей между индивидуальными, социально-групповыми и общезначимыми интересами людей, повышая тем самым готовность горожан к взаимодействию как социально-активных индивидов, обладающих неисчерпаемым потенциалом, улучшая их социальное самочувствие, как важнейшего индикатора для оценки эффективности управления городом и как определяющее условие развития города.

В соответствии с предметом данного исследования это предопределяет необходимость комплексного анализа сущностных характеристик моногорода как определенного типа территориальной организации и оценки социального самочувствия его населения.

1.3. Становление, функционирование и проблемы развития моногородов

Происходящие в настоящее время интенсивные трансформационные процессы заставляют исследователей обратить внимание на такой феномен территориальной организации общества, как города. Город как историческое явление менялся сам в ходе цивилизационных процессов и одновременно воздействовал на их динамику и социокультурное содержание. Сегодня город – это основной компонент территориальной организации российского общества. Как социально-экономическая единица он характеризуется интенсивностью социальной жизни, различными формами взаимодействия членов социального сообщества, специфической демографической, профессиональной и организационной структурой. Именно в силу природы города и его роли в развитии общества проблема исследования становления и функционирования городов выступает как одно из фундаментальных направлений различных наук, в том числе и социологии.

Согласно переписи населения 2010 года, в России насчитывается 1100 городов. Население страны, в соответствии с переписью, составило 142 857 тыс. человек. Из них в городах и поселках городского типа проживает 105 318 тыс. человек, или 73,7% населения [199, с. 5].

Сосредоточенность в городах столь большого количества людей говорит о высоком уровне урбанизации страны. Рост числа городов и численности городского населения является мировой тенденцией. В результате образуются все более сложные системы городов, а городской образ жизни постепенно становится преобладающим для всех жителей Земли. Все это обуславливает необходимость комплексного анализа и изучения проблем, связанных с управлением, функционированием и развитием городских центров.

Понятие «город», как и многие сложные феномены, не имеет однозначного определения. Можно выделить несколько базовых подходов к интерпретации сущностных характеристик данной дефиниции.

Наиболее ранний интерес к территориальной организации жизни общества обозначился в рамках географического подхода. Еще во второй половине XIX века сформировались социально- и политико-географические теории Л.И. Мечникова, Ф. Ратцеля, а затем К. Хаусхофера [5; 144; 255]. По сути, Л.И. Мечников заложил основы социальной географии, последовательно проводя идею о том, что, с одной стороны, социальная жизнь людей зависит во многом от природно-географических условий их существования, а с другой, что человек оказывает влияние на окружающую среду, изменяя ее в соответствии с интересами территориальных социальных групп.

Развивая последнюю идею, Ф. Ратцель в рамках антропогеографии показал особенности территориального поведения человека, стремящегося к максимально возможному расширению жизненного пространства. Им также была обоснована связь природы и климата с характером тех или иных этнических групп. Более того, в своей работе «Политическая география» (1897 г.) ученый высказывает идею о государстве как живом организме, укорененном в почве.

Современные ученые, исследуя территориальные аспекты расселения в рамках географического подхода (П.Я. Бакланов, Н.В. Зубаревич, В.Л. Каганский, В.А. Колосов и др.), в большей степени обращаются к социальному аспекту эволюции территории [51; 93; 101; 191].

Следующий подход к понятию «город» – политико-административный, позволяющий определить его как поселение с определенной территорией, которому государственной властью присвоены особые административные права [75, с. 97]. В данном случае моментом, конституирующим образование города, является правовой акт государственной власти. Однако такой подход носит формальный характер, поэтому в контексте диссертационного исследования отмечается не сам факт государственной классификации территориальных образований, а понимание базовых признаков поселения.

Широко распространен и количественный подход к определению города, согласно которому городом называется значительное и длительное скоп-

ление людей на сравнительно небольшой территории (К. Бюхер, Ю.А. Симангин, Б.С. Хорев и др.) [211, с. 125; 256, с. 245; 285, р. 53-54]. Здесь в основу положен такой важный признак, как численность населения, определяющий размер города. В России городские поселения по людности подразделяются на следующие группы: малые (до 20 тыс. жителей); средние (от 20 до 100 тыс. жителей); крупные (от 100 до 500 тыс. жителей); крупнейшие (от 500 тыс. до 1 млн жителей); города-миллионеры (свыше 1 млн жителей); города-сверхмиллионеры (свыше 10 млн жителей) [212, с. 125].

В рамках же следующего – экономического – подхода используется такой критерий выделения города из других поселенческих форм, как занятость населения несельскохозяйственным трудом. Иными словами, согласно В. Зомбарту, город является большим поселением людей, которое пользуется для своего содержания произведениями чужого земледельческого труда [92, с. 95]. Следует отметить, что данный критерий обычно используется в сочетании с другими видами деятельности, развитием производственной сферы и т.д. Более того, город, а значит, и подходы к пониманию его сущности всегда отражают конкретную эпоху, ее особенности и возможности. Поэтому объективно определение Н.А. Рожкова, который, характеризуя признаки современного города, отмечает, что «городом называется поселение, жители которого занимаются или торговлей, или обрабатывающей промышленностью, составляющими притом их главное, основное занятие, а не побочный промысел» [38, с. 4].

Признавая, что современный город представляет собой, прежде всего, место концентрации производственных функций в сфере промышленности, транспорта, услуг, исследователи подчеркивали многообразие этой территориально-концентрированной формы расселения людей. Выделяются типы городов, базой развития которых являются, во-первых, административные функции, сочетающиеся с торговыми и производственными (республиканские, областные, районные центры); во-вторых, военные цели и задачи (пограничные города, базы); в-третьих, научная и культурная деятельность (нау-

кограды), оздоровление и отдых (города-курорты), религиозная деятельность (религиозные центры) [202, с. 219].

Все выше сказанное способствовало распространению идей пространственной организации хозяйства и территориального разделения труда, лежащих в основе исследований современных экономистов и представителей экономической социологии [69, с. 166-176].

Вместе с тем, важное значение для становления исследований города также имела социология пространства как контекст социальной реальности. Представители социологического подхода, начиная с одноименного труда Г. Зиммеля, характеризуют город в категориях социально-пространственной организации населения, делая акцент, прежде всего, на таком его сущностном признаке, как внутренние общественные структуры. Пространство социально потому, утверждал Г. Зиммель, что оно освоено человеком [88].

А.Ф. Филиппов выделяет три основных аспекта в понимании социального пространства. Первый связан с взаимодействием социальных акторов; второй позволяет рассматривать пространство как порядок социальных позиций; третий характеризует пространство как место расположения физических тел [243, с. 45-69].

Предложенные А.Ф. Филипповым аспекты позволяют проанализировать пространство в контексте формирования того или иного типа социального действия. При этом действия акторов, реализуемые в пространстве, опосредованы территорией, на которой происходят, и имплицитно включают ее в акт социального взаимодействия. Следовательно, природно-географическая среда, являясь местом проживания локальной общности, оказывает влияние на характер социальных взаимодействий, а территория вплетена в социальные взаимодействия, выступая и условием, и ресурсом, и ограничением деятельности индивида. Отношение акторов к территории как к родине, самоидентификация с ней, осознание и эмоциональное восприятие участников социального взаимодействия в данном пространстве позволяют исследовать

город и социальное управление им через особенности и возможности социального взаимодействия субъектов.

Нельзя не согласиться с точкой зрения Ж.Т. Тощенко о том, что о социологии города можно говорить с момента признания самого индивида и его интересов основой жизнедеятельности территориального образования [233, с. 89]. Еще архитектор Л.Н. Куната считал основой решения проблем развития города формулу «человек – для него город», а не утверждение «город – в нем человек» [64, с. 17].

Актуальность выше обозначенного подхода неоспорима и в силу того, что развитие современного города немыслимо без активной позиции индивидов, социальных групп, территориального сообщества в целом, которые, являясь активными участниками социально-политических, социально-экономических, социокультурных процессов, в свою очередь, влияют и на принятие решений по организации городского пространства.

В то же время при анализе взаимосвязи социальной общности и городского пространства следует учитывать, справедливо полагает М. Кастельс, возрастающее влияние процессов глобализации, современных средств коммуникации на вневременность и внепространственность деятельности элит, тогда как простые люди живут локально в своих городах и странах [104, с. 386, 389]. При этом, составляя часть городского ландшафта, по мнению З. Баумана, горожане именно с городом связывают свои жизненные цели [17, с. 40].

Преодоление через социальное взаимодействие, в том числе организованное, разрыва между глобальным и локальным, позволяет придать глобальному миру связность и пространственную осмысленность. Сегодня это приобретает особое значение, поскольку, как утверждает У. Бек, «проблемы глобального уровня становятся частью повседневного локального опыта и «моральных жизненных миров» [19, с. 31].

Следует признать, что процесс социальных взаимодействий в городском пространстве нередко сопровождается конституированием общности,

формирование которой определяется восприятием бинарных позиций «свой» – «чужой» и/или «другой». Согласно трактовке Г. Зиммеля, «чужой» определяется как тот, который «сегодня приходит и завтра остается» [90, с. 116].

Типизация взаимодействий «свои – чужие» происходит как по вертикали, так и по горизонтали, определяемая социокультурными, статусными и пространственными характеристиками. При этом городское сообщество отличается довольно высокой проницаемостью границ, что предоставляет возможность членам низкостатусных групп повысить свое социальное положение. Проницаемость границ подтверждается и активным миграционным движением. В процессе социального управления важно осознавать, что проницаемость способствует развитию социальной общности, так как, по мнению С. Милграма, конструктивистское начало в «другом» как в «чужом» заключается в том, что «общество в фигуре чужого создает для себя возмущения, которые необходимы для его дальнейшей эволюции и на самом деле не являются неожиданными» [146, с. 217].

Отмечая «повышенную нервозность жизни, происходящую от быстрой и непрерывной смены впечатлений в городской среде», Г. Зиммель также считал, что «инаковость» обуславливает понимание города как пространства новых социальных отношений [87].

Множество акторов и многообразие линий социального взаимодействия в городе приводят к отсутствию четких границ и позиций «чужого», поскольку конкретная коммуникация может перевести его в статус «своего», «постороннего» или «врага». Более того, в соответствии с взглядами Дж. Мида, тождество значений актов взаимодействия позволяет каждому из его участников принимать на себя роль «другого», в том числе и «обобщенного другого» [147, с. 228]. Это способствует не только принятию «другого», но и повышает качественные характеристики взаимодействия. В свое время А. Шютц подчеркивал, что социальный мир индивида, соотносимый с миром «других», возводится на основе взаимных, обоюдонаправленных актов изложения и интерпретации смыслов [260, с. 67-68].

Однако нельзя не отметить и такое явление городской жизни, как перегрузки, характеризующие процессы социальных коммуникаций. Это формирует ряд особенностей коммуникации между жителями города: пренебрежение информацией, которая не является первоочередной; допущение поверхностных форм участия во взаимодействиях с другими людьми, дистанцирование и т. д. [81, с. 49-50].

В этой ситуации, считает Ю. Хабермас, коммуницирующих акторов связывают и координируют их действия моральные основания, обеспечивающие симметричность взаимодействующих и взаимное признание [247, с. 52]. Оценка Ю. Хабермасом значения нормативных оснований гармоничного функционирования общества позволяет по-новому взглянуть на управление социальной общностью, одной из задач которого является разработка и соблюдение этики «коммуникативного дискурса», способствующей достижению понимания и преодолению отчуждения как между управляющей и управляемой подсистемами, так и внутри подсистем.

Формирование моральных основ взаимодействия членов социальной общности приобретает особое значение в связи с эффектом деиндивидуализации, характерной для современных городов. Обезличенность повышает анонимность поступков отдельного человека и позволяет горожанам чаще выходить за пределы нормативного поведения. По мнению Ф. Зимбардо, это приводит к снижению социального контроля за каждым конкретным человеком. Поэтому для преодоления негативных последствий все большее значение приобретает организация совместной деятельности индивидов и социальных групп [148, с. 11].

Выше обозначенная деятельность важна и в силу того, что усиливающаяся урбанизация в эпоху модерна нарушила процессы самовоспроизводства социальных связей, в результате города стали, считает З. Бауман, местом «массовой индустрии незнакомцев» [17, с. 26]. В этой ситуации посторонний/незнакомец является источником тревоги, а порой и конфликтного взаимодействия [200, с. 96].

Тревожность и конфликтность усугубляются сложными условиями проживания в городах, а поэтому здесь особое значение приобретает необходимость формирования толерантных отношений к различным группам населения, включая пожилых, людей с ограниченными возможностями, мигрантов. Данная проблем может решаться, по мнению З. Баумана, через распространение открытых и гостеприимных общественных пространств, которые регулярно посещают не только все группы горожан, но и приезжие, совместно их используя [17, с. 51-52]. Ведь именно совместный опыт позволяет вырабатывать единые нормы организации социальных практик.

Социологический подход позволяет рассматривать город и как социокультурный феномен. Представления человека об окружающем мире отражаются в жизненной среде человека, в организации городского пространства. С этой позиции можно представить город как особую форму существования культуры, способствующую установлению отношений гармонии между личностью и внешним миром [157, с. 3].

Особая (городская) форма существования культуры обусловила и особый (городской) образ жизни, сформировало особое (городское) пространство. Г. Зиммель, заложивший основы изучения городского образа жизни, представлял город как паутину сетей, связей, взаимопересекающихся сфер разделения труда, коммуникаций, интеллектуальных и культурных кругов [89].

Дальнейшее осмысление культурологических оснований города, пространства и специфики взаимодействия получило в работах ученых Чикагской школы (Р. Парк) [15, с. 3-32], а также в трудах современных авторов (З. Бауман, Ж. Бодрийяр) [17; 26].

В исследованиях города российскими учеными – Н.П. Анциферовым, Л.Б. Коганом, Н.А. Костко, М.Н. Межевичем, О.И. Шкаратаном и др. – отражены образ жизни городского населения, специфика пространственного поведения горожан, зависимость их жизнедеятельности от городского про-

странства, а также особенности социального управления городом, городского сознания, общения, социальной мобильности [8; 108; 115; 141; 258].

Итак, современная наука рассматривает город как систему в территориальных формах расселения. Будучи сложной системой, включающей такие подсистемы, как социально-демографическая, экономическая, социальная и др., он одновременно является элементом в системе более высокого ранга. Такое системное видение города было отмечено еще в 1964 г. Б. Берри в работе «Города как системы в системах городов» [22].

Город как интегрированная система обладает способностью к постоянным функциональным, планировочным и структурным изменениям, приводящим не только к частичным, но и к значительным трансформациям производственной, социальной, культурной среды и архитектурного облика. Именно системное видение города позволило значительно углубить и расширить не только изучение этого многогранного объекта, но и по-новому взглянуть на практику социального управления территориальной общностью.

В своей работе «К логике социальных наук» Ю. Хабермас приходит к выводу о том, что анализ содержания социальной деятельности, в том числе управленческой, должен совмещаться с анализом экономики и власти [248].

В разработанной им теории коммуникативного действия ученый показывает, что существенные области жизненного мира – публичная сфера, образование, гражданство – в современном обществе начинают подчиняться императивам экономической системы [250]. Такой подход приобретает особое звучание в контексте управления моногородом, функционирование и развитие которого определяются, как правило, градообразующим предприятием.

Таким образом, в диссертации город рассматривается как сложный и многофункциональный комплекс, всестороннее изучение которого возможно лишь в фокусе пересечения целого ряда общественных наук: социологии, истории, экономики, географии, этнологии и других. В силу этого город исследуется как пространственный объект, место для организации деятельности

человека, где формируется новая общность – горожане, а вместе с этим формируются новые формы организации общественной жизни – административно-правовая, производственная, социально-стратификационная, социокультурная, формируются новые социальные институты.

В то же время логика городских процессов диктует выделение в качестве основополагающего направления анализа исследований изучение выше обозначенных особенностей и возможностей социальной общности в конкретных рамках территориального образования. Именно на уровне определенной городской среды возникает осознание тех или иных последствий социального управления, политических решений и реформ, социально-экономических преобразований. Не случайно И. Валлерстайн представлял современную миросистему не через общество в традиционном социологическом смысле, а через совокупность сообществ [35, с. 144-163].

В дискурсе социологического анализа важно учитывать, что каждая конкретная территория отличается по ряду базовых признаков, имеет определенные характеристики, и это, в конечном счете, обуславливает возникновение того или иного типа территориального сообщества. В свою очередь, конкретная территория, обладая уникальными природно-климатическими особенностями, набором размещенных на ней объектов производственной, социальной сферы, является важным фактором возникновения и развития конкретной социальной общности (населения данного города, поселка). Именно в этом случае территория выступает уже не только физическим, но и социальным пространством с присущими ему неповторимыми особенностями. Более того, социологический подход к категории «территория» предполагает комплементарность территории и социального пространства.

В свете сказанного и в соответствии с предметом диссертационного исследования в работе рассматривается специфика социального управления моногородом как социальной общностью, возникшей и эволюционирующей на определенной территории в определенном социальном пространстве.

Для анализа специфики моногородов как средового и пространственного фактора, определяющего развитие социальной общности и социальное самочувствие горожан, необходимо определиться с дефинициями моногородов, маркирующими признаками, особенностями функционирования, проблемами и перспективами их развития.

До настоящего времени в официальных документах и в научной литературе общепринятого определения понятия «моногород» не существует, как до сих пор нет единых критериев и показателей выделения моногородов. В то же время в законодательных актах Российской Федерации встречаются термины: «город с монопрофильной структурой хозяйства», «город с монопроизводственной структурой» и «монопромышленный город».

Первый из приведенных терминов используется в п. 8 Постановления Правительства РФ от 3 августа 1996 г. № 928 «О реализации Комплексной программы по созданию и сохранению рабочих мест на 1996–2000 гг.», а последние два – в Постановлении Правительства РФ от 26 февраля 1997 г. № 222 «О Программе социальных реформ в Российской Федерации на период 1996–2000 годов» и в Генеральном соглашении между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на 1998–1999 гг.

Нередко используется еще один термин – «город с моноэкономической структурой» (впервые этот термин был применен в Постановлении Минтруда РФ от 22 января 2001 г. № 11 «О мониторинге городов и других населенных пунктов с моноэкономической структурой и высоким уровнем безработицы»).

Разработанная нормативно-правовая база содержит различные положения, закрепляющие понятие «градообразующее предприятие». Так, Постановление Правительства РФ от 29 августа 1994 г. № 1001 «О порядке отнесения предприятий к градообразующим и особенности продажи предприятий-должников, являющихся градообразующими» определяет градообразующее предприятие как «предприятие, на котором занято не менее 30% от общего

числа работающих на предприятиях города либо имеющее на своем балансе объекты социально-коммунальной сферы и инженерной инфраструктуры, обслуживающие не менее 30% проживающих в населенном пункте».

В то же время в ст. 169 Федерального закона от 26.10.2002 г. № 127–ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» градообразующими организациями признаются «юридические лица, численность работников которых составляет не менее 25% численности работающего населения соответствующего населенного пункта».

Законодательное закрепление выше обозначенных понятий связано со стремлением государственных органов власти оказать поддержку данным территориальным образованиям и определить возможности и перспективу их развития.

Итак, на уровне правительства нормативными актами определены количественные критерии отнесения городов к монопрофильным территориальным образованиям. Но мнения исследователей относительно содержательных характеристик дефиниции «моногород» различаются, хотя весь спектр определений данного понятия часто и выстраивается как синонимический ряд. В настоящее время одновременно используются следующие термины: моногород, моноструктурный, монопрофильный, моноспециализированный, моноотраслевой, монопроизводственный и другие.

Как уже было сказано, в научной литературе представлен целый ряд близких по смыслу понятий. Так, по мнению А.Г. Гранберга, города, на территории которых функционирует одно градообразующее предприятие, носят название моногородов [70, с. 28]. Такой подход сближает понятие «моногород» с термином «город-завод» (Е.Г. Анимица, Р.М. Лотарева), что предполагает существование тесной связи между функционированием городского поселения и базовым предприятием, расположенным на его территории и оказывающем значительное влияние на все сферы жизни данного города [7; 132].

В предложенном контексте термин «моногород» используется как синоним американского термина «one-company town» (Дж. Гарнер, М. Кроуфорд) – «город одной компании» [97].

Однако не всегда можно рассматривать градообразующее предприятие как главный критерий, по которому определяется моногород. Представляется, что определение моностатуса по градообразующему предприятию не отражает всю сложность данного феномена, т.к. есть примеры моногородов, где нет единственного градообразующего предприятия – вместо него существует несколько предприятий, работающих либо в одной технологической цепи, либо конкурирующих друг с другом. В этом случае город можно характеризовать как «моно» по отношению к преобладающей сфере занятости его населения.

Такой же точки зрения придерживается И.В. Манаева, утверждая, что «моногород – это моноцентричный город по отношению к преобладающей сфере занятости, сфере деятельности трудоспособного населения» [138, с. 140-143]. Но применение данного термина ко всем монопоселениям будет не совсем верным. Термин «моногород» следует использовать только для поселений, которые имеют официальный городской статус.

Проблемность моногородов отражена в определении А.Е. Николаева: «Моногород – поселение, организация, жители которого не способны своими силами компенсировать риски внешней экономической среды, исключающие возможность устойчивого развития этого населённого пункта» [162, с. 18].

Предпринимаются и другие попытки раскрыть значение термина «моногород» через экономическую составляющую. Анализ нормативных документов и научной литературы показал, что широкое распространение получили термины «монопроизводственный» и «монопромышленный» город. Несмотря на схожесть этих терминов, по мнению И.В. Манаевой, они описывают два разных явления: первое говорит о зависимости города от функционирования градообразующего предприятия или цепочки технологически связанных предприятий, второе указывает на преобладание в городе первичного

или вторичного секторов экономики при слабой развитости третичного [138, с. 140-142]. Более того, на практике специализация городской экономики может быть связана с ориентацией на предприятия как производственной, так и непроизводственной сферы.

Представленные определения так же не раскрывают в полной мере понятия «моногород», поскольку и в России, и в мире существуют примеры моногородов, созданных не ради промышленного производства, а для осуществления научной деятельности. В настоящее время такие города пополнились новым типом моногородов, экономика которых основана на четвертичном секторе экономики, использующем информацию. Примером может служить инновационный центр Сколково – город, лишенный промышленного производства, специализирующийся на разработке и коммерциализации новых технологий.

Дополняющий синонимический ряд термин «моноструктурный город» недостаточно полно отражает анализируемое явление, поскольку, оставаясь сложной системой, включающей экономическую, социальную, демографическую, пространственную и организационно-управленческую структуры, город даже в случае зависимости его социально-экономического положения от одного градообразующего предприятия имеет множество функционирующих подсистем.

Определение моногорода, основанное на его специализации, предлагает И.Д. Тургель, рассматривающий моноспециализированный город как территориальное образование с низким уровнем диверсификации отраслевой структуры производства и занятости [237, с. 37]. В то же время акцентируя внимание на описании специфики городской специализации, автор не уделяет внимание тому, что моногород входит в систему территориального разделения труда и его специализация исторически predeterminedена внешними условиями и местоположением.

Подводя итог анализу используемых исследователями подходов к определению моногорода, можно констатировать, что они не носят универсаль-

ного характера и не отражают в полной мере сущности анализируемого объекта. Множественность дефиниций во многом связана со стремлением авторов сконцентрировать внимание на отдельных частных случаях, элементах моногородов, что не позволяет комплексно охарактеризовать явление.

Попытку преодолеть односторонность определений предприняли В.Я. Любовный и Г.П. Лузин, которые, стремясь выяснить сущность моногорода, противопоставляют общим определениям набор конкретных критериев. Ученые предлагают использовать термин «монопрофильный» город и считают, что город можно отнести к данному типу по следующим признакам:

- разделение предприятий или цепочки технологически связанных предприятий, работающих на конечный (не городской) рынок, и предприятий, работающих на внутригородской рынок. Следовательно, существует крайняя зависимость целых групп городов в разных регионах от ситуации, связанной с реализацией продукции градообразующих предприятий;

- высокая доля занятых, около 50%, на одном предприятии из числа работающего населения города;

- прямая зависимость доходной части бюджета города от деятельности одного крупного предприятия;

- низкая мобильность жителей, которая связана с удаленностью города от более крупных населенных пунктов [136, с. 24].

Опираясь на понимание того, что монофункциональный город концентрирует в себе какую-то одну отрасль хозяйства или деятельности (промышленность, транспортные услуги, информационные технологии), Г.П. Лаппо данный термин использует для обозначения города, существующего на основе какой-либо одной функции [125, с. 101]. В то же время Ж. Боже-Гарнье и Ж. Шабо рассматривают функцию как «...в определенной степени профессию города, смысл его существования, форму, в которой он предстает перед внешним миром» [27, с. 124].

Следовательно, содержание категории «функция города» отражает, во-первых, взаимосвязи города с зоной своего ближнего окружения и другими

городами; во-вторых, с хозяйственными агентами, действующими на городской территории; в-третьих, с местным сообществом. При этом монофункциональность города выражается в следующих формах:

- ограниченное число внешних городских функций (как правило, одна или же несколько функций взаимодополняют и поддерживают основную);
- низкий уровень диверсификации структуры городской экономики;
- низкий уровень диверсификации структуры занятости;
- внешние функции города реализует ограниченное число предприятий.

Можно согласиться с обобщающим характером данного понятия. В частности, в нем отражено понимание того, что монофункциональность не обязательно должна быть связана с одной отраслью, поскольку реализация любой функции может поддерживаться несколькими отраслями как производственной, так и непромышленной сфер. Одновременно с этим в дефиниции «монофункциональный город» нет привязки к градообразующему предприятию, т.к. в некоторых монофункциональных городах таких предприятий может не быть вовсе, либо множество предприятий могут работать в общей производственной цепи, и нет возможности указать важнейшее среди них.

Общим элементом всех представленных выше подходов к рассматриваемому феномену является термин «моно» (относящийся к одному), означающий ограниченный чем-либо характер данного типа поселения. Поэтому признавая синонимичность всех понятий, в дальнейшей работе будет использоваться термин «моногород». Проанализировав специфические черты, выявленные исследователями, необходимо выделить два базовых признака моногородов – это низкая диверсификация видов деятельности и сферы занятости и, как следствие, сильная зависимость возможностей функционирования и развития городского сообщества от определенной экономической деятельности.

Изучение истории моногородов позволяет констатировать, что, несмотря на актуальность проблем функционирования моногородов и наличие большого количества научных работ и публикаций о них в СМИ, история их

возникновения изучена достаточно слабо. Анализ источников показал, что образование монофункциональных городов в России, как правило, носило массовый характер и может быть разделено на несколько «волн», обусловленных социально-экономическими и политическими ситуациями. Анализ данного феномена позволил выделить несколько периодов наиболее бурного образования монопоселений, которые представлены в таблице 1.3.1 [84; 192; 198; 216; 222].

Таблица 1.3.1

Основные этапы становления монопоселений в России

Этапы	Типы монопоселений	Характеристика монопоселений
I этап – эпоха Петра I	Заводы-поселки: 1. Производственные, главная функция которых – производство продукта (оружия); 2. Сырьевые, обеспечивающие добычу полезных ископаемых.	Организация новых производств и в первую очередь суконных мануфактур и железоделательных заводов в зонах освоения (Тула, Урал, Подмосковье). К ним приписывались казенные крестьяне, либо приобретались крепостные на вывоз или использовались войска и каторжные работники.
II этап – «ситцевый» капитализм (XIX век)	Города-мануфактуры: 1. По производству тканей; 2. Связанные с народными промыслами; 3. Шахтерские города, поселки	После введения в 1822 году охранительных таможенных пошлин от английских тканей в России стремительно развивается легкая промышленность, основанная на мануфактурах по выпуску хлопчатобумажных тканей. Центры производства «народных промыслов» образовались за счет укрупнения деревенских промыслов.
III этап – советская индустриализация	Моногорода: 1. Реконструкция существующего производства и укрупнение уже имеющих производственных и сырьевых центров; 2. Моноотраслевые города, имеющие предприятия тяжелой индустрии.	Производства или реконструировались, или создавались сразу как комплекс, объединяющий одно или несколько головных предприятий (например, Магнитогорск, Новокузнецк, Апатиты и др.). Традиционно считается, что города, созданные или преобразованные в период индустриализации, выполняют одну функцию (Магнитогорск – черная металлургия, Новокузнецк – добыча угля). При этом количество предприятий и их функции зачастую настолько обширны, что дан-

		ные города не могут однозначно называться монофункциональными. В этот период электрификация и индустриализация страны, а так же массовая урбанизация сделали из аграрной страны страну промышленную.
IV этап – Великая Отечественная война (1941-1945 гг.)	Монофункциональные города: 1. На основе эвакуированных из европейской части страны градообразующих предприятий.	Массовое образование монофункциональных городов за счет предприятий, эвакуированных из западной части СССР в восточную. Возникшие города, как правило, формировались вокруг градообразующих предприятий, прежде всего, машино- и станкостроения.
V этап – послевоенный период (1950-1960 гг.)	Город с градообразующим предприятием: 1. Перевод крупных производств в малые и средние города; 2. Строительство новых производств в малых и средних городах; 3. Города оборонной промышленности на основе военно-промышленных комплексов; 4. Монофункциональные города – наукограды.	Проявилась тенденция рассредоточения производства из крупных городов и активного привлечения рабочей силы из местного и сельского населения. Развитие системы капитального строительства новых мощностей. Появление в малых и средних городах крупных предприятий и привлечение на работу значительной части местного населения в большинстве случаев делало эти предприятия градообразующими. В результате реализации оборонной политики СССР было образовано несколько десятков закрытых и засекреченных городов, о существовании которых население России узнало только в 1992 году с принятием закона Российской Федерации № 3297-1 «О закрытом административно-территориальном образовании». Но часть городов, созданных в СССР во второй половине XX века, представляла собой новый тип монофункциональных поселений, главная функция которых – научные изыскания.
VI этап – освоение Сибири, северных террито- рий и Дальнего Востока (1960-1980 гг.)	Моногорода: 1. Города на месте освоения нефтегазовых месторождений; 2. Города на месте разработки новых месторождений в Якутии, на Колымском полуострове и т.д.	Становление нефтегазодобывающего комплекса на Тюменском Севере – масштабное индустриальное освоение обширных северных территорий, обладающих экстремальными для человека природно-климатическими условиями. На базе добычи железных, медно-

	<p>3. Города, обслуживающие транспортные артерии.</p>	<p>никелевых и апатитовых руд Кольского полуострова и Карелии – Ковдор, Оленегорск, Костомукша; в местах разработки угольных и нефтегазовых месторождений в Республике Коми – Усинск, Вуктыл, Печора; в Якутии у месторождений алмазов – Мирный, Удачный и угля – Нерюнгри.</p> <p>В более поздний период усилилось значение такой градообразующей отрасли, как машиностроение, развитие которого послужило толчком к формированию крупных промышленных центров (Тольятти, Набережные Челны, Заволжье).</p> <p>Итак, в этот период действуют крупномасштабные программы макрорегионального значения по формированию опорного каркаса расселения страны, направленные на осуществление радикальных сдвигов на восток и север в размещении производительных сил.</p>
<p>VII этап – трансформационный (1990-2000 гг.)</p>	<p>Моногорода:</p> <p>1. Моногорода с развитым тяжелым и легким промышленным производством;</p> <p>2. Моногорода ресурсодобывающей промышленности.</p>	<p>В результате передела собственности в 1990-х гг. в большинстве моногородов градообразующие предприятия принадлежали крупным частным компаниям и бизнес-группам (85% от общего числа городов крупного бизнеса), еще 15% составляли города с предприятиями естественных монополий и крупных компаний, контролируемых государством (например, города при тепловых и атомных электростанциях, принадлежащих РАО «ЕЭС России», ОАО «Концерн Росэнергоатом»; при предприятиях «Газпрома» и АК «АЛРОСА»).</p> <p>При этом в ресурсных и нефтегазодобывающих городах происходило развитие, и наблюдался рост населения.</p>

Итак, как видно из таблицы 1.3.1, абсолютное большинство современных моногородов возникло в годы существования СССР. Реализация плана каждой пятилетки в нашей стране давала жизнь 100-125 новым городам, значительная часть которых возникала в районах освоения природных ресурсов,

строительства гидро- и теплоэлектростанций и гидротехнических сооружений. Следует заметить, что плановая экономика позволяла не допускать существенных перекосов в социально-экономическом развитии моногородов, а директивное управление способствовало устранению чрезмерных диспропорций в сфере занятости.

Трансформация политических, экономических, социальных основ российского общества в конце XX века привела к тому, что в результате передела собственности крупным бизнесом было освоено, по мнению И.Н. Ильиной, лишь около 14% моногородов, в которых проживало 12% городского населения. Но уже к началу XXI века 85% градообразующих предприятий принадлежали крупным частным компаниям и бизнес-группам. Примерно 15% составляли моногорода, где размещались предприятия естественных монополий и крупных компаний, контролируемых государством [192, с. 6-7].

На сегодня нет единой точки зрения относительно общего числа моногородов в Российской Федерации. О.П. Иванова отмечает, что в России насчитывается порядка 460 моногородов, где проживает четверть городского населения страны. При этом на долю градообразующих предприятий приходилось 40% ВВП страны [96, с. 159-170]. В свою очередь, НПФ «Экспертный институт» выделяет 332 монопрофильных города, кроме того, 467 проблемных поселков городского типа, что в итоге составляет более 800 объектов, относимых к монопрофильным [152].

Представители Минэкономразвития утверждают, что в 2014 г. в России существовало 342 моногорода, где проживало 16 млн чел. (чуть более 10%). Следовательно, снижение численности моногородов может объясняться отсутствием у правительства необходимых ресурсов для оказания им поддержки. Об этом свидетельствуют и новые критерии, принятые Минэкономразвития, согласно которым моногородом будет считаться населенный пункт, где проживает больше трех тысяч человек и не менее 20% от экономически активного населения работает на одном предприятии. Города, где градообразующие предприятия входят в нефтегазодобывающие отрасли, а также насе-

ленные пункты в регионах, где бюджетная обеспеченность выше, чем в среднем по стране, в перечень включаться не будут [119].

Такая неоднозначная оценка числа моногородов свидетельствует, с одной стороны, об отсутствии общепринятых критериев отнесения населенных пунктов к моногородам, с другой – о зависимости выделяемых показателей от цели оценки. Это затрудняет реализацию гомогенных управленческих воздействий, направленных на поддержку развития конкретных групп моногородов. В свете сказанного несомненный интерес имеет многокритериальный подход к классификации моногородов, предложенный А.Ю. Устиновым [241].

Он выделил следующие критерии: численность населения; удаленность от крупного многофункционального поселения; объем промышленного производства на душу населения; объем расходов бюджета на душу населения; размер заработной платы; количество градообразующих предприятий и их хозяйственная специализация; финансовые результаты крупных и средних организаций на душу населения.

Предложенная классификация достаточно универсальна и обладает как преимуществами, так и недостатками. В качестве критериев в ней используются важные количественные показатели. Это, безусловно, позволяет сравнивать между собой города по объективным критериям. Однако классификация, предложенная А.Ю. Устиновым, может применяться только для сравнения однотипных монофункциональных городов, так как она не предлагает какого-либо главного критерия для определения типа поселения. Более того, разработанные критерии не представлены качественными характеристиками и не позволяют выявить особенности функционирования социальной общности, оценить эффективность управления городом в целом.

Более информативными в контексте диссертационного исследования представляются выделенные И.Н. Ильиной особенности моногородов: низкий уровень диверсификации экономики, подчинение городской планировки особенностям производственной деятельности основного предприятия; вы-

сокие риски загрязнения экологической среды; простая структура занятости населения. При этом следует учитывать, что каждый моногород отличается особенностями социально-экономической среды и, следовательно, особыми потребностями в части поддержки социального сектора [192, с. 10].

Выделенные специфические характеристики функционирования моногородов детерминируют зависимость их жителей от эффективности деятельности градообразующего предприятия, от качества управления муниципальным образованием, что делает проблему исследования и учета в управленческой деятельности социального самочувствия горожан особенно актуальной. А поэтому необходимо оценивать и социальные критерии – уровень безработицы, показатели удовлетворённости населения оказанием наиболее значимых услуг, уровень социальной безопасности членов территориальной общности. Данные показатели отражают не только характер работы местных органов власти, но и успешность социального управления в целом. При этом именно население оценивает социально-экономическую ситуацию в городе; состояние экологической обстановки; удовлетворенность работой общественного транспорта, состоянием дорог; благоустройство территории; качество медицинского обслуживания; наличие объектов торгового и бытового обслуживания; культурную и спортивную жизнь города; охрану общественного порядка; социальную поддержку населения; уровень информированности населения о деятельности муниципальных органов власти.

Следует признать, что в настоящее время значительное число моногородов переживает период деградации и вымирания. Ю.А. Лаамарти констатирует усиление процесса распада локальных городских сообществ, разрушения городской инфраструктуры, сворачивание производственной базы и неразвитость местного самоуправления [123, с. 11-12].

Анализ научной литературы, интернет-материалов, а также результаты эмпирических исследований позволили выделить наиболее общие проблемы и противоречия развития моногородов на современном этапе. К ним относятся:

- структурная диспропорция в экономике, обуславливающая и усугубляемая бюджетным дефицитом, отсутствием инвестиций;
- низкий уровень обеспеченности и качества производственной и социальной инфраструктуры;
- уровень оплаты труда и доходов населения, не обеспечивающий развитие человеческого потенциала;
- слабая мобильность населения при интенсивной «утечки мозгов», высокопрофессиональных кадров и перспективной молодежи;
- высокий уровень алкоголизации, распространение наркозависимости и депрессии;
- депривированное положение жителей моногородов, предопределяющее отсутствие общности духа и готовности к изменению сложившейся ситуации.

Следовательно, стратегической альтернативой развития моногородов является повышение их конкурентоспособности и социальной привлекательности на основе развития человеческого потенциала как приоритетного ресурса экономического роста и социального прогресса.

До последнего времени исследования в области проблематики моногородов носили преимущественно социально-экономический, градостроительный, социально-демографический или управленческий характер. Признавая важность выделенных аспектов, необходимо акцентировать внимание на таком критерии оценки эффективности социального управления моногородом, как социальное самочувствие горожан. Представляется, что в решении проблем моногородов существенное значение имеет улучшение социального самочувствия членов социальной общности, обеспечивающее условия для социального, экономического и культурного саморазвития путем активизации собственных возможностей в сочетании с политикой государственной поддержки проблемных городов.

В то же время повышение эффективности и устойчивости моногородов предопределяет становление и развитие социального управления горо-

дом как социальной общностью, расширение набора выполняемых им функций, таких как рекреационные, транспортные, научно-образовательные, организационно-культурные, что станет залогом успеха в условиях современных рыночных отношений.

При этом в социальном управлении моногородом участвуют не только местное самоуправление но и многие другие субъекты управления, в том числе индивиды и социальные группы местного сообщества. Сетевой характер системы управления требует непрерывного совершенствования в связи с постоянными изменениями не только внутренней, но и внешней среды в условиях трансформации общества. Новые управленческие подходы позволят восстановить способность моногородов к самостоятельному развитию и повышению качества жизни населения. Особенно это важно для северных моногородов Тюменской области, играющих значительную роль в экономическом развитии страны и обладающих потенциальными возможностями социального развития.

Глава 2. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ МОНОГОРОДА ТЮМЕНСКОГО СЕВЕРА

2.1 Моногорода Тюменской области: региональные особенности и социальные проблемы

Как уже отмечалось выше, одной из ключевых теоретических и практических проблем функционирования моногородов на современном этапе является формирование эффективной системы управления городом. Однако подобную систему нельзя реализовать без объективной оценки места и роли моногородов в регионе, а также влияния региональных (природно-климатических, социально-экономических, этнических, социокультурных) особенностей на специфику становления и развития моногородов, обусловивших возникновение многих современных социальных проблем.

Моногорода Тюменского Севера находятся на территории Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. Они возникли в результате создания здесь крупнейшего нефтегазового комплекса страны, который в течение 1966-1985 гг. превратился в мощный промышленный потенциал России. Нефтегазовый комплекс оказал огромное воздействие на развитие советской экономики, не только изменив коренным образом топливно-энергетический баланс страны, но и вызвав рост многих отраслей народного хозяйства [234, с. 212-213].

Советский опыт освоения Севера Западной Сибири во многом уникален. Так, Н.Ю. Гаврилова отмечает, что практически впервые в мире за два-три десятилетия была заселена громадная территория почти в 1,5 млн кв. км. Такого крупномасштабного освоения малообжитых территорий, отличающихся суровыми природно-климатическими условиями, не знала ни мировая, ни отечественная практика [48, с. 3].

Вместе с тем с освоением новых территорий нарастали экологические и социальные проблемы. Уже в тот период А.Н. Силин подчеркивал тесную взаимосвязь природной, техногенной и социально-экономической подсистем [210]. К концу 1980-х годов содержание нефтепродуктов в Оби превысило допустимые концентрации в 5-10 раз. Загрязнение водоемов вызывало гибель рыбы – суммарные потери среднегодового вылова рыбы оценивались в 10 тыс. тонн. Кроме того, под нефтегазовое строительство отводились большие площади леса и тундры, нарушался растительный покров, гибли олени пастбища. Только в ХМАО при прокладке трубопроводов, линий электропередач, обустройстве нефтяных и газовых месторождений ежегодно вырубалось до 2 млн м³ леса [6, с. 242-244]. Ямало-Ненецкий округ за период энергетической лихорадки безвозвратно потерял свыше 6 млн гектаров ягельных оленьих пастбищ, на 50 тыс. центнеров сократился объем рыбодобычи, а 28 рек утратили свое промысловое значение. В то же время численность населения края за тот же период выросла в 3,2 раза [168, с. 147].

Но ключевым противоречием освоения северных территорий региона явилась резкая диспропорция в развитии базовых отраслей экономики и социальной сферы. С одной стороны, создание крупных территориально-производственных комплексов вызвало бурный рост населения в основном за счет мигрантов трудоспособного возраста. С другой стороны, преобладание ведомственных интересов, плохие социально-бытовые условия приводили к нерациональному использованию кадров, их высокой текучести.

В этих условиях развернулись острые дискуссии о путях заселения Севера, которые периодически возобновляются и сегодня. В процессе обсуждения свое мнение высказывали известные ученые А.Г. Аганбегян, И.Л. Апарин, Г.А. Агранат, А.Г. Гранберг, Н.Н. Некрасов и др. Аргументы приводились как в поддержку долговременного обживания северных территорий, так и в пользу «внешней модели» расселения, отрицающей строительство в тундре городов-призраков, поскольку сроки эксплуатации нефтяных и газо-

вых месторождений ограничены, а возникающие поселки и города привязаны к ним [1; 2; 9; 161; 226].

Одновременно росло число сторонников вахтового метода, что было обусловлено высокой ценой инфраструктуры на Севере, особенно в условиях масштабного продвижения в труднодоступные районы, дефицитом трудовых ресурсов, хроническим отставанием жилищно-бытового строительства. Апологетом данной стратегии был А.Д. Хайтун [253]. Сильные и слабые стороны вахтового метода, возможности его эффективного использования нашли отражение и в работах А.Н. Силина [207; 208; 209].

Несмотря на противоречия, к середине 80-х годов XX века было создано около 1,5 тыс. вахтовых поселков, вахтовым методом работали свыше 150 тыс. чел., выполняя 60% заданий по обустройству промыслов и обеспечивая 35% добычи нефти. В трудных условиях освоения Севера метод позволял не затрачивать дополнительных усилий на расселение людей, трудоустройство членов семей, способствовал ускорению ввода в эксплуатацию многих объектов, прежде всего, за счет привлечения высококвалифицированных специалистов [234, с. 216-217]. В то же время накопленный опыт показал, что вахтово-экспедиционный метод более эффективен, если перемещение специалистов происходит в пределах одного региона, т.е. опирается на систему базовый город – вахтовый поселок.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на использование различных методов реализации поставленных задач, освоение российского Севера отличалось от зарубежной модели освоения северных территорий Канады и Аляски. Так, первоначально в основу освоения зарубежного Севера была положена моноресурсная модель, основанная на целенаправленном сужении специализации производственных центров, а значит, нестимулирующая общее хозяйственное развитие территории [3; 206]. При формировании же нефтегазового комплекса Западной Сибири в правительственных документах изначально ставилась задача широкомасштабного хозяйственного освоения территории, ее комплексного развития. Поэтому люди, прибывающие на зарубежный Се-

вер, ориентировались на непродолжительный срок проживания, напротив, на Тюменском Севере планировалось создать многочисленное постоянное население [46, с. 71-72; 204; 259]. Однако с 1960-х годов освоение Канадского Севера вышло на принципиально новый этап, когда начали создаваться образцовые города, при планировке и застройке которых использовались последние достижения градостроительства того периода, что позволяло обеспечить комфортные условия проживания для северян [4, с. 78-81].

При этом социально-бытовая инфраструктура новых городов формировалась раньше промышленных объектов на основе инновационных решений, что позволило, по мнению А.Н. Силина, сделать Крайний Север полигоном для отработки новых управленческих технологий, а Аляску с Канадским Севером – пионерами внедрения бизнесом программно-целевых методов управления экономикой и социальной сферой [207, с. 15].

На Тюменском Севере такой подход реализовать не удалось. Это связано с рядом причин: во-первых, с отсутствием обоснованной градостроительной концепции; во-вторых, с жесткими ограничениями временных рамок, отведенных для запуска производственных комплексов; в-третьих, с использованием архитектурных особенностей застройки Поволжья, Башкирии, которые по своим характеристикам существенно отличались от северных районов Западной Сибири; в-четвертых, с «удешевлением» проектов в процессе их реализации.

Кроме того, сказалось давление политических факторов, требований центральных органов ежегодного наращивания добычи нефти и газа, что сдерживало реализацию стратегических планов и превращало социальную сферу в придаток нефтегазового производства, хотя в СССР и были разработаны масштабные документы долгосрочного характера: Комплексная программа развития Севера [171], Комплексная программа развития Тюменского нефтегазового комплекса [121], которые по своему научно-техническому обоснованию соответствовали мировому уровню. В них предлагались суще-

ственные вложения в реализацию долговременного обживания северных территорий.

Отход от комплексного подхода к освоению Тюменского Севера, по мнению Н.Ю. Гавриловой, привел к серьезным просчетам в социальной политике освоения, что отразилось, прежде всего, в практике градостроительства. В результате приоритет решения производственных задач и ведомственный подход к системе расселения обусловили ошибки в определении численности городских поселений, архаичность застройки, неразработанность перспективной линии развития городов в регионе [48, с. 19].

Аналогичной точки зрения придерживаются и С.В. Литвинов и А.Д. Шундрин, отмечающие двойственный характер системы расселения в регионе, проявляющийся через наложение признаков научно-градостроительного развития и производственно-хозяйственной самоорганизации [129].

Итак, процесс урбанизации на Тюменском Севере в первую очередь определялся производственными процессами. Так, развитие геологоразведочных работ повлекло за собой возникновение таких городов, как Березово, Игрим; газоперерабатывающие заводы способствовали становлению и развитию Сургута, Нижневартовска, Пыть-Яха, Лангепаса; предприятия строительной индустрии повлияли на эволюцию Сургута, Нижневартовска, Урая; двенадцать городов ХМАО связаны со становлением добычи нефти и газа.

Противоречивая ситуация в градостроительстве осложнялась и борьбой интересов, с одной стороны, региональных элит, а, с другой, ведомственных структур. Советские и партийные органы резко выступали против тех мероприятий, которые осуществляли министерства нефтяной и газовой промышленности СССР: некомплексная и деревянная застройка, медленное возведение баз стройиндустрии, недостаточное выделение капиталовложений на жилищное и культурно-бытовое строительство.

В конечном итоге, государство утвердило централизованную схему расселения – был выбран курс на создание крупных городов, и в 1972 г. Нижневартовск получил статус города. Однако, возведение других крупных

поселений сдерживалось нефтяными и газовыми ведомствами. Их приоритетом были вахтовые поселки, в которых отсутствовало жилищное и социально-культурное строительство, что вызывало недовольство со стороны областного и окружного руководства.

Нарастающие противоречия привели к необходимости принятия в 1980 г. на государственном уровне концепции градостроительного освоения нефтяного края, предусматривающей возведение небольших городов вблизи месторождений и широкое развитие вахтового метода. Новая политика была поддержана и активно осуществлялась окружными органами власти. В результате в 1985-1996 гг. статус города получили 10 поселков Югры: Нягань, Радужный, Когалым, Лангепас, Белоярский, Пыть-Ях, Лянтор, Покачи, Югорск, Советский. Тем не менее в эти же годы было создано 15 рабочих поселков и несколько десятков неблагоустроенных вахтовых поселков, застраиваемых стихийно и некомплексно [220, с. 156-158]. В ЯНАО в период освоения возникло 7 городов: Салехард, Губкинский, Лабытнанги, Муравленко, Надым, Новый Уренгой, Ноябрьск. Кроме того, на территории автономного округа сформировалось 13 муниципальных районов, 9 рабочих поселков, 102 сельских населенных пункта [173].

Однако предложенная групповая система урбанизации действовала недолго. Развал Советского Союза, экономический кризис и стагнация нефтегазовых отраслей обусловили то, что градостроительная политика в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири была остановлена.

Тем не менее освоение Тюменского Севера, его индустриализация и урбанизация в прошлом веке имели большое социально-экономическое и геополитическое значение. Поэтому объективное изучение всех процессов, связанных с обживанием северных территорий, сегодня весьма актуально. Еще более важным является определение возможностей и путей дальнейшего развития освоенных территорий и, прежде всего, северных моногородов.

По мнению И.Н. Стася, природно-климатические факторы имели неоднозначное влияние на урбанизацию северных территорий. Так, с одной

стороны, значительные размеры территории, суровый климат, заболоченность и слабый грунт, ограниченные сырьевые ресурсы стройиндустрии лимитировали развитие городов, с другой, разветвленная речная система, обширные леса и огромные запасы углеводородного сырья способствовали урбанизации [219, с. 30-40].

В результате природно-климатические особенности, борьба различных концепций градостроительства, а также отсутствие комплексного подхода привели к противоречивости социально-культурного развития городов. Нельзя не признать тот факт, что хотя число введенных в эксплуатацию объектов социально-бытовой сферы (учреждений здравоохранения, бытового обслуживания, торговли, общественного питания, образования) было значительным, социальные учреждения размещались в неблагоустроенных и непригодных помещениях. Более того строительство жилых микрорайонов не сопровождалось строительством магазинов, кафе, столовых, школ, детских садов и предприятий бытового обслуживания, а возведение крупных торговых и социально-культурных комплексов, предусмотренное в генпланах, на практике осуществлялось долго и в последнюю очередь. При этом преобладала ведомственная структура социального и культурного обслуживания, что усиливало влияние градообразующих предприятий [217, с. 157-159].

В этих условиях формирование социально-территориальных общностей Тюменского Севера приобрело существенную специфику, и, прежде всего, на их становление определяющее влияние оказал резкий миграционный приток населения. Ю.К. Бот, В.Г. Песков, А.Н. Силин отмечали, что с середины 1960-х до середины 1980-х годов на территории области происходил миграционный взрыв – население активно прибывало из центральных и южных регионов страны. В то же время наблюдался и встречный миграционный поток, потому что не выдерживали «проверку Севером». Каждый второй из приехавших возвращался обратно, прожив на Тюменском Севере менее полутора лет [29, с. 199-212; 184, с. 35-36; 205, с. 209-219].

Многие исследователи (Н.Ю. Гаврилова, В.П. Карпов, М.В. Комгорт, А.Н. Силин) подчеркивали влияние активных миграционных процессов, отраслевой специфики, а также ведомственного давления на формирование и развитие территориальных общностей, которое происходило на основе объединения людей по профессиональному, корпоративному, демографическому, этническому, религиозному и другим признакам. Поэтому в северных городах имеют социально-политическое и социокультурное значение не только общности нефтяников, газовиков, геологов, строителей, но и землячества из Азербайджана, Татарстана, Украины [47; 103; 110; 207].

Тем не менее все участники освоения, прежде всего, ощущали себя членами производственного коллектива, жителями ведомственных городов и поселков, формируя социальные общности преимущественно по индустриальной схеме. Таким образом, технологические особенности производства и соответствующие им способы организации людей, вовлеченных в трудовой процесс, распространялись и на большинство сфер их жизнедеятельности. М.Г. Ганопольский отмечает, что по образу и подобию производственных технологий создавалась система отбора и адаптации мигрантов [50, с. 17].

Но не зависимо от признаков, формирующих социальные общности городов и поселков, люди, первоначально ориентированные на освоение месторождений Тюменского Севера, постепенно стали ощущать себя не только работниками производственной организации, но и в ходе освоения территории – жителями определенной местности. Как считает С.П. Литенкова, это способствовало осознанию своей как производственной, так и социально-территориальной целостности [130, с. 3].

Поэтому первоначальная схема социального развития северных территорий трансформировалась от организации – к общности через внепроизводственные коммуникации, следовательно, от персонала организаций – к постоянному населению при сохранении профессионально-отраслевой структуры, а значит от населения – к общности через систему расселения.

Эти социальные трансформации, по сути дела, и определили особенности становления социальных общностей моногородов.

Постепенно, начиная с 1980-х гг. экстенсивная урбанизация, основанная на стихийной миграции (доля мигрантов в формировании городского населения ранее составляла 80%), сменяется интенсивной, когда начинает преобладать естественный прирост в результате самовоспроизводства населения северных городов. Дальнейшие урбанизационные процессы в регионе отличались своей спецификой, во-первых, высоким уровнем рождаемости, брачности и разводимости при низком уровне смертности (в два раза ниже, чем в стране); во-вторых, существенными изменениями в отраслевой структуре занятости населения – произошло увеличение доли занятости в строительстве, транспорте, отраслях обслуживания и социокультурной сферы при долевым уменьшении в промышленности.

Можно констатировать не только преобладание молодежи в составе населения северных городов, но и значительный рост его образовательного потенциала. В период нефтегазового освоения увеличивался удельный вес жителей со средним общим, средним специальным, высшим образованием.

Постепенно происходила и дифференциация населения по этническому признаку, когда снижалась доля русских (с 84,1% в 1959 г. до 66,3% в 1989 г.) и коренных народностей (с 3,5% до 0,6%) при увеличении удельного веса других народов, в первую очередь украинцев, татар, башкир, белорусов, чувашей, азербайджанцев и молдаван.

В сложившихся условиях коренным малочисленным народам Севера становилось все труднее сохранить не только среду обитания, но и свою самобытность. Эволюционный характер этнических процессов, выражающийся в изменении основных элементов этноса: языка, культуры, социально-профессиональной структуры, половозрастного состава, сменился трансформационным, когда происходящие изменения приводили к перемене этнической принадлежности. Трансформационные изменения, по мнению А.Г. Оруджаевой, во второй половине XX в. были связаны в большей мере с ме-

жэтнической интеграцией и ассимиляцией народов, обусловленных социально-экономическими преобразованиями на Тюменском Севере [165, с. 146]. В результате под угрозой необратимого истощения оказалась не только природная среда обитания коренных малочисленных народов Севера, но и человеческий генофонд. И только в начале 1990-х гг. были приняты законы, прежде всего, Закон № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»), предоставляющие значительные льготы коренным народам, которые способствовали росту их численности и восстановлению традиционных форм жизнедеятельности.

Итак, становление моногородов Тюменского Севера, обусловленное добычей нефти и газа, не только дало толчок индустриально-урбанистическому развитию региона, а также эволюции социально-культурной среды обитания человека, новых форм его жизнедеятельности, но и сформировало городское население, определяя изменения в социально-демографическом составе, профессиональных и квалификационных характеристиках, а также перемены в образе жизни и менталитете под давлением новых производственных социокультурных отношений.

В то же время нельзя не признать, что проблемы, возникшие в советский период нефтегазового освоения Тюменского Севера (нарушение природно-экологического баланса, отсутствие комплексного подхода к освоению территорий и, как следствие, отставание социальной сферы от производственной, текучесть кадров, неразработанность стратегической перспективы развития городов и поселков), не только не исчезли, но и усугубились в период перестройки.

Многие исследователи Тюменского Севера (В.В. Алексеев, С.С. Букин, Н.Ю. Гаврилова, В.П. Карпов и др.) констатируют сохранение в конце 1980-х – начале 1990-х годов технократического сценария использования северных территорий. Более того, низкие цены на природные ресурсы в этот период привели в условиях введенного «самофинансирования» к резкому сокращению доходной базы автономных округов Тюменской области. Давая

две трети добычи углеводородного сырья в пределах бывшего СССР и обеспечивая основную часть всех валютных поступлений, они не имели необходимых финансовых средств для удовлетворения самых неотложных социальных нужд населения [6; 32, с. 179-194; 48, с. 157-164; 103, с. 89-94].

Еще одним парадоксом перехода к рыночным отношениям стала натурализация хозяйственных связей, что породило дополнительные трудности для северных районов, так как при регулярных поставках нефти и газа начались задержки и сокращение объема поставок продовольствия и промышленных товаров, что в условиях моноотраслевого характера северной экономики предопределило жесткую зависимость округов от внешних поставок. Так, в Ямало-Ненецком округе слабое развитие сельскохозяйственной базы привело к тому, что там производилось лишь 10-13% мясопродуктов, 4% молочных изделий, 7% яиц, 5% картофеля [31, с. 71]. В свою очередь, изменение реальных доходов, снижение качества продовольствия и ухудшение рациона питания негативно отразились на здоровье людей.

По справедливому замечанию С.С. Букина, жителям северных районов в условиях длительной и суровой зимы требовалось гораздо больше продуктов животного происхождения, необходимы были более просторные жилые помещения, более широкий ассортимент одежды и обуви, но в условиях бюджетного дефицита и нарушения поставок они не могли приобрести самого необходимого [33, с. 148].

Обострились и заложенные в советский период социально-бытовые проблемы северян. На рубеже 1980–1990-х гг. произошел резкий спад в жилищном и культурно-бытовом строительстве. Только в Ямало-Ненецком автономном округе в 1990 г. население недополучило 114 тыс. кв. м жилья, более 2 тыс. мест в детских садах. По-прежнему отставало благоустройство городов даже от среднероссийского уровня. Так, столица Ямало-Ненецкого округа, основного поставщика газа, не имела централизованного газоснабжения, строительство коммунального газопровода Салехард получил лишь через 30 лет после начала поставок газа в Европу [234, с. 226-227].

Но самой острой оставалась жилищная проблема. Свыше 57 тыс. семей ожидали очереди на получение жилья. В ходе освоения северных территорий широкое распространение получили такие «жилища», как балки и вагончики, за годы обживания Тюменского Севера их количество практически не уменьшилось. Если в 1962 г. в Ямало-Ненецком округе их насчитывалось 12978, то в начале 1990 г. – 12179, число проживающих составило соответственно 43448 и 44319 чел. [218, с. 187-194].

Кризис жилищной и социальной сфер, по мнению С.С. Букина, усугубился передачей жилья и социально-бытовых объектов, находящихся в распоряжении промышленных предприятий, на баланс местных органов власти. Социально-культурные учреждения, требующие значительных затрат на свое содержание, оказались на балансе местных органов, которые были не в состоянии их профинансировать, а потому использование учреждений по прямому назначению длительное время было затруднено [33, с. 155-156].

В эти же годы сократилось и государственное участие в регулировании социально-экономических процессов в условиях рыночной конкуренции. Так, 17 ноября 1992 года вышел указ Президента Российской Федерации № 1403 «Об особенностях приватизации и преобразования в акционерные общества государственных предприятий, производственных и научно-производственных объединений нефтяной, нефтеперерабатывающей промышленности и нефтепродуктообеспечения», согласно которому государственные предприятия по добыче, переработке и транспорту нефти были преобразованы в акционерные общества. Таким образом, были созданы такие компании, как «ЮКОС», «ЛУКОЙЛ», «Сургутнефтегаз» и другие [240].

Стремление к повышению эффективности экономики за счёт создания института частной собственности на средства производства позволило государству снять с себя часть экономической нагрузки и уйти от ответственности за моногорода. В результате большинство монофункциональных городов оказалось в сложной ситуации по ряду экономических причин: разрыв про-

изводственных цепочек плановой экономики; спад производства; высокая доля непрофильных активов в собственности предприятий [165].

Следует признать, что только после кризиса 1999 года социально-экономическая ситуация в северных моногородах стабилизируется за счет роста мировых цен на энергоносители. В то же время недостаточная развитость социальной, жилищно-коммунальной, транспортной и культурно-досуговой инфраструктуры моногородов ХМАО и ЯНАО затрудняло их эффективное функционирование. Проблемы обеспечения достойных условий труда и жизнедеятельности горожан вновь во многом решались нефтегазовыми компаниями. Возрождение роли градообразующих предприятий и поддержка ими социально-экономических сфер жизнедеятельности населения в моногородах Тюменского Севера определили два основных направления реализации социальной политики: уменьшение социальной напряженности через улучшение качества жизни северян и формирование положительного образа градообразующего предприятия в сознании жителей. Тем самым компании добивались ассоциации «город-предприятие», когда жители говорят «фирма», а подразумевают «город» и наоборот. Не случайно для северных моногородов не столь важно административное деление, сколько холдинговая принадлежность. В таблице 2.1.1 представлены моногорода Тюменского Севера и отражена их принадлежность к сфере влияния конкретной нефтегазовой компании.

Как видно из таблицы, министерство регионального развития исключило из списка моногородов, входящих в ЯНАО, три муниципалитета: Новый Уренгой, Ноябрьск и Надым. Эти города на Ямале получили статус монопрофильных. И хотя в них по-прежнему основными налогоплательщиками остаются предприятия нефтегазового комплекса, в каждом представлены по 5-10 крупных разноплановых предприятий.

Министерство для выделения монопрофильных городов использовало два базовых критерия: наличие в населенном пункте предприятия (или нескольких предприятий, осуществляющих деятельность в рамках единого

производственно-технологического процесса), на котором занято более 25% экономически активного населения; наличие в населенном пункте предприятия, на долю которого приходится более 50% объема промышленного производства. Следует отметить, что в одиннадцати официально признанных Министерством регионального развития РФ нефтегазодобывающих моногородах Тюменского Севера проживает более миллиона человек, а это 67 % населения округов [227, с. 41-43].

Таблица 2.1.1

Связь моногородов с градообразующими предприятиями

№ п/п	Название моногорода	Численность населения (на 01.01.2015)	Название градообразующего предприятия	Отрасль промышленности
Ханты-Мансийский автономный округ - Югра (ХМАО)				
1.	г. Сургут	340 772	ОАО «Сургутнефтегаз»	Топливная промышленность
2.	г. Нижневартовск	268 628	ОАО «Самотлорнефтегаз»	Топливная промышленность
3.	г. Нефтеюганск	126 152	ООО «РН-Юганскнефтегаз»	Добыча полезных ископаемых
4.	г. Когалым	60 322	ТПП «Когалымнефтегаз» (ОАО «ЛУКОЙЛ – Западная Сибирь»)	Топливная промышленность
5.	г. Мегион	55 642	ОАО «Славнефть-Мегионнефтегаз»	Топливная промышленность
6.	г. Нягань	55 760	ОАО «ТНК-ВР-Холдинг» – «Роснефть»	Топливная промышленность
7.	г. Радужный	43 550	ОАО «Варьеганнефтегаз»	Топливная промышленность
8.	г. Урай	39 648	ТПП «Урайнефтегаз» (ОАО «ЛУКОЙЛ – Западная Сибирь»)	Топливная промышленность
9.	г. Покачи	17 273	ТПП «Покачевнефтегаз» (ОАО «ЛУКОЙЛ – Западная Сибирь»)	Топливная промышленность
Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО)				
10.	г. Муравленко	33 247	Филиал «Муравленковскнефть»; ОАО «Газпромнефть-Ноябрьскнефтегаз»	Добыча полезных ископаемых
11.	г. Губкинский	26 214	ООО «РН-Пурнефтегаз»; ООО «Ноябрьскгаздобыча»; ОАО «СибурТюменьГаз»	Добыча полезных ископаемых Топливная промышленность

Вместе с тем и сегодня сильная зависимость текущей экономической и социальной ситуации от мировых цен на нефть и газ, а также истощение месторождений делают положение северных городов крайне неустойчивым. Кризисная ситуация в моногородах находит яркое выражение в замедлении темпов роста населения в них. Как видно из таблицы 2.1.2, не смотря на то, что стоимость барреля нефти до 2014 года росла, увеличивая ресурсные возможности градообразующих предприятий, большого роста численности населения в сырьевых моногородах не произошло. Напротив, за этот период суммарная численность населения во всех этих городах сократилась на 3 тысячи человек. Всего же в период 2002-2012 годов численность населения моногородов сократилась на 0,6 млн человек [44, с. 17-21].

Таблица 2.1.2

**Численность населения моногородов крупнейших компаний
(в общей численности населения моногородов)**

Компании	Число городов	Численность населения, проживающего в моногородах крупнейших компаний, тыс. чел.		Доля численности населения моногородов крупнейших компаний, %		Основная специализация компании
		2002	2012	2002	2012	
ОАО «Гатнефть»	8	636	633	5,5	5,8	Нефте- и газодобыча и переработка
ОАО «Роснефть»	6	493	492	4,3	4,5	Нефте- и газодобыча и переработка
ОАО «Газпром»	7	483	487	4,2	4,4	Нефте- и газодобыча и переработка
ОАО «Лукойл»	9	400	396	3,5	3,6	Нефте- и газодобыча и переработка
ТНК-ВР Холдинг	4	397	394	3,4	3,6	Нефте- и газодобыча и переработка
ОАО «Сургутнефтегаз»	2	341	345	3,0	3,1	Нефте- и газодобыча

Однако не только сложившиеся социально-экономические условия определяют перспективы и трудности развития моногородов. Как уже отмечалось в первой главе, управление городом является особым видом социального управления, специфика которого обусловлена многообразием и сложно-

стью управляемого объекта и, главным образом, общественным характером управления. В свете сказанного, механизм формирования решений включает в себя такие процедуры, как гласные взаимодействия между городской властью, горожанами и администрацией градообразующего предприятия.

В данном контексте особое значение приобретает точка зрения экспертов на противоречия, особенности и перспективы развития моногородов Тюменского Севера. В диссертационной работе было проведено социологическое исследование проблем функционирования и развития моногородов, а также роли социального управления моногородом в современных условиях.

Исследование проводилось в три этапа. Первый этап предполагал сбор и анализ вторичной информации о проблемах и возможностях развития моногородов. Второй этап включал экспертный опрос. Третий этап был связан с опросом представителей территориального сообщества г. Когалыма – типичного моногорода Тюменского Севера.

В рамках кабинетного исследования детально изучались государственные программы, прямо или косвенно относящиеся к теме диссертации и, в первую очередь: Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года (с изменениями и дополнениями) от 17 ноября 2008 г. № 1662-р; Комплекс мероприятий по повышению инвестиционной привлекательности территорий монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов), подготовленный Минэкономразвития во исполнение Перечня поручений по реализации Послания Президента России Федеральному Собранию от 27 декабря 2013 года; Постановление Правительства Российской Федерации от 29 июля 2014 г. N 709 г. Москва «О критериях отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения»; «Стратегия социально-экономического развития ХМАО–Югры до 2020 года и на период до 2030 года» от 22 марта 2013 года № 101-рп (в ред. поста-

новления Правительства ХМАО–Югры от 16.05.2014 № 179-п); «Стратегия социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2020 года» от 14 декабря 2011 года № 839; Стратегии социально-экономического развития моногородов ХМАО и ЯНАО, представленные на их официальных сайтах. Кроме того, были изучены текущие документы и материалы органов власти, публикации аналитического и экспертного характера, материалы СМИ и Интернет-ресурсы, отражающие проблемы и перспективы реализации указанных программ и планов.

В целом, как показал анализ, все перечисленные выше документы отражают позитивные изменения, произошедшие в последние годы в практике целевой комплексной поддержки моногородов. В них определены не только конкретные направления деятельности, но и продумано финансовое обеспечение планируемых мер, выделены индикаторы оценки их результативности. В то же время отмечается декларативность государственных программ и планов, не прослеживается взаимодействие министерств и ведомств, не описаны должным образом проблемы, требующие действительно комплексных решений, совместных действий и устранения конфликта интересов администрации градообразующих предприятий, органов муниципальной власти и членов территориального социального сообщества.

Вместе с тем, решение проблем моногородов лежит в плоскости полномочий как государственного управления федерального и регионального уровней, так и муниципального. Уровни управления моногородом и основные функции органов власти отражены в таблице 2.1.3.

Как видно из таблицы муниципальный уровень испытывает существенную нагрузку при недостаточности финансовой базы, отсутствии четкого разграничения компетенции между органами власти различных уровней, а также отсутствии реальных прав и полномочий. При этом особенностью местного самоуправления является необходимость ежедневного решения совокупности проблем локального характера.

Управление моногородом

Уровни управления	Функции (полномочия)
Федеральный	<ul style="list-style-type: none"> - формирование нормативно-правовой базы; - формирование порядка отношений, функций и предметов ведения, ответственности и гарантий органов государственной власти всех уровней и органов местного самоуправления; - регулирование развития отдельных отраслей народного хозяйства; - формирование федерального бюджета; - создание федеральных фондов регионального развития; - формирование экономической, социальной, экологической политики и организация контроля за ее реализацией.
Региональный	<ul style="list-style-type: none"> - разграничение полномочий и функций между регионом в целом и органами местного самоуправления; - формирование региональной нормативно-правовой базы; - управление государственной собственностью субъекта Федерации; - реализация федеральных программ развития на территории региона; - определение приоритетных направлений развития региона; - разработка отраслевых и территориальных программ и планов развития; - создание благоприятного инвестиционного климата.
Муниципальный	<ul style="list-style-type: none"> - формирование системы муниципальных правовых актов; - формирование и использование средств местного бюджета и муниципального имущества; - развитие инфраструктуры муниципального образования; - создание условий для предоставления транспортных, бытовых, образовательных и медицинских услуг населению муниципального образования; - участие в предупреждении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций; - организация охраны общественного порядка; - утверждение схем территориального планирования муниципального образования, правил землепользования и застройки территорий; - разработка и реализация программ развития муниципально-го образования.

Выделенные трудности и особенности управленческой деятельности на уровне города обуславливают субсидарное участие местного сообщества в достижении главной цели – повышение качества жизни населения.

Для уточнения проблем и определения перспектив развития моногородов Тюменского Севера в сентябре-октябре 2014 года был проведен эксперт-опрос. Цель исследования заключалась в выявлении региональных,

управленческих, социокультурных проблем функционирования и развития моногородов, а также оценки роли территориального сообщества в определении и реализации возможностей их дальнейшего развития.

Экспертами выступали представители законодательной и исполнительной ветвей власти ХМАО и ЯНАО: Думы ХМАО–Югры, Законодательного собрания ЯНАО, представительных органов местного самоуправления муниципальных образований, департаментов и служб, администрации городских округов, а также члены Ассамблеи представителей коренных малочисленных народов Севера (КМНС), члены Молодежного парламента, ориентированные на изучение и практическое решение социально-экономических проблем моногородов и формирование путей их дальнейшего развития. Всего было опрошено 64 человека. Целевой выбор экспертов определялся необходимостью выявления компетентного мнения и получения квалифицированных рекомендаций от специалистов, профессиональная деятельность которых направлена на преодоление обозначенных проблем и решение задач устойчивого развития моногорода.

Репрезентативность оценки экспертов подтверждается их статусным положением. Большинство экспертов, принявших участие в опросе, имеют стаж работы в представительных органах и во властных структурах более 15 лет, и 75% из них находятся в возрасте от 31 до 50 лет.

Анкета эксперта (см. Приложение 1) включала два раздела, связанных с выявлением, во-первых, наиболее насущных проблем функционирования и развития моногородов Тюменского Севера, а, во-вторых, возможностей и перспектив дальнейшего их развития.

Планируя исследование и формируя инструментарий, учитывался тот факт, что анализ задач и специфики развития моногородов должен был выявить схожесть проблем функционирования моногородов, и в то же время определить их особенности. Опрос, беседы, участие в работе круглых столов в окружных центрах и моногородах помогли более предметно подойти к концепции исследования, выстроить его логику, учесть специфику.

Ключевым пунктом исследования выступает мобилизация местного потенциала и максимальное вовлечение территориального сообщества в формирование и реализацию стратегий и программ развития моногородов через совершенствование социального управления.

В ходе исследования выяснилось, что большинство экспертов оценивает возможности развития моногородов Тюменского Севера в целом как перспективные. Так, по мнению экспертов, за последние 10-15 лет уровень и условия жизни в моногородах изменились в лучшую сторону. Положительные перемены в региональной политике способствовали более тесной увязке основных направлений улучшения качества жизни как с конкретными потребностями северян, так и с решением территориальных социально-экономических и социокультурных задач (см. табл. 2.1.4).

Таблица 2.1.4

**Мнение экспертов об условиях жизни в моногородах ХМАО и ЯНАО
(в % к числу опрошенных)**

Условия жизни	Благоприятные	Вполне терпимые	Терпимые с трудом	Затрудн. ответить
Материальное положение жителей	68	21	11	0
Возможность заработка	54	41	4	1
Жилищно-коммунальное обслуживание	72	20	8	0
Торгово-бытовое обслуживание	51	40	6	3
Социальное обслуживание	74	22	3	1
Возможность получения образования	46	43	10	1
Культурно-досуговое обслуживание	43	55	2	0
Безопасность жизни	41	55	1	3
Жизненные перспективы	33	42	22	3

Как видно из результатов экспертного опроса, материальные возможности горожан (их считает весьма благоприятными 68% из числа опрошенных), а также социально-бытовая инфраструктура (позитивно уровень ее развития оценивает около 75% респондентов), услуги которой имеют массовый и повседневный характер, создают достаточно благоприятные условия жизнедеятельности населения. Более того, в ходе интервьюирования экспертов выяснилось, что смещение акцента на создание комфортных условий проживания в северных моногородах и, прежде всего, на решение жилищных проблем позволяет не только эффективно вкладывать сбережения горожан, стимулировать строительную промышленность, но и, что особенно важно, формировать базисные основы качества жизни северян, стабилизировать их социальное положение, поддерживать молодые семьи. Несомненно, в последние годы высокий уровень развития получили различные виды социальной помощи, увеличивались разнообразные пособия и компенсации жителям моногородов. Это нашло отражение и в высокой оценке экспертов – 74% из числа опрошенных считают социальное обслуживание весьма благоприятным, 22% – вполне терпимым, лишь 3% негативно оценили социальную поддержку различных категорий населения. Тем не менее эксклюзивные виды социально-культурного обслуживания, такие как получение высшего образования, оказание высокотехнологичной медицинской помощи и др., а также безопасность жизни не получили столь высокой оценки со стороны экспертов. Все это снижает жизненные перспективы членов территориального сообщества.

Общепризнано, что кризис в большей мере негативно влияет именно на моногорода, поскольку снижение финансовых возможностей градообразующего предприятия ставит под угрозу полноценное функционирование всего города. По мнению экспертов, главными признаками кризиса в моногородах являются рост безработицы и сокращение

трудоспособного населения. Представители муниципального управления отмечают, что наибольшая безработица наблюдается в таких городах, как Урай, Покачи, Радужный и Мегион. В двух последних городах отмечено и снижение численности населения. При этом эксперты подчеркивают неоднозначность воздействия кризиса и введенных санкций на условия жизни горожан. Так, поддержка в ХМАО и ЯНАО малого и среднего бизнеса способствовала расширению сферы приложения труда и сохранила в определенной мере возможность заработка; ухудшение материальных условий жизни горожан отмечается опрошенными (62%), но оно не стало катастрофическим для основной части жителей благодаря созданию новых рабочих мест и устойчивости градообразующих предприятий. Более того, по мнению экспертов, кризис способствовал развитию качества предоставляемых услуг, торгово-бытового обслуживания (36%). Удалось сохранить в моногородах и высокий уровень социального обеспечения различных категорий горожан, что отмечают 86% из числа опрошенных экспертов. Социально-экономическая неустойчивость в условиях кризиса привела к незначительному росту социальной и предпринимательской активности в моногородах, что позволило экспертам отметить возможность не только сохранения (47%), но и улучшения (21%) жизненных перспектив горожан. Анализ ответов экспертов в зависимости от их должности и сферы деятельности не выявил существенных различий в позиции экспертов.

Экспертным сообществом дана достаточно высокая оценка условий жизни жителей моногородов Тюменского Севера, что, несомненно, является резервом их развития. Тем не менее, существующие проблемы функционирования моногородов, трудности их преодоления вызывают определенную тревогу как у горожан, так и у экспертов. В свете сказанного особое значение приобретает поиск эффективных механизмов социальной

поддержки планируемых мер развития моногородов на основе четкого представления о существующих проблемах и приоритетности их решения.

Исходя из того, что существующие проблемы моногородов не имеют простых решений, в диссертации подчеркивается неприемлемость использования единых подходов к их преодолению, не учитывающих природных, социокультурных, исторических особенностей и жизненно важных интересов членов территориального сообщества. Для определения потенциала развития северных моногородов необходимо не только выявление проблем, но и представление об их значимости (см. табл.2.1.5).

Таблица 2.1.5

**Оценка проблем, сдерживающих развитие северных моногородов
(ранги*)**

Проблемы	Представители законодательных и исполнительных органов власти округов	Представители органов власти муниципальных образований	Представители общественных организаций	Предста- вители СМИ
Зависимость населения и местных властей от градообразующего предприятия	6	2	5	10
Низкая социальная и трудовая мобильность населения	8	8	7	5
Неготовность населения заниматься предпринимательской деятельностью	1	4	4	4
Слабая поддержка органами власти малого бизнеса	7	11	3	2
Низкий уровень развития инфраструктуры	9	1	8	6
Удаленность территории от экономических и культурных центров региона	11	10	11	8
Несовершенство нормативной базы	3	5	12	12
Несовершенство системы межбюджетных отношений	2	3	9	11
Слабая ориентация местной власти на развитие моногородов	4	12	2	1
Неразработанность системы взаимодействия органов управления с представителями территориального сообщества	10	9	1	3
Низкий уровень социального самочувствия горожан	5	7	6	7
Суровые природно-климатические условия	12	6	10	9

*1-й ранг означает наибольшее влияние

Традиционно одной из важнейших причин слабого социально-экономического развития муниципальных образований, в том числе моногородов, отмечается недостаточный уровень взаимодействия федеральных, региональных и муниципальных органов управления в процессе разработки и реализации программ и планов развития. В проведенном исследовании несовершенство системы межбюджетных отношений и нормативной базы отмечают, прежде всего, представители органов власти окружного уровня, эксперты, представляющие муниципальные органы власти, признавая данную причину значимой, делают акцент на низком уровне развития инфраструктуры моногородов и их зависимости от градообразующих предприятий. На конкретизирующий вопрос: «Чем Вы объясните такую ситуацию?» – большая часть опрошенных экспертов высказалась, что это определяется, с одной стороны, фактором присутствия экономически стабильного градообразующего предприятия, взаимодействующего с органами управления в решении городских проблем, с другой стороны, неготовностью представителей власти принимать решения под свою ответственность и сложившейся традицией выступать в роли «пожарных», реагируя на наиболее острые «горящие» проблемы.

В то же время эксперты из числа общественных организаций, молодежных объединений, представительств коренных малочисленных народов Севера к числу приоритетных относят проблемы слабой ориентации органов муниципального управления в перспективном развитии моногородов, отсутствие стремления взаимодействовать с представителями территориальных сообществ, а также слабой поддержки малого бизнеса. Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что без реального взаимодействия органов исполнительной власти, руководства градообразующих предприятий, представителей малого и среднего бизнеса, а также членов территориального сообщества невозможно решить существующие проблемы.

Структурная безработица, конечно, волнует экспертов, но представители органов управления этому фактору присуждают восьмой ранг значимости. Нельзя не заметить противоречивость данного утверждения, поскольку низкая трудовая мобильность населения вызывает серьезные опасения представителей СМИ. По мнению большинства экспертов, кадровый потенциал градообразующих предприятий очень высок. Поэтому, не смотря на узкую направленность профессионального потенциала, уровень квалификации позволяет населению быстро и достаточно успешно адаптироваться на рынке труда. В то же время рабочие различных специальностей, инженеры и техники не стремятся к трудовой мобильности, хотя эксперты рассматривают наличие высококвалифицированного кадрового персонала в числе конкурентных преимуществ северных моногородов, но считают его труднореализуемым и в силу престижа градообразующих предприятий, и в силу территориально-поселенческой специфики, когда мобильность ограничена удаленностью других городов, неразвитостью транспортной сети. Представляется, что признание представителями местных органов власти беспрецедентной роли градообразующих предприятий обусловило и то, что, по мнению экспертов, население не готово заниматься предпринимательской деятельностью. Более того, эксперты, за исключением представителей муниципального управления, считают сдерживающим фактором в развитии моногородов низкий уровень поддержки местными органами власти малого бизнеса.

Выделяя такие проблемы, как низкий уровень развития инфраструктуры, несовершенство нормативной базы, удаленность территории от экономических и культурных центров региона, представители общественных структур отмечают и серьезность проблемы низкого уровня социального самочувствия горожан. И если сами по себе сложные природно-климатические условия, по мнению экспертов, не могут оказать значительного негативного воздействия на развитие моногородов и их жителей, то отношение членов территориального сообщества к условиям,

качеству жизни, органам управления, их готовность к взаимопомощи, идентификация себя с малой родиной являются определяющими в условиях сурового климата для успешного развития северных моногородов. Все вышесказанное показывает специфику проявления проблем развития северных моногородов.

Во втором блоке, отражающем возможности и перспективы развития северных моногородов, экспертам было предложено выделить наиболее значимые факторы и ресурсы моногородов, определяющие их успешное развитие (см. табл. 2.1.6).

Таблица 2.1.6

Мнение экспертов о факторах и ресурсах моногородов, способствующие их развитию (в % к числу опрошенных)

Факторы и ресурсы	Влияние значительно	Влияние незначительно	Не оказывают влияние	Затрудн. ответить
Государственная поддержка моногородов	7	27	64	2
Собственные экономические ресурсы	78	22	0	0
человеческие ресурсы	74	24	2	0
Разработка и согласование стратегий социально-экономического развития северных моногородов	31	46	20	3
Разработка комплексного плана развития моногорода	44	27	29	0
Высокий уровень доверия к органам управления	66	27	7	0
Совместная деятельность органов власти и членов территориального сообщества по развитию города	63	37	0	0
Информированность населения моногородов о программах и планах	66	27	7	0
Историческая и социокультурная специфика	44	48	5	3
Готовность членов территориального сообщества внести личный вклад в развитие своего города	81	19	0	0

Роль государственной поддержки моногородов 27% экспертов признали незначительной, при этом 67% считают, что рассчитывать на поддержку в сложившейся ситуации не приходится. Такая позиция вполне объяснима в свете утверждения новых критериев Минэкономразвитием, согласно которым города, где градообразующие предприятия входят в нефтегазодобывающие отрасли, не могут рассчитывать на государственную поддержку. В этих условиях закономерной выглядит преимущественная

ориентация на собственные экономические ресурсы 78% из числа опрошенных экспертов. Более того, согласно информации Минэкономразвития «Об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в 2014 году» от 6 февраля 2015 года в секторе добычи полезных ископаемых отмечается уверенный рост сальдированного финансового результата, прибыль увеличилась на 31,4% и составила 1924,9 млрд рублей. В добыче топливно-энергетических полезных ископаемых и в нефтедобыче прибыль увеличилась на 38,4% [164, с. 103]. Следует признать и тот факт, что моногорода Тюменского Севера относятся к группе городов с относительно успешно развивающейся специализацией. В связи с этим примерно третья часть экспертов считает ключевой задачей углубление и расширение специализации, а диверсификацию экономики рассматривают как важное, но дополнительное направление обеспечения устойчивости социального развития. Согласно их точке зрения, многие градообразующие предприятия не только поддерживают занятость населения, но развиваясь и модернизируясь, создают основу для диверсификации экономики, поскольку имеют возможности как для создания афилированного малого и среднего бизнеса в структуре своих производственных потребностей, так и для стимулирования сервисной деятельности.

В то же время эксперты признают зависимость результативности использования экономических возможностей моногородов от человеческих ресурсов (74% полагают, что влияние человеческого фактора значительно, 24% также не отрицают значение данного вида ресурсов). А вот необходимость разработки и согласования стратегий социально-экономического развития северных моногородов хотя и признается экспертами (31% считают значительным влияние данного фактора, 46% отмечают его незначительное воздействие), но не получает приоритетной поддержки. Уточнение ситуации позволило выявить, с одной стороны, преобладание формального подхода к согласованию стратегий социально-экономического развития северных моногородов, так как разрабатываемые

на федеральном и окружном уровне приоритеты развития носят унифицированный характер, не учитывают особенности и интересы моногородов, а с другой стороны, разработка стратегий развития на муниципальном уровне отражает административный подход к созданию документа, когда каждый муниципалитет пишет свою часть без анализа общей ситуации. В результате не анализируются должным образом проблемы, требующие действительно комплексных решений, совместных действий и устранения конфликта интересов. Тем не менее, эксперты считают важным (44% считают влияние комплексного подхода значительным, 27% рассматривают влияние как незначительное) ресурсом разработку комплексного плана развития моногорода.

Определенное удивление вызывает мнение 29% из числа опрошенных экспертов о том, что комплексные планы не оказывают реального влияния на развитие моногородов. Поясняя свою позицию, эксперты вновь обращали внимание на формальное отношение к разработке планов, которые зачастую отражают программы, принятые на окружном уровне. В то же время представители органов исполнительной власти отмечали не столько бюрократизацию данного процесса, сколько прагматизм муниципальных органов власти, так как меры, ранее включенные в другие программы и планы, воспроизводятся с целью обеспечения лучших перспектив финансирования. При этом множество федеральных, региональных, муниципальных, отраслевых программ различной направленности исключают их эффективную координацию как на уровне содержания, так и на уровне выполнения.

Выделенные ресурсы и факторы, считает 66% экспертов, будут тогда работать на развитие моногородов, когда сформируется высокий уровень доверия к органам управления. В ходе беседы эксперты подчеркивали, что уверенность в надежности, компетентности, добросовестности органов управления, в их способности эффективно выполнять свои функции лежит и в основе совместной деятельности органов власти и членов

территориального сообщества по развитию города. В целесообразности совместных усилий убеждены 63% экспертов, еще 37% признают влияние такой деятельности на успешное развитие моногородов. Начало совместной деятельности может быть положено регулярной информированностью населения моногородов о программах и планах, разрабатываемых и принимаемых органами управления – 66% из числа опрошенных экспертов считают значительным влияние оперативной и достоверной информации, 37%, признавая значение информированности членов территориального сообщества, акцентируют внимание на необходимости обратной связи. Эксперты признают и возрастающее значение социальных сетей и блогосферы сети Интернет на восприятие и оценку информации, а также на готовность членов территориального сообщества внести личный вклад в развитие своего города. При этом 81% из числа опрошенных экспертов признает значительное влияние личного вклада жителей в развитие своего города, несмотря на то, что в реальности наблюдается скорее декларирование участия, а не конкретная социальная практика. Здесь требуются дополнительные усилия всех органов власти, социально-политических объединений для полноценного использования резерва социальной вовлеченности в реализацию программ развития моногородов.

Представляется, что историческая и социокультурная специфика становления и развития северных моногородов, героические усилия их жителей в освоении края не только способны существенно повлиять на стремление к развитию своего территориального образования (так считает 44% экспертов), но и обуславливают взаимодействие членов социального сообщества.

Как уже отмечалось в первой главе, формирование моральных основ взаимодействия членов социальной общности приобретает особое значение в связи с преодолением эффекта деиндивидуализации, характерной для современных городов. Опираясь на высказывание С. Хантингтона о том, что локальная солидарность всегда значимей общегосударственной, за

исключением случаев мобилизации населения против общего врага [254], необходимо рассматривать формирование коллективных идей и совместных действий как основу повышения социального самочувствия горожан и роста их социальной активности.

Представляется, что именно сформированная региональная идентичность лежит в основе ответов экспертов на вопрос об отношении к перспективам развития моногородов членов территориального социального сообщества. Почти половина экспертов (47%) считает, что их отношение положительное, так как подкреплено реальной готовностью внести личный вклад в развитие своего города, еще 31% из числа опрошенных рассматривает отношение как положительное, но эксперты подчеркивают, что горожане чаще декларируют готовность внести личный вклад в развитие своего города. Только незначительное число экспертов (6,8%) отмечает неверие горожан в возможность развития своего города, при этом 5,7% экспертов считает, что часть жителей не связывает свое будущее с родным городом.

Более того, сами эксперты готовы внести личный вклад в развитие своего города. 38% экспертов могут предложить интересные идеи по развитию города, 35% готовы организовать обучающие и культурно-массовые мероприятия, 20% высказали желание участвовать в благоустройстве города, 7% могут принять участие в охране общественного порядка. В варианте ответа – другое – эксперты отмечали, что готовы участвовать во всех предложенных формах, но охраной общественного порядка должны заниматься профессионалы.

Таким образом, экспертный опрос подтвердил точку зрения диссертанта о том, что без повышения эффективности государственного и муниципального управления монотерриторией через становление и совершенствование системы социального управления, без социальной ответственности не только власти и бизнеса, но и каждого члена социальной территориальной общности невозможно развитие северных моногородов.

В выявленном контексте важным условием успеха является формирование и учет членами территориальной общности социальной оценки программ, планов и мероприятий развития моногородов в процессе обратной связи. Социальная оценка включает в себя выяснение уровня социальной поддержки и уровня доверия к органам власти, готовности к личному участию в реализации программ и планов, мониторинг социальных последствий реализации программ.

2.2 Социальное самочувствие горожан (на примере г. Когалыма)

Анализ социально-экономического положения моногородов севера Тюменской области позволяет констатировать, что практически все они находятся примерно в одинаковой ситуации, а именно: история этих городов начинается с периода интенсивного освоения нефтегазовых месторождений; имеют градообразующее нефтегазодобывающее предприятие; градостроительная практика и социальная инфраструктура типичны для Тюменского Севера; близки они и по уровню занятости, и по составу населения.

Поэтому в диссертации в качестве объекта исследования общественного мнения населения взят один из моногородов – г. Когалым.

Когалым является монопрофильным городом Ханты-Мансийского автономного округа – Югры согласно критериям Министерства регионального развития Российской Федерации. Градообразующим предприятием города является ТПП «Когалымнефтегаз» ООО «ЛУКОЙЛ – Западная Сибирь», основной вид деятельности которого – добыча полезных ископаемых.

Цель данного исследования состояла в определении уровня социального самочувствия населения г. Когалыма, которое, в свою очередь, предполагает оценку степени удовлетворенности жителей основными элементами жизнедеятельности, выявление степени эффективности взаимодействия между горожанами и органами местного самоуправления, а также определение их социальной активности как готовности к изменению сложившейся ситуа-

ции в моногороде, которые служат показателями успешного функционирования моногорода и возможности его социально-экономического развития.

Именно изучение общественного мнения относительно социально-экономического развития города, прежде всего, позволяет выявить уровень развития социальной инфраструктуры, оценить условия проживания в городе, определить эффективность деятельности городской администрации и измерить уровень активности горожан в решении социально-экономических проблем города.

Анализ основных социально-экономических показателей развития Когалыма позволил сделать следующие выводы [99]. На 1 января 2015 г. численность постоянного населения Когалыма составила 62,2 тыс. человек, по отношению к 2014 г она увеличилась на 1,8%. Среднегодовая численность населения, по сравнению с 2014 г., также увеличилась на 1,8% и составила 61,7 тыс. человек. В результате численность экономически активного населения Когалыма на 1 января 2015 г. составила 35,9 тыс. человек, или 57,7% от общей численности населения города, из их числа 35,8 тыс. человек, или 99,7% экономически активного населения, были заняты в экономике. Тогда как численность безработных, имеющих официальный статус, в 2014 г. составила 131 человек. Показатель уровня регистрируемой безработицы по Когалыму на конец 2014 г. составил 0,36%, что ниже показателя аналогичного периода 2013 г. на 0,02% (2013 г. – 0,38%).

Миграционная ситуация в городе обусловлена специфическими условиями северных территорий и характеризуется следующими показателями: количество прибывших граждан увеличилось на 1,1% и составило 752 человека, число выбывших из города увеличилось на 2,8% и составило 654 человека. Всего в миграционный оборот было вовлечено 7 034 человека, или 11,3% от общей численности населения города, в аналогичном периоде 2013 г. эти показатели составили 7 265 человек, или 11,9% от общей численности населения.

Ведущей отраслью экономики города, влияющей на его социально-экономическое развитие, является промышленность.

Таблица 2.2.1

Структура промышленного производства города

Вид экономической деятельности	2013 г.		2014 г.	
	млн руб.	%	млн руб.	%
Добыча полезных ископаемых, предоставление услуг в этих областях	10 382,5	43,7	9 703,2	40,9
Обрабатывающие производства	5 018,1	21,1	4 748,7	20,0
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	8 358,3	35,2	9 297,5	39,1
ИТОГО	23 758,9	100	23 749,4	100

Сельскохозяйственным производством на территории Когалыма заняты фермерские хозяйства и население в личных подсобных хозяйствах. Основное направление деятельности данных хозяйств – животноводство, связанное с разведением крупного, мелкого рогатого скота, свиней и птицы. В 2014 г. на территории Когалыма произведено 182,5 тонн мяса в живом весе, что на 6,4% выше уровня 2013 г. Производство молока составило 70,2 тонны, что ниже уровня 2013 г. на 12,5%.

Важное место в экономике Когалыма занимает малое и среднее предпринимательство, играющее возрастающую роль в решении экономических и социальных задач – сохранении рабочих мест, обеспечении дополнительной занятости, насыщении потребительского рынка товарами и услугами. Малый и средний бизнес в Когалыме в 2014 г. был представлен 1 804 субъектами малого и среднего предпринимательства. Количество субъектов малого и среднего предпринимательства, по сравнению с аналогичным периодом 2013 г., увеличилось на 3,5% (2013 г. – 1 742 субъекта). Общее количество работающих в секторе малого бизнеса составило 6,51 тыс. человек, или 18,2% от общего числа занятых в экономике города.

Уровень жизни населения характеризуется, прежде всего, уровнем его доходов. Денежные доходы на душу населения в 2014 г. составили 38289 рублей, или 104,7% по сравнению с 2013 г. Достигнутый уровень денежных

доходов населения позволяет обеспечивать более 3 бюджетов прожиточного минимума. Основным источником денежных доходов населения является заработная плата. Среднемесячная начисленная заработная плата по крупным и средним организациям Когалыма на 1 работника за 2014 г. по оценке составила 64954 рублей (прирост к 2013 г. – 9,5%).

Численность пенсионеров в городе на 1 января 2015 г. составила 12544 человека, это около 20,2% от общей численности постоянного населения города. В результате проведенных индексаций средний размер дохода пенсионера по Когалыму в 2014 г. составил 17402,7 рублей, или 108,2% к 2013 г., и почти в два раза превысил бюджет прожиточного минимума пенсионера.

Жилищный фонд на 1 января 2015 г. составил 1 022,3 тыс. кв. м, таким образом, обеспеченность жильем в среднем на 1 жителя составляет 16,6 кв. м. Площадь ветхого жилья, признанного непригодным для проживания граждан, аварийным и подлежащим сносу, составляет 70,36 тыс. кв. м (198 жилых домов), из них 32,07 тыс. кв. м (57 жилых домов) признаны аварийными. За 2014 г. расселены 17 жилых домов общей площадью 8,4 тыс. кв. м.

Оборот розничной торговли достиг 12681,0 млн рублей, что в расчёте на одного жителя позволило реализовать потребительских товаров на сумму 205,5 тыс. рублей. Розничные цены на социально значимые продукты питания, зафиксированные на 29.12.2014 г., по отношению к ценам на соответствующую дату 2013 г., под влиянием сезонности, насыщенностью рынка товарами и ограничением срока реализации, кризиса увеличились от 4 до 69%.

Общий объём платных услуг населению на 1 января 2015 г. составил 3 394,2 млн рублей, или в расчёте на одного жителя – 55 тыс. рублей (в 2013 году – 52,2 тыс. рублей). Несмотря на развитие отдельных видов услуг, структура платного обслуживания не претерпела существенных изменений. По-прежнему около 80% от общего объёма платных услуг приходится на услуги «обязательного характера» (жилищно-коммунальные услуги, услуги связи и отдельные виды бытовых услуг). Услуги культуры, медицинские и

услуги образования имеют стабильные темпы развития, но их доля в общем объёме изменяется незначительно [99].

Исходя из цели социологического исследования, которая заключается в оценке социального самочувствия жителей г. Когалыма, задачи были следующие:

- оценка уровня материальных доходов населения;
- оценка основных элементов социальной инфраструктуры города;
- выявление основных форм проведения досуга горожанами;
- определение уровня криминогенности в городе;
- анализ миграционной ситуации;
- определение первостепенных социальных проблем горожан;
- оценка взаимодействия населения города, органов местной власти и администрации градообразующего предприятия;
- оценка уровня социальной активности горожан.

Для достижения цели социологического исследования в рамках городской социально-территориальной общности был использован системный подход изучения общественного мнения населения. При таком подходе наиболее качественно можно оценить и учесть интересы различных групп населения, определяющие готовность участвовать в дальнейшем социально-экономическом развитии города.

В качестве генеральной совокупности была взята численность экономически активного населения города – 35900 чел. Кроме того, учитывался их половозрастной состав, уровень образования и социальный статус.

Исходя из того, что исследование проводилось в рамках социально-территориальной общности, была использована районированная выборка, которая определялась 10%-ным уровнем доверительного интервала в ошибке выборки, что позволяет утверждать о ее надежности.

Выборочная совокупность представлена 42,9% мужчин и 57,1% женщин. Основное количество жителей, принявших участие в опросе, находится в возрасте от 30 до 45 лет (51,6%) и от 46 до 60 лет (38,7%). Еще в исследо-

вании участвовали жители старше 60 лет, продолжающие свою трудовую деятельность, а также молодые люди в возрасте от 18 до 31 года.

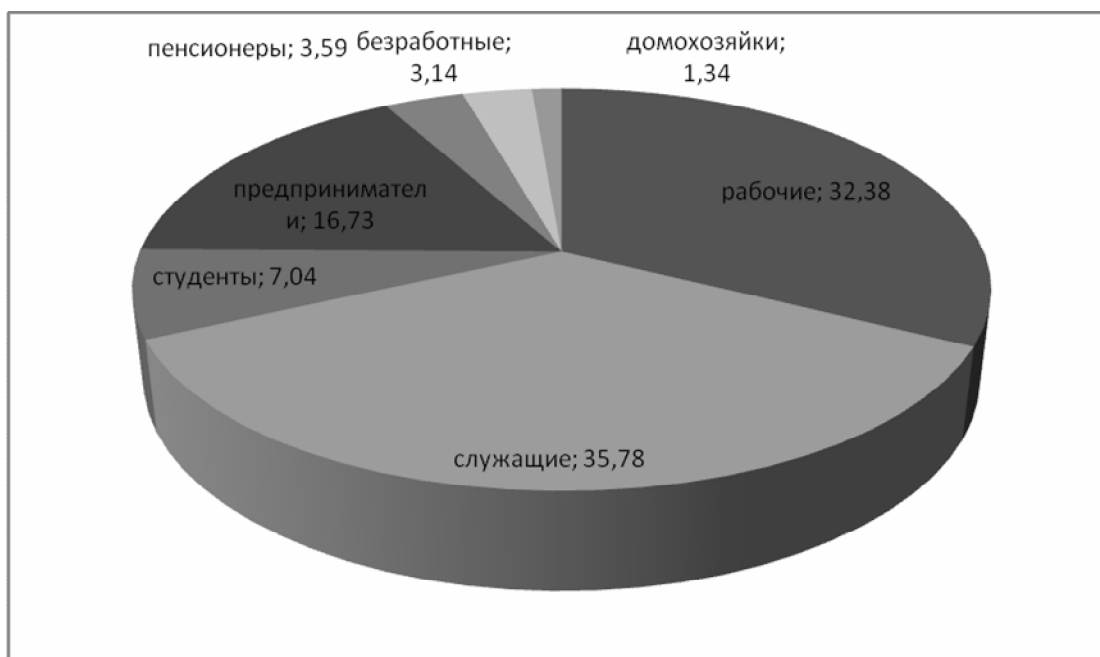

Рис. 2.2.1. Социальный статус респондентов

Социальный статус респондентов показывает, что в выборке представлены все группы населения. Респонденты, имеющие статус рабочих и служащих, в основном, заняты на градообразующем предприятии и в социальной сфере города. Основное количество опрошенных жителей города имеет высшее или среднее специальное образование (см. рис. 2.2.2).

Уровень социального самочувствия горожан связан с их материальным положением и с условиями жизнедеятельности, а также с качеством социальной инфраструктуры города. Тогда к показателям, характеризующим уровень социальной удовлетворенности, можно отнести доходы и расходы горожан, уровень образования, определяющий в значительной мере их статусные позиции, качество услуг здравоохранения, жилищно-бытовых условий, социального обеспечения, которые в совокупности характеризуют социально-экономическое развитие моногорода, а значит и условия жизнедеятельности горожан.

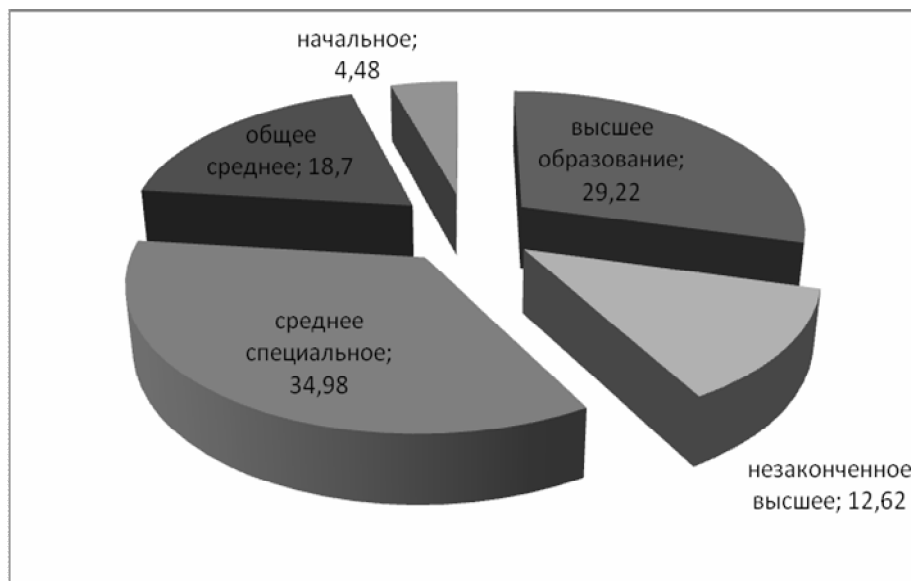

Рис. 2.2.2. Уровень образования респондентов

Первым показателем уровня социальной удовлетворенности населения, считающимся одним из наиболее важных при определении социальной активности населения и его отношения к дальнейшему развитию города, является материальное положение человека, его семьи. Материальное положение в первую очередь определяется доходами, в которых центральное место принадлежит заработной плате, и расходами.

Сравнение среднемесячной зарплаты жителей Когалыма со среднемесячной заработной платой в целом по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре (среднемесячная зарплата составляет 56682,4 руб.) показывает, что половина из них имеет достаточно высокий уровень оплаты труда, а каждый четвертый является высокооплачиваемым работником, так имеет зарплату свыше 70000 рублей. Только 7,3% респондентов имеют зарплату (пенсию, стипендию) ниже 25000 рублей, еще 17,5% получают в месяц до 35000 рублей (см. рис. 2.2.3).

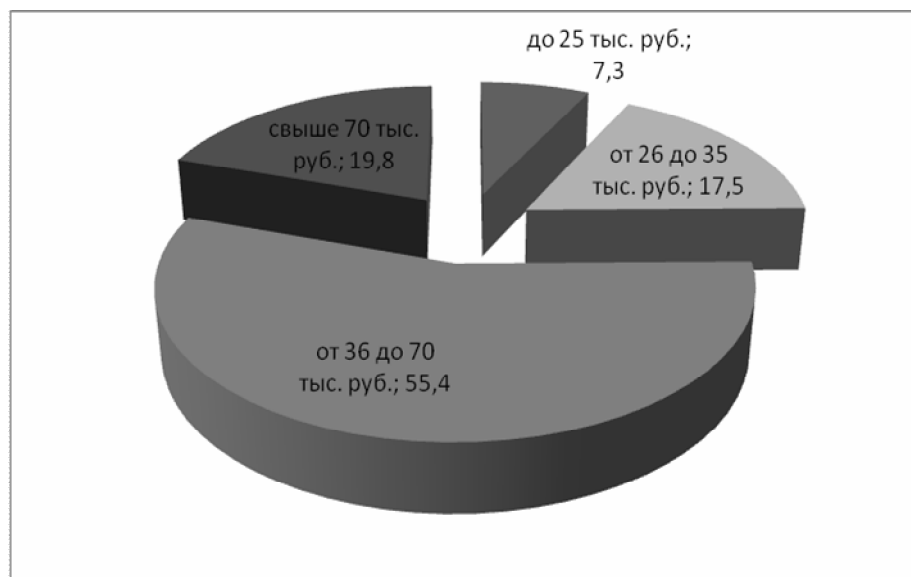

Рис.2.2.3. Уровень среднемесячной заработной платы респондентов

Таким образом, уровень заработной платы жителей Когалыма высок, но и величина прожиточного минимума в Когалыме тоже превышает средние показатели и по ХМАО (12135 рублей), и в целом по Тюменской области (8470 рублей).

Несмотря на достаточно высокий уровень заработной платы субъективная оценка горожан, принявших участие в опросе, не позволяет говорить о полном удовлетворении своим материальным положением.

Таблица 2.2.2

Оценка респондентами своего материального положения

Характеристики	%
Денег хватает только на самое необходимое: продукты, обязательные платежи	33,4
Денег достаточно на все расходы, кроме крупных приобретений	44,7
Можем позволить крупные приобретения (машина, жилье, отпуск за границей и т.д.)	12,8
Ни в чем себе не отказываем	5,8
Затрудняюсь ответить	3,3

Никто из жителей Когалыма, принявших участие в опросе, не считает себя совсем бедным. Тем не менее, практически треть из них живет от зарплаты до зарплаты, имея возможность оплачивать свои счета и покупать продукты питания. Они не находятся в зоне риска, имеют доход больше прожиточного минимума, но в то же время их дохода не хватает ни на образова-

ние детей, ни на покупку товаров длительного спроса, ни на отпуск. Около половины респондентов более свободны в выборе своих расходов, однако не могут себе позволить приобретение жилья, машины и других предметов, связанных с крупными тратами. Только 5,8% респондентов указали на свое полное материальное благополучие, еще 12,8% считают себя обеспеченными людьми, хотя и должны планировать крупные приобретения.

Таблица 2.2.3

**Оценка респондентами своего материального положения
в зависимости от уровня доходов
(в процентах к числу опрошенных)**

	До 25000	От 26000 до 35000	От 36000 до 70000	Свыше 70000	Затруд. ответить
Высокообеспеченные		5,5	15,5	60,0	19,0
Обеспеченные	14,4	26,6	20,9	24,2	13,9
Низкообеспеченные	21,4	35,1	19,3	11,0	13,2
Необеспеченные	39,5	35,7	14,3	3,5	7,0

Полученное в результате несовпадение между объективным уровнем среднемесячной заработной платы и субъективной оценкой респондентами своего материального положения показало необходимость исследования мнения респондентов в зависимости от их социально-статусных характеристик.

Анализ мнения горожан в зависимости от их уровня доходов выявил парадоксальную ситуацию – 14,4% с уровнем дохода до 25000 рублей считают себя обеспеченными людьми, а такой же процент опрошенных с уровнем дохода от 36000 до 70000 рублей оценили свое материальное положение как низкообеспеченное либо необеспеченное. И с той, и с другой стороны самооценка респондентов явно занижена, но в первом случае это, видимо, связано с привычкой обходиться самым необходимым и не претендовать на большее, а во втором случае – с возможностью свободно распоряжаться финансовыми средствами, что приводит к росту потребностей, которые из области только материальных уже перерастают в здоровьесберегающие, духовные и т.п. Остальные данные свидетельствуют о прямой зависимости материального положения респондентов от доходов.

Есть значительные отличия в уровне доходов респондентов в зависимости от образовательного статуса. Так, работники социальной сферы (образование, здравоохранение) с высшим образованием получают заработную плату ниже, чем рабочие со средним специальным образованием, занятые на градообразующем предприятии. Однако специалисты и руководители этого предприятия с высшим либо незаконченным высшим образованием имеют более высокий доход, чем первые две группы жителей города, принявших участие в опросе, и их доход практически сопоставим с уровнем заработной платы работников муниципальных органов власти, которые в своем большинстве также имеют высшее образование. Уровень доходов в зависимости от социального статуса отражен в таблице 2.2.4.

Таблица 2.2.4.

**Зависимость доходов от социального статуса респондентов
(в процентах к числу опрошенных)**

Социальный статус/ Доход	До 25000	От 26000 до 35000	От 36000 до 70000	Свыше 70000
Пенсионеры	37,7	45,2	11,9	5,2
Рабочие	30,5	36,7	26,1	6,7
Специалисты и управленческие работники	9,5	26,3	31,6	32,6
Предприниматели	12,5	39,1	25,9	22,5
Служащие (социальная сфера)	9,9	48,1	22,3	19,7
Городская администрация	-	53,8	20,8	25,4
Другие категории (пенсионеры, студенты, домохозяйки, безработные и т.д.)	40,3	31,6	16,8	11,3

Анализ зависимости доходов жителей города, принявших участие в социологическом исследовании, в зависимости от их социального статуса не выявил каких-то значительных отклонений. Как и ожидалось, наиболее материально обеспечены служащие и управленцы городской администрации и руководство градообразующего предприятия (имеют доход свыше 70000 рублей 25,4% и 32,6% респондентов соответственно). Самые низкооплачиваемые социальные группы населения (до 25 тыс. рублей) – это пенсионеры, студенты, рабочие. В группу с низкими доходами можно включить временно безработных, домохозяек, студентов и т.п. Работники, занятые в социальной

сфере (учителя, врачи, медперсонал и др.), имеют в основном доход 25-35 тыс. рублей, и только 22,3% из них получают свыше 35000 рублей.

Неоднозначность материального положения вызывает необходимость определения уровня расходов горожан, позволяющего также выявить степень их социального самочувствия, а, следовательно, и уровень их социальной активности.

Структура расходов респондентов показывает, что более половины из них приходится на покупку продуктов питания и обязательные платежи (жилищно-коммунальные расходы, оплата за электричество, газ и др.) (см. рис. 2.2.4). Еще одну четвертую долю своих доходов горожане тратят на покупку товаров для дома и одежду. Остальные расходы – это приобретение жилья, машины, покупка акций и депозиты в банках.

Рис.2.2.4. Расходы семьи респондентов

В процессе анкетирования вопрос о том, «сколько времени понадобится Вам на приобретение жилья, автомобиля», показал, что больше половины респондентов без банковского кредита не могут позволить себе выше перечисленные блага, еще 35,4% опрошенных определили временной интервал от 6 месяцев до года при условии отсутствия инфляции.

Уровень доходов респондентов находится в обратно пропорциональной зависимости от структуры их расходов, если доход маленький, то основная часть расходов идет на приобретение продуктов, если же доход свыше 70 тыс. рублей, то затраты на покупку продуктов питания становятся уже мень-

ше половины в общей сумме расходов (см. табл. 2.2.5).

Таблица 2.2.5

**Структура расходов в зависимости
от уровня доходов (в % к числу опрошенных)**

Структура расходов/ Доход	До 25000	От 26000 до 35000	От 36000 до 70000	Свыше 70000
Оплата услуг	8,1	7,2	5,8	5,9
Покупка продуктов питания	68,2	61,7	62,8	44,3
Покупка одежды и хозяйственных товаров	13,6	23,9	21,8	37,3
Покупка акций и вклады в банк	0,3	0,5	1,1	3,8
Налоги	2,3	2,5	2,3	3,2
Другое	7,5	4,2	6,2	5,5

Полученные результаты вполне объективны, так как взаимозависимость доли питания в структуре расходов и уровень расходов всегда будет обладать обратной зависимостью.

Проведенный анализ материального положения позволяет заключить, что уровень доходов горожан свидетельствует о достаточно высокой степени социально-экономической удовлетворенности горожан и их возможности поддерживать приемлемый уровень жизни. Не случайно больше половины респондентов считают, что смогут повысить свое материальное положение, если для этого будут созданы определенные условия, и только около одной трети опрошенных жителей Когалыма или затруднились с ответом на этот вопрос, или считают невозможным повысить свой достаток.

Тем не менее, высоким свой уровень доходов назвало всего 3,8% жителей, принявших участие в опросе, в большинстве (73,4%) респонденты оценивают свое материальное положение как среднее, а вот пенсионеры отмечают, что их уровень жизни снизился в связи с повышением инфляции и ростом цен на предметы даже первой необходимости.

Социальное самочувствие жителей моногорода определяется и системой социальной инфраструктуры. Оценка таких элементов социальной инфраструктуры как образование, здравоохранение, торговля, жилищно-коммунальные услуги, бытовое обслуживание населения, возможность разнообразного проведения свободного времени и досуга, очень важны для по-

нимания возможных факторов роста социальной активности горожан, для появления у них чувства ответственности за развитие своего города.

Оценка уровня социальной инфраструктуры складывалась, исходя из статистического анализа и выявления мнений жителей Когалыма о функционировании ее элементов.

Система здравоохранения Когалыма представлена БУ «Когалымская городская больница» – многопрофильным учреждением, имеющим в своем составе более 50 структурных подразделений, в том числе стационар на 320 круглосуточных коек, амбулаторно-поликлинические структурные подразделения на 1598 посещений в смену и дневной стационар на 86 коек.

По состоянию на 01.01.2014 г. в БУ «Когалымская городская больница» работало 1423 человека, в т.ч. 222 врача, 656 средних медицинских работников, 335 человек младшего персонала, 4 фармацевтических работника, 206 прочих сотрудников. Суммарная мощность амбулаторно-поликлинических подразделений составляет порядка 1,6 тыс. посещений в смену, что превышает нормативную потребность на 45%. При этом уровень обеспеченности лечебно-профилактических организаций, оказывающих медицинскую помощь в стационарных условиях, составляет всего 39% от нормативного значения и 73% от данного показателя по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре в целом [221].

В Когалыме в 2014 г. действовало 23 образовательных организации различных типов и видов, среди которых 7 общеобразовательных организаций на 5,1 тыс. мест; 14 дошкольных образовательных организаций на 4,1 тыс. мест; 2 организации дополнительного образования на 0,4 тыс. мест. Все они расположены в типовых зданиях, имеющих необходимые виды благоустройства. Во всех общеобразовательных организациях имеются библиотеки, мастерские, спортивные и актовые залы, медицинские кабинеты и пищеблоки. Созданы условия для реализации инклюзивного образования. Однако большинство общеобразовательных организаций перегружено – средний коэффициент загрузки составляет 132 %. Несмотря на то, что на сего-

дняшний день все образовательные организации в г. Когалым укомплектованы полностью, проблема нехватки специалистов уже встает, так как большая часть учителей – люди пожилого возраста, и смены им нет.

Численность детей, занимающихся в организациях дополнительного образования на начало 2014 г., составляла порядка 1,5 тыс. детей, или 80%. В творческих объединениях, кружках и секциях занимаются 5772 обучающихся. Клубные формирования и учреждения, направленные на реализацию молодежной политики, представлены следующими направлениями: гражданско-патриотическое, спортивно-техническое, информационное, вокальное, театральное, духовно-нравственное. Так, ежегодно МБУ «МКЦ «Феникс» и отдел молодежной политики организуют более 22 городских массовых мероприятий, которыми охватывается более 30% от общего количества молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет [216].

Сложнее обстоит дело с дошкольными учреждениями. При нормативе обеспеченности 85 мест на 100 детей дошкольного возраста (от 1,5 до 7 лет) уровень обеспеченности дошкольными образовательными организациями составил 95%. Поэтому проводится работа по использованию альтернативных форм организации дошкольного образования: группы кратковременного пребывания на базе имеющихся детских садов, развитие негосударственного образовательного сектора [221].

Систему подготовки специалистов среднего профессионального образования обеспечивают 3 образовательные организации (из них 2 филиала). Численность учащихся в профессиональных образовательных организациях на начало 2014 г. составляла порядка 0,4 тыс. человек. Профессиональную переподготовку и повышение квалификации работников в сфере нефтегазовой промышленности, получение образования в сфере торговли, транспорта осуществляют негосударственные образовательные организации, учебно-производственный комбинат, политехнический колледж. Возможность получения населением полноценного профессионального образования, не выезжая за пределы городского округа, значительно повышает социальную

привлекательность города. Однако имеющиеся направления подготовки в системе профессионального образования не в полной мере соответствуют перечню востребованных специальностей в городе Когалыме, а также есть ряд направлений, по которым обучение не осуществляется, что приводит к дисбалансу на рынке труда и занятости [221].

На территории г. Когалыма функционируют 3 учреждения культурно-досугового типа суммарной мощностью 1,37 тыс. мест, осуществляющие организацию и проведение культурно-массовых мероприятий. Тем не менее, уровень обеспеченности учреждениями данного вида в г. Когалыме – 75%.

Библиотечное обслуживание населения осуществляет 3 массовые библиотеки, библиотечный фонд составляет 133,8 тыс. экземпляров. Библиотечным обслуживанием охвачено 28,6% населения города Когалым. Уровень обеспеченности г. Когалыма детскими библиотеками составляет 50% от нормативного значения, массовыми – 33%.

Культурно-просветительская деятельность также ведется на базе Муниципального бюджетного учреждения «Музейно-выставочный центр». Музейный фонд составляет 8 995 единиц хранения.

В целом можно констатировать недостаточную обеспеченность учреждениями культуры, которые к тому же нуждаются в обновлении и реконструкции [221].

Численность граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, – 15,7 тыс. человек, что составляет 26% от общей численности населения городского округа. Оздоровление населения города Когалым, организация здорового досуга, проведение спортивно-массовых мероприятий осуществляются на базе спортивных сооружений. Материально-техническую базу представляют физкультурно-спортивные залы на 17,3 тыс. кв. м общей площади, плоскостные сооружения на 45,0 тыс. кв. м общей площади, плавательные бассейны на 0,5 тыс. кв. м зеркала воды.

На территории г. Когалыма функционирует шесть спортивных объектов: лыжная база «Снежинка», крытый ледовый дворец «Айсберг», спор-

тивный комплекс «Дворец спорта», «Сибирь», «Дружба» и спортивный центр «Юбилейный». Однако сравнение с российскими нормативами обеспеченности физкультурно-спортивными сооружениями позволяет говорить о низком уровне обеспеченности спортивными сооружениями в Когалыме (например, плавательные бассейны – 11% от норматива) [221].

Еще одним важным элементом социальной инфраструктуры города является потребительский рынок, призванный обеспечивать условия для полного и своевременного удовлетворения спроса населения на потребительские товары и услуги, а также качество и безопасность их предоставления, доступность товаров и услуг на всей территории муниципального образования. Среди них основное место принадлежит торговле и общественному питанию, жилищно-коммунальным услугам, бытовому обслуживанию населения.

На территории Когалыма расположено 107 стационарных предприятий розничной торговли торговой площадью 21,8 тыс. кв. м, 22 мелкорозничных торговых предприятия (0,3 тыс. кв. м), 13 аптек (0,5 тыс. кв. м) и торговый комплекс. Также в 2014 году были открыты два крупных торговых центра. В 2014 г. оборот розничной торговли составил 12681 млн рублей, или 106,7% от оборота 2013 г., а оборот общественного питания – 2773,5 млн рублей. Объем платных услуг в 2014 г. вырос, по сравнению с 2013 г., на 7,3% и составил 3394,2 млн рублей.

Несмотря на значительное количество объектов торговли, обеспеченность населения площадью торговых объектов в городе Когалым составляет лишь 454 кв. м на 1000 жителей. Полученное значение показателя на 29% меньше норматива минимальной обеспеченности площадью торговых объектов в городском округе. Также показатель не превышает нормативы, установленные по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре – 564 кв. м на 1000 жителей.

Сеть предприятий общественного питания представлена 112 объектами общей мощностью 5,3 тыс. посадочных мест, из указанного количества

только 43 предприятия являются общедоступными (общая мощность составляет 1,8 тыс. посадочных мест, или 34%). Остальные объекты общественного питания функционируют при общеобразовательных организациях, городских предприятиях и предприятиях, расположенных на территории месторождений: столовые, буфеты и закусочные [221].

Транспортная инфраструктура города представлена автомобильным, железнодорожным и воздушным транспортом. Улично-дорожная сеть (протяженность – 108 км, площадь покрытия – 1127 тыс. кв. м) в пределах городской застройки оснащена необходимыми элементами обустройства и техническими средствами обеспечения дорожного движения. Анализ состояния транспортной инфраструктуры показывает, что хотя транспортная система формирует высокий транспортный потенциал территории, тем не менее, отсутствуют дороги с капитальным покрытием в районах индивидуальной и малоэтажной застройки, происходит износ дорог и наблюдается недофинансирование дорожного строительства и ремонта [221].

Кроме анализа основных элементов социальной инфраструктуры города, необходимо также изучать и отношение к ее функционированию жителей, так как именно посредством оценки жителей можно выявить наиболее проблемные зоны, определить возможные направления развития города.

Анализ общественного мнения относительно удовлетворенности социальной инфраструктурой города дал возможность проранжировать ее составляющие в зависимости от выделенных горожанами проблем (1 ранг – наиболее важный элемент, имеющий множество нерешенных проблем; 9 ранг – элемент, который является наиболее благоприятным для жизнедеятельности горожан содержанием).

Так, согласно оценке респондентов, наиболее проблематичными в городе являются жилищные условия (см. табл. 2.2.6). На необходимость их улучшения указывают 73,8% опрошенных. Мнение жителей, принявших участие в опросе, подтверждают и статистические данные.

Ранжирование мнения горожан относительно удовлетворенности социальной инфраструктурой города (в % к числу опрошенных)

Элементы социальной инфраструктуры	Ранг
Жилищные условия	1
Бытовое обслуживание	3
Торговое обслуживание	8
Коммунальное обслуживание	4
Транспортное обслуживание	5
Коммунальное хозяйство	6
Медицинское обслуживание	7
Условия для отдыха и досуга	2
Работа образовательных учреждений	9

Так, на начало 2014 года в г. Когалыме насчитывалось порядка 6,6 тыс. граждан, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях в форме предоставления жилого помещения по договорам социального найма и 0,9 тыс. человек, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях в форме предоставления земельного участка для строительства индивидуальных жилых домов, из которых порядка 80% – граждане, имеющие трех и более детей [221].

Вторым элементом социальной инфраструктуры, которым недовольны около 70% респондентов, являются условия для проведения свободного времени.

Формы проведения свободного времени респондентами наглядно представлены на рис.2.2.5. Как видно из рисунка, основные формы проведения досуга пассивные, активный отдых привлекает всего 12,7% опрошенных.

В зависимости от уровня образования мнение респондентов относительно проведения досуга различается. Так, если повышение квалификации является прерогативой людей с неполным высшим либо с высшим образованием, то жители, принявшие участие в опросе, со средним специальным или со средним образованием предпочитают занятия с детьми или занимаются спортом.

Рис. 2.2.5. Свободное время респондентов

Чтение книг оказалось основным способом проведения времени у большинства пенсионеров и домохозяек. Однако нельзя не отметить тот факт, что практически каждый второй респондент имеет свою личную библиотеку.

Культурно-досуговым мероприятиям, таким как концерты, шоу, спектакли и т.д., отдает предпочтение практически половина респондентов. Однако наибольший интерес у них вызывают эстрадные концерты и разнообразные шоу. А вот классическая музыка, творческие и разнообразные межнациональные встречи вызывают интерес всего у одной четвертой части населения Когалыма, принявшего участие в данном социологическом исследовании.

Кроме того, для оценки социальной активности горожан важен и тот факт, что всего 4,3% из них привлекает какая-либо общественная деятельность.

Однако надо понимать, что социальная активность населения и их чувство ответственности за развитие города во многом зависят от проводимой в городе социальной политики, а также от целенаправленной деятельности по формированию этих качеств у жителей, поэтому принципиально важно формировать у членов территориального сообщества ценностные ориентации и

жизненные установки, способствующие развитию у них гражданской позиции. В связи с этим одним из аспектов исследования явилось выяснение влияния общественных, образовательных организаций на социальную активность и гражданскую позицию жителей Когалыма.

Несомненно будущее города связано с его молодыми жителями. И то, как будет сформировано их чувство ответственности за судьбу города, в первую очередь зависит от школы. С таким утверждением согласны только около половины (45,4%) респондентов, которые отмечают, что именно в школе формируются основные навыки патриотизма, гражданственности. Вторая половина опрошенных жителей города более скептически в этом вопросе, полагая, что в условиях постоянного реформирования школа превратилась в конвейер подготовки к экзаменам ЕГЭ, что не позволяет заниматься воспитательной работой, а ведь деятельность педагогического коллектива по формированию жизненной позиции молодежи, профессионального самоопределения – это ежедневная, кропотливая работа. В то же время 51,6% подчеркивают, что качество образования в Когалыме находится на высоком уровне.

Роль общественных организаций и объединений, имеющих в городе, в формировании социальной активности горожан признают только 36,7% респондентов, хотя практически все (97,6%) отмечают, что знают об их наличии в городе. Являются членами каких-либо ассоциаций и объединений лишь 11,6% опрошенных жителей Когалыма, религиозные учреждения посещают 63,2% респондентов, интересуются политикой только 1,4% горожан. Не принимая активного участия в жизни города, в то же время каждый третий респондент подчеркнул отсутствие необходимых условий для духовного развития населения, и практически все считают, что социальная и культурная жизнь жителей города – это прерогатива городских органов власти, именно от них зависит рост духовного развития горожан, появление у жителей города чувства ответственности за его судьбу.

Социальная активность и гражданская позиция горожан зависит и от того, как решаются проблемы, которые, во-первых, определяют качество

жизнедеятельности и социальное самочувствие горожан, а, во-вторых, могут гарантировать им спокойствие за будущее. Поэтому в опросе было выделено два типа проблем – проблемы, касающиеся будущего развития страны в целом и волнующие всех жителей России, и проблемы, связанные с развитием города, касающиеся уровня и качества их жизни в данном поселении.

Ранжирование проблем, имеющих важное значение для развития России и гарантии ее национальной безопасности (было предложено отметить не более 3 проблем, волнующих в большей степени), показало, что на первом месте стоит инфляция, связанная с падением рубля и ростом цен на товары и услуги. Этот результат совпадает с мнением россиян, принявших участие в исследовании ВЦИОМа в феврале 2015 г. [106].

Таблица 2.2.7.

Рейтинг социальных проблем в России

Значения	% ответивших	Рейтинг
Война на Украине	38,9	3
Санкционная политика в отношении России	28,2	4
Падение курса рубля, инфляция, рост цен	58,4	1
Угрозы, связанные с алкоголизмом и наркоманией	46,5	2
Наращение притока беженцев из Украины	21,5	6
Рост социального неравенства	23,9	5
Принятие законодательных актов в области образования, здравоохранения, пенсионного обеспечения	18,5	8
Будущее молодого поколения	15,2	9
Терроризм	12,2	10
Коррупция и бюрократизм	18,9	7
Проблемы экологии	4,6	11

Второе место, по мнению респондентов, занимает проблема алкоголизма и наркомании, что напрямую влияет как на будущее нашей страны, так и на возможность успешного развития родного города. Третье, четвертое и шестое место в рейтинге проблем респонденты отдали кризису на Украине и вытекающим из него проблемам с беженцами и санкциями в отношении России.

Волнуют горожан и проблемы, вызванные ростом социального неравенства, а также факты коррупции и бюрократизма в органах власти разного

уровня, влияющие и на эффективность проводимых реформ в сфере ЖКХ, образования, здравоохранения, пенсионного обеспечения.

В меньшей степени их волнуют проблемы терроризма, экологии. Вызывает интерес и тот факт, что не выделены среди наиболее значимых проблем вопросы будущего детей. Видимо, респонденты считают, что будущее детей в первую очередь связано с ними самими, а не с ситуацией в стране.

Проблемы, по мнению респондентов, являются теми сдерживающими факторами, которые заставляют людей скептически относиться к возможности их влияния на судьбу города, его дальнейшее развитие, представлены в таблице 2.2.8.

Таблица 2.2.8.

**Рейтинг наиболее важных социальных проблем города
(в % к числу ответивших)**

Социальные проблемы города	%	Рейтинг
Отсутствие дошкольных учреждений	21,6	6
Алкоголизм и наркомания в городской среде	29,1	4
Жилищные проблемы	33,6	2
Отсутствие условий для проведения досуга	18,0	9
Разница в материальном положении горожан	25,0	5
Рост тарифов на оплату ЖКХ	29,5	3
Межнациональные отношения	9,5	12
Коррупция и бюрократизм в органах городской власти	19,3	7
Рост цен на товары первой необходимости	38,7	1
Негативный уровень экологии	18,2	8
Отсутствие средств на переезд (при желании)	6,7	14
Рост преступности в городе	6,5	15
Снижение качества школьного образования	13,7	10
Проблемы городского здравоохранения	13,2	11
Рост количества мигрантов	7,3	13

Отмечая, что решение проблем во многом зависит от результативности деятельности органов городского управления, респонденты считают, что именно их преодоление определит в дальнейшем их социальное самочувствие, а, следовательно, и социальную активность.

Как отмечалось выше, второй тип связан с проблемами, касающимися моногорода (опрошенные горожане также могли выбрать не более трех вариантов ответов из 15 предложенных).

Результаты исследования показали, что самыми важными проблемами, по мнению опрошенных жителей Когалыма, являются рост цен на товары и услуги. Отмеченный респондентами рост цен на услуги в первую очередь подразумевает увеличившиеся тарифы ЖКХ, к которым необходимо добавить введенные в 2015 г. отчисления на капитальный ремонт. Кроме того, каждый третий житель города, принявший участие в опросе, указывает на необходимость решения жилищной проблемы, которая состоит как в отсутствии жилья, в первую очередь, у молодых семей (в 2014 году их количество составило 240), так и в улучшении жилищных условий. Обеспеченность населения жилищным фондом на начало 2014 г. составляла порядка 17,45 кв. м на человека, что на 11% ниже среднего показателя по ХМАО (19,6 кв. м на человека). По сравнению с другими муниципальными образованиями автономного округа по уровню жилищной обеспеченности г. Когалым находится на 15 месте из 22-х муниципальных образований [221].

На четвертое место респонденты поставили проблему алкоголизма и наркомании. Тем не менее, это, скорее, социальная проблема, связанная с духовным развитием городского сообщества, чем криминогенная, так как на рост преступности как на городскую проблему указывают всего 6,5% опрошенных (15 место в рейтинге).

Также жителей города волнует недостаточное количество детских садов, высокий уровень бюрократизма в городской администрации, и, конечно, социальное неравенство жителей города.

Безусловно, отмечая недостатки в работе городских органов власти, жители тем самым выражают свою гражданскую позицию, поэтому, устраняя данные проблемы, органы муниципального управления могут сформировать действенный стимул для роста социальной активности горожан.

Устранить социальное неравенство, конечно, невозможно, но оказание малоимущим разнообразных видов социальной поддержки должно стать одной из важных задач социальной политики органов власти всех уровней, ад-

министрации градообразующих предприятий, а также общественных организаций и объединений.

Проблемы, мало связанные с материальным положением респондентов и социально-экономическим развитием города занимают 8 и 9 места в рейтинге. Так, жителей города волнует экологическая ситуация в городе, загрязнение окружающей среды, так как от этого напрямую зависит комфортность городской среды. Социальное самочувствие горожан также определяется и созданием условий для отдыха и проведения досуга, на отсутствие которых указывает 18% опрошенных.

Достаточно результативно решаются проблемы, по мнению респондентов, обусловленные миграционными процессами и связанные с взаимодействием в городе людей разных национальностей. В силу этого их рейтинг показывает, что горожане не относят данные проблемы к числу важных.

Уровень социального самочувствия горожан может измеряться и правильностью выбора своего места в жизни. Так, 23,4% и 46,7% респондентов считают, что они правильно или достаточно правильно сделали выбор в отношении места жительства, работы, образования. Это дает право утверждать, что более 70% жителей Когалыма осознанно связывают свою судьбу с судьбой города и их, безусловно, волнует и заботит его развитие (см. рис. 2.2.6.).

Город, по мнению респондентов, за последние 5 лет изменился, и эти изменения считают позитивными 89,6% опрошенных. Практически все жители города, принявшие участие в опросе, убеждены, что ведущая роль в этом принадлежит муниципальным органам управления и градообразующему предприятию. Поэтому потребность выявления отношения горожан к этим двум структурам является вполне закономерной, так как специфика Когалыма как моногорода предполагает тесную связь реализации социальной политики города и участия в ней градообразующей организации. Более того, общепризнано, что большая роль в социальном управлении городской общностью принадлежит именно общественному мнению.

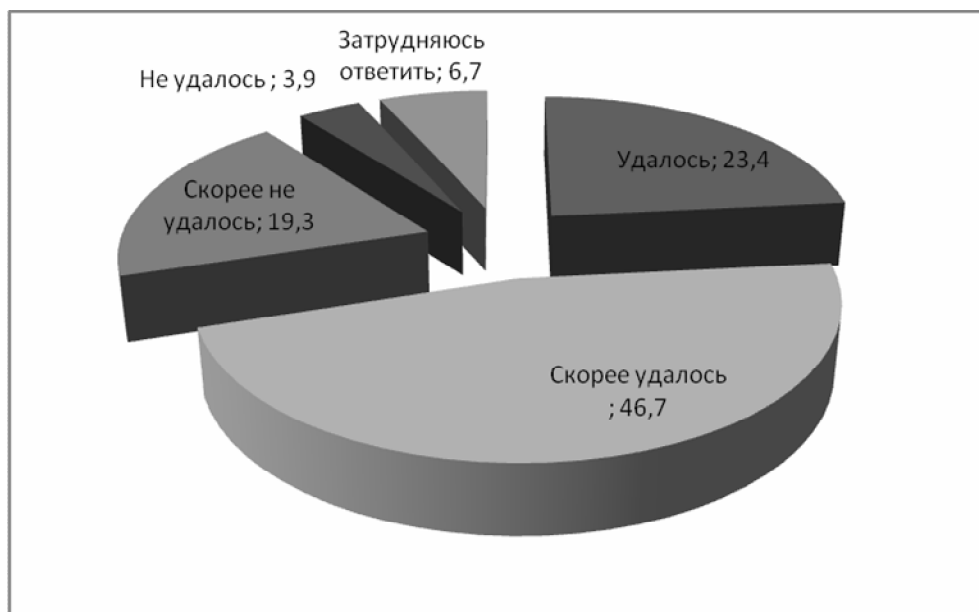

Рис.2.2.6. Оценка респондентами выбора места в жизни

Позитивно оценивает деятельность органов городского управления 83,1% горожан, принявших участие в опросе. Еще 62,1% отметили высокий уровень своей информированности о работе органов городского управления. Мнение опрошенных жителей города в зависимости от сферы их деятельности и уровня заработной платы распределилось следующим образом: в большей степени о работе городских органов управления осведомлены респонденты с невысоким уровнем доходов и не занятые на градообразующем предприятии. Такая ситуация с распределением мнений вполне закономерна, именно у данной социальной группы горожан существует прямая зависимость их полноценной жизнедеятельности от государственных органов власти и местного самоуправления. Население же города, работающее на градообразующем предприятии, считает необходимым больше внимания уделять деятельности своей организации, осознавая, что от эффективности ее функционирования в первую очередь зависит их стабильность, а значит и социальное самочувствие.

Мнение жителей города относительно поддержки органов управления членов территориального сообщества в решении возникших у них проблем является одним из наиболее важных оценок уровня социального самочув-

вия населения. С одной стороны, это предполагает наличие знаний об их деятельности, с другой, свидетельствует об уровне доверия горожан к данной структуре.

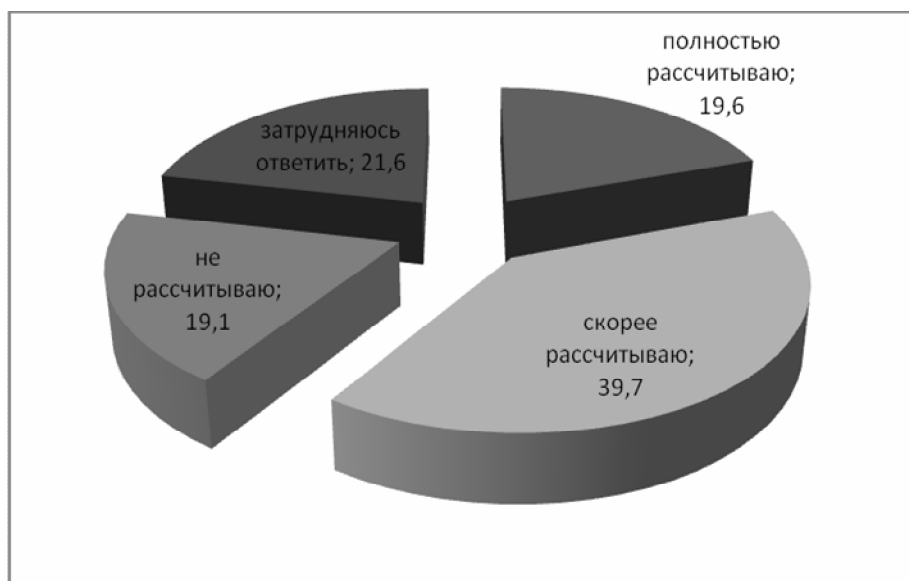

Рис.2.2.7 Мнение опрошенных относительно поддержки горожан со стороны муниципальных органов управления (в % к числу опрошенных)

В то же время результаты исследования показали, что уровень социальной активности горожан во многом зависит и от их материального положения. Так, социальная активность горожан, имеющих низкий уровень заработной платы, в основном это работники социальной сферы, в несколько раз выше, чем у респондентов градообразующего предприятия, имеющих более высокий уровень дохода. Именно первая группа в большей степени рассчитывает на помощь городских властей. О том, что проблемы, с которыми обращалось около 30% респондентов в муниципальные органы управления, были решены, заявили 26,4% опрошенных жителей Когалыма.

Несмотря на высокую степень позитивной оценки деятельности органов управления, местное самоуправление должно вести постоянную работу по повышению социального самочувствия проживающих здесь горожан. Это подчеркивают в своих ответах 73,4% респондентов, отмечая, что многие проблемы, требующие первоочередного решения, могут решаться только не

только на государственном, региональном уровне, но и на уровне местного самоуправления (см. табл. 2.2.9).

Таблица 2.2.9

**Ответственность за материальный доход жителей города
(в % к числу опрошенных)**

Проблемы/ Уровни власти	Федераль- ный уровень	Окружной уровень	Городской уровень	Затруд- няюсь ответить
Выплата материнского капита- ла	52,8	26,3	11,6	8,3
Получение бесплатных ле- карств	24,5	40,3	25,8	9,4
Социальная защита малообес- печенных слоев населения	17,4	50,1	26,3	6,2
Рост заработной платы работ- ников бюджетной сферы	25,4	57,7	11,4	5,5

Результаты опроса показали, что в основном социальная поддержка населения должна осуществляться на государственном и региональном уровне. Так считает большинство опрошенных. При этом социальная защита малоимущих жителей города входит в зону ответственности города, по мнению каждого третьего респондента. Возможно, такая позиция связана с дополнительными услугами, с деятельностью некоммерческих организаций, с созданием муниципалитетами «без барьерной среды» для людей с ограниченными возможностями. Ответственность за обеспечение работников социальной сферы достойной зарплатой и пенсионеров пенсией лежит в сфере деятельности властных структур Ханты-Мансийского автономного округа (57,7% респондентов) и на федеральном уровне власти (25,4%).

Таким образом, несмотря на то, что поддержание достойного уровня материального положения не входит в зону ответственности городской администрации, жители города предпочитают, чтобы их проблемы решались также и на уровне города, в котором они проживают, в том числе и через законодательную инициативу.

Респондентам было предложено оценить по 5-балльной шкале эффективность деятельности городских органов власти в решении наиболее важных проблем местного сообщества.

Таблица 2.2.10

Уровень эффективности решения вопросов, связанных с жизнедеятельностью горожан

Проблемы	Высокий	Средний	Низкий
Социальная защита нуждающихся групп населения			2,94
Получение жилья или улучшение жилищных условий			2,48
Наличие вакантных рабочих мест		3,17	
Качество школьного образования	4,19		
Медицинское обслуживание		3,78	
Обеспеченность чистой водопроводной водой		3,39	
Обеспечение теплом и горячей водой	4,17		
Создание условий для досуга горожан		3,18	
Торговое и бытовое обслуживание в городе		3,86	
Деятельность правоохранительных органов	4,41		
Создание условий для занятий спортом	4,45		
Освещение улиц	4,64		
Организация работа общественного транспорта		3,72	
Организация работы по уборке улиц и дворовых территорий	4,36		
Организация работы по вывозу мусора	4,55		

Только две проблемы, на взгляд респондентов, не решаются должным образом городской администрацией – это жилищная проблема и проблема, связанная с социальной защитой наиболее незащищенных слоев населения – пенсионеров, многодетных семей, инвалидов и др. Не в полной мере также решаются вопросы создания новых рабочих мест, что вызывает у жителей города тревогу о росте безработицы в городе при условии потенциального сокращения работников, особенно на градообразующем предприятии. При этом респонденты не задумываются о том, что многие из названных проблем и не могут быть в полной мере решены на уровне местного самоуправления. Отмечают горожане и недостаточную активность администрации города относительно создания условий для проведения досуга, низкий уровень культурно-развлекательных объектов. А вот, связанная с жилищно-коммунальным обслуживанием населения, с обустройством городского быта

оценена респондентами достаточно высоко. В среднем жители Когалыма оценили эффективность деятельности городских органов власти на 3,82 балла из 5 возможных, что свидетельствует о высоком уровне доверия к ним.

Важным условием эффективности деятельности органов местного самоуправления является их взаимодействие с городским сообществом, так как именно взаимодействие, в том числе и при решении выявленных проблем, предопределяет социальную активность или пассивность горожан, их готовность участвовать в дальнейшем развитии моногорода, что, в свою очередь, приводит к росту социального самочувствия членов территориального сообщества.

Однако результаты социологического исследования показывают, что, несмотря на достаточно высокую удовлетворенность своей жизнью в рамках данного поселения, большинство респондентов не проявляет социальной активности, просто наблюдает за жизнью города, предполагая, что хорошие условия жизнедеятельности им должны создать органы власти, а от них ничего не зависит.

Такая позиция респондентов имеет как объективные, так и субъективные причины. Объективный характер социальной пассивности населения определяется в первую очередь слабым развитием обратной связи между органами городской власти и жителями города. Анализ источников информированности населения о деятельности городской администрации показал, что только одна треть из них составляет свое мнение о работе администрации из встреч и выступлений руководителей городских органов власти, еще около половины опрошенных – из средств массовой информации, причем большая доля из них в качестве основного источника информации называет Интернет, остальные черпают информацию либо из разговоров с коллегами по работе, друзьями и т.п., либо из личных бесед с работниками городской администрации, если возникает потребность обращения в эту структуру власти.

Таким образом, недостаточность информации, а вследствие этого и слабое представление о деятельности городских органов власти объективно

приводит к отсутствию потребности участвовать в жизни города, так как искаженное представление о нежелании органов управления вовлекать в свою деятельность по достижению комфортности проживания население и приводит к потере инициативы и активности горожан.

Кроме того, опрос также выявил и факторы нежелания горожан вникать в решение городских проблем. По их мнению, это связано, с одной стороны, с отсутствием учета мнения населения при решении городских проблем (33,3%), с другой, с уверенностью респондентов о невозможности влияния на принимаемые управленческие решения (42,7%). Кроме того, в качестве причин своей пассивности жители также называли недостоверность информации, поступающей из городских органов власти, отсутствие мотивации для общественной деятельности.

Участие жителей города в принятии управленческих решений, в том числе влияющих на повышение уровня социального самочувствия его населения, должно, по мнению респондентов, строиться на следующих принципах. Во-первых, через объединение людей по территориальному принципу (17,8% опрошенных горожан); во-вторых, через различные объединения по профессиональному принципу (5,8%); в-третьих, через разнообразные общественные организации (32,1%); в-четвертых, через городские мероприятия, объединяющие жителей города (24,6%), и, в-пятых, посредством непосредственных встреч руководства города с населением (6,3% опрошенных).

Именно через диалог представителей властных структур и городского сообщества можно говорить о формировании социальной активности горожан. В том, что такой диалог возможен, свидетельствуют результаты опроса населения о дальнейших планах относительно проживания в Когалыме. Так, остаются жить в городе 29,6% опрошенных, еще 44,7% не планируют уезжать, если город будет успешно развиваться. Как мы видим, население города в своем большинстве связывает свою судьбу с Когалымом, несмотря на все имеющиеся проблемы и трудности.

В то же время проведенное социологическое исследование выявило, что свое благополучие, повышение социального самочувствия жители города во многом связывают со взаимодействием городского управления с градообразующим предприятием. Респонденты подчеркивают, что прямая зависимость городского бюджета от деятельности и политики градообразующего предприятия во многом предопределяет социально-экономическое развитие города. Отмечая существенное значение градообразующего предприятия в развитии города (87,4% опрошенных), респонденты назвали основные направления его вклада в обеспечение хороших условий жизнедеятельности населения: передача нового жилья в муниципалитет для социально незащищенных слоев населения (46,9% опрошенных), участие в развитии социальной инфраструктуры города и его благоустройстве (78,3% респондентов), реализация программ помощи социально незащищенным группам населения (21,6%), финансирование образования и здравоохранения (11,7%) и т.д.

Таким образом, горожане, принявшие участие в опросе, считают взаимоотношения, сложившиеся между градообразующим предприятием и городскими органами управления, позитивными, способствующими успешному развитию города, только 2,3% респондентов считают это взаимодействие малоэффективным.

Проведенный анализ результатов социологического исследования позволил определить, что социальное самочувствие членов территориальной социальной общности зависит не только от местного самоуправления, но и от деятельности органов государственной власти на федеральном и региональном уровнях. В то же время именно органы местного самоуправления во взаимосвязи с администрацией градообразующего предприятия формирует общественное мнение населения города, которое в случае позитивного результата может стать основой повышения социальной активности горожан. Именно хорошее социальное самочувствие горожан и, как следствие, их социальная активность являются важными факторами успешного развития города.

2.3 Социальное управление моногородом: модель и механизмы реализации

Возрастание роли социального управления в современном мире связано с повышением значимости индивидуальных и групповых потребностей и интересов, социальной толерантности на основе взаимодействия индивидов и групп территориального сообщества, рациональных и эмоциональных компонентов оценки личной и общественной жизни. Именно в процессе социального управления моногородом формируются общие черты, характеризующие его жителей в целом как носителей определенного ценностного сознания, без которого невозможно его развитие.

Рассматривая городское сообщество как сложное социальное образование, следует признать, что силы, действующие внутри него, не только тесно взаимосвязаны и взаимозависимы, но и весьма противоречивы, а потому не всегда есть возможность предвидеть последствия для каждого индивида или социальной группы отдельно взятого управленческого решения или действия. В связи с этим, признавая целью управления моногородом повышение качества жизни горожан через поступательное развитие образующих его компонентов на основе взаимодействия органов местного самоуправления и представителей территориального сообщества как основных субъектов управления, акцент делается на развитии системы прямой и обратной связи. Именно обратная связь, возникающая в результате взаимодействия субъектов управления, позволяет определить базовые направления и механизмы развития города, а также предвидеть возможные негативные последствия принимаемых управленческих решений. В определенной мере преодолеть негативные последствия можно, используя модель социального управления моногородом, предлагаемую в качестве оптимальной в данном диссертационном исследовании.

Разработанная модель социального управления базируется, во-первых, на результатах проведенного социологического исследования, в процессе ко-

того была выявлена зависимость социального самочувствия населения от политических, экономических и социальных факторов, комплексно действующих в социокультурной среде города и определяющих в конечном итоге отношение горожан к социальным преобразованиям и перспективам развития моногорода. Это закономерно, поскольку общественный и личностный уровни социального самочувствия горожан неразрывно связаны и формируют предпосылки массового социального поведения. Контекст такого поведения может иметь краткосрочное или долгосрочное влияние и определяет социальную активность жителей северных городов, а значит, и результативность социального управления моногородом.

Интервьюирование экспертов также показало, что существенное влияние, по их мнению, на развитие моногорода оказывает желание и стремление значительного числа членов социальной территориальной общности участвовать в совершенствовании всех сфер его функционирования. В то же время результаты опроса жителей г.Когалым отразили заметную социальную пассивность горожан (только 4,3% населения принимают участие в общественной деятельности), прагматизацию жизненных притязаний. При этом и эксперты, и респонденты осознают важную роль местного самоуправления, определяющего и формирующего не только материальные, но и духовные потребности горожан, систему стимулов (отрицательных и положительных), обуславливающих рост социальной активности городского сообщества, направленной в том числе и на развитие моногорода.

Во-вторых, при разработке модели социального управления моногородом были учтены результаты анализа программных документов окружного и муниципального значения (Распоряжение Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 22.03.2013 № 101-рп «О стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2020 года и на период до 2030 года; Прогноз социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на период до 2030 года от 26.07.2013 № 383-рп; Прогноз социально-

экономического развития города Когалыма на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов от 07.11.2013 № 3166; Стратегия социально-экономического развития городского округа города Когалыма до 2020 года и на период до 2030 года от 23.12.2014 № 494-ГД и др.), показавшего предпочтительную ориентацию органов власти всех уровней на стратегию социально-экономического развития моногородов на основе прямого, вертикально обозначенного управленческого воздействия. Распорядительный контекст программ развития моногородов способствует росту «потребительского» отношения к государству, формирует социальный инфантилизм, сдерживает социальную активность членов территориального сообщества, что детерминирует актуальность становления социального управления, в том числе через разработку его модели.

В-третьих, разработанная модель отражает основные теоретико-методологические подходы к социальному управлению, основанному на взаимодействии органов местного самоуправления и членов территориального сообщества, обеспечивающему поддержание в оптимальном состоянии или способствующему развитию социальных отношений индивидов, групп, городского сообщества в целом в соответствии с поставленными целями и задачами. Именно при таком подходе субъектом социального управления выступают все группы и слои городского сообщества, которые через деятельность различных социальных (формальных и неформальных) институтов выражают свои представления о целях развития моногорода.

Все выше сказанное делает разработку модели социального управления и определение механизмов ее реализации актуальной для сохранения и эффективного развития моногородов, условием и конечным итогом которого является улучшение условий жизнедеятельности, повышение социального самочувствия горожан и их активности.

В данной модели в качестве управляемой системы рассматривается городское сообщество. В этом контексте сохраняется общепризнанный взгляд на управление как сознательное воздействие органов власти на деятельность

общества, его отдельных групп, в котором реализуются общезначимые цели, отражающие общественные потребности и интересы [12; 55; 86, с. 49].

Вместе с тем учитывается и мнение Г.В. Атаманчука, Н. И. Глазуновой, В.Н. Граждана, Н.А. Костко, которые подчеркивают, что и система органов управления, будучи субъектом управления, и управляемые объекты не существуют сами по себе, лишь во взаимодействии они создают факторы развития и позволяют людям решать свои проблемы. Как уже отмечалось в диссертации, управляемая система оказывает влияние на органы и институты управления через выдвижение своих потребностей, интересов и целей, являющихся определяющим условием и важнейшим фактором содержания управления, а также способов его реализации. А потому объект и субъект управления могут меняться местами, стимулировать взаимодействие, формируя субъект-субъектные отношения. Именно социальное управление предполагает прежде всего взаимодействие органов местного самоуправления и представителей социального территориального сообщества как совокупности действующих субъектов. В то же время городское сообщество как субъект взаимодействия может реагировать положительно на предлагаемые органами управления направления развития моногорода, но может также отнестись нейтрально и даже негативно. В силу этого следует признать возрастающее значение органов муниципального управления, организующего деятельность людей и социальных групп в соответствии с поставленными целями, а также результатами обратной связи. Повышение результативности социального управления моногородом определяется не только уровнем и качеством взаимодействия субъектов управления, но и такими инструментами как осуществление функций прогнозирования, стратегического анализа, оценки потребностей горожан, планирования результатов и мониторинга деятельности по достижению этих результатов; оценки результатов и координации деятельности.

В результате предпринятого моделирования была составлена концептуально-логическая модель социального управления моногородом, графическая иллюстрация которой приведена на рисунке 3.2.1. В разработанной кон-

цепции отражены основные субъекты, влияющие на становление и деятельность системы социального управления – органы власти и члены местного сообщества, выдвигающие своих институализированных представителей в процесс принятия управленческих решений, направленных на развитие моногорода. Кроме того, модель социального управления включает базовые факторы, влияющие на ее функционирование: формальные и неформальные институты; политическое, экономическое, социокультурное, природно-экологическое пространство социального взаимодействия управляющей и управляемой систем.

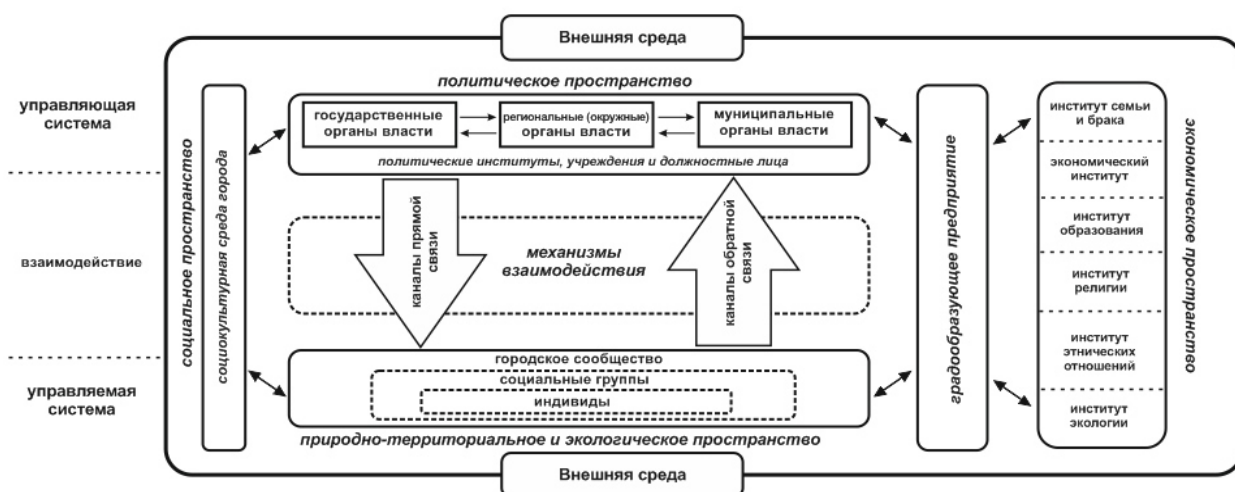

Рис.2.3.1 Модель социального управления моногородом

В предлагаемой модели управляющая система включает органы власти федерального, регионального (окружного) и местного уровня, институты, учреждения, а также должностные лица, наделенные властными полномочиями. В качестве управляемой системы выступает городское сообщество как устойчивая совокупность людей, отношений, статусов и ролей.

Особенностью функционирования и развития моногорода является существенная роль градообразующего предприятия, которая столь велика, что в модели социального управления оно представлено в качестве самостоятельного элемента. Полагаю, что можно говорить об институциональной ро-

ли градообразующего предприятия. Это означает, что предприятие рассматривается не только как один из субъектов управления, но и как важнейший фактор, определяющий концентрацию и воспроизводство основных ресурсов, формирование потребностей, тенденций и возможностей поступательного развития города.

В то же время, учитывая тот факт, что одной из основных проблем в моногородах нередко является противоречие интересов городского социума и градообразующего предприятия, то для улучшения социального самочувствия горожан необходима способность муниципальной власти и администрации градообразующего предприятия находить и принимать социально ответственные решения.

Взаимодействие субъектов управления обеспечивается каналами прямой и обратной связи на основе управляющих и информационных технологий. Важно отметить, что в Постановлении Правительства РФ от 15.05.2010 г. № 336 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» впервые была закреплена обязательность оценки регулирующего воздействия органов власти. Это способствовало развитию технологий прямой и обратной связи между управляющей и управляемой системами, с одной стороны, а с другой – оценивание результатов связи предопределило отбор информации, необходимой для принятия решений. Именно социальный характер управления позволяет оценивать не только внешние проявления воздействия, но и ее внутреннюю природу, что повышает, по мнению западных и отечественных аналитиков, эффективность управления, в том числе моногородом [42, с. 94; 174, с. 6-24].

Проведенное диссертационное исследование позволяет утверждать, что отработанная обратная связь с представителями городского сообщества позволит: во-первых, определить проблемы, причины и факторы их возникновения, масштабы и суть; во-вторых, выделить ключевые группы, подверженные воздействию проблем; в-третьих, понять необходимость и степень вмешательства органов власти в их решение; в-четвертых, предложить варианты

решения проблем и дать их оценку с точки зрения не только издержек и выгоды для государства, но и для территориального сообщества; в-пятых, провести мониторинг последствий принятого варианта решения проблем и осуществить его корректировку. При этом публикация итогов анализа и возможное их обсуждение или публичные консультации с субъектами предпринимательской деятельности, представителями градообразующего предприятия, заинтересованными членами территориального сообщества выступают механизмом транспарентности управления.

Но взаимодействие, как и реализация транспарентности управления, всегда происходит в определенной среде. В контексте темы диссертационного исследования социальная среда рассматривается как совокупность материальных, экономических, социальных, политических и культурных условий жизнедеятельности индивидов и социальных групп в моногороде. В модели представлены такие элементы среды как природно-территориальное и экологическое, политическое, экономическое и социальное пространства.

Особенности возникновения и развития моногородов и их социальных территориальных сообществ на Тюменском Севере, изложенные выше, обусловили целесообразность включения в модель социального управления указанных пространств для понимания политических, социально-экономических, социально-культурных и этнических процессов, а также определения возможных путей их будущего развития, влияющих на успешность функционирования моногородов циркумполярной зоны. Осознание субъектами взаимодействия специфики ментальной пространственной составляющей не только будет способствовать адаптации к условиям окружающей среды и поддержанию энергетического баланса с ней (по Т. Парсонсу) [179], но и позволит индивидам и социальным группам осуществлять ориентацию в ситуации, формировать (а не жить в соответствии с рекламой) потребности и определять цели, обеспечивающие их удовлетворение, и, более того, обеспечит согласование «взаимных ожиданий» и интеграцию действий индивидов в процессе достижения общих целей. В свою очередь, опора

на ценностные образцы и критерии, проверенные временем и условиями Крайнего Севера, обеспечивающие устойчивость коммуникаций и поддержание отношений в системе открытого взаимодействия, обусловит целенаправленность социальной активности горожан. И тогда социальная среда города приобретет общий для всех членов территориального сообщества социальный мир – общее социальное пространство, где осуществляется взаимодействие индивидов и социальных групп, и которое становится частью окружающей человека внешней среды.

Не менее существенно для функционирования моногородов Тюменского Севера значение природно-территориального и экологического пространства. Природно-территориальное пространство Тюменского Севера настолько богато природными ресурсами, что обусловило сооружение крупных энергетических и промышленных предприятий, на которых замыкались создаваемые моногорода и поселки. Проведенный в диссертации анализ становления и развития северных моногородов показал, что их возведение с нулевого цикла в малообжитых районах, в суровых климатических условиях, требовало значительных финансовых и человеческих ресурсов. Это предопределило, с одной стороны, значительный приток мигрантов, с другой, привело к необходимости постоянной экономии денежных средств, строительных материалов, что сказывалось и на качестве жилья, и на объектах жилищно-коммунального хозяйства, и в целом на социальной сфере.

В свете выше сказанного для городского сообщества северных моногородов пространство имеет значение и с физической точки зрения, и с позиции его постепенного длительного освоения, т.е. восприятия пространства через временную призму достижений, потерь, инноваций. Поэтому обосновано мнение А.Г. Поляковой о том, что регионы нового освоения представляют собой особый тип, отличительной чертой которого выступает внедрение современных форм и методов хозяйственной деятельности, в результате чего формируется целостное пространственное образование, основанное на взаимодействии природно-географических, экономических, социальных, эт-

нических, демографических и иных факторов [186]. Особенности пространственно-временного восприятия территории и природно-климатических условий позволяют понимать не только процесс организации производства, специфику развития городского пространства, но и осознать неизбежность взаимодействия всех субъектов управления с целью сохранения моногородов.

Признавая ключевой характеристикой северных моногородов активное расширение экономического пространства, нельзя не отметить, что это приводит к значительным противоречиям с традиционной системой природопользования коренных малочисленных народов Севера и катастрофическим экологическим проблемам. И на начальных этапах освоения Крайнего Севера, и сегодня нефтегазодобывающая промышленность как более сильная экономическая структура разрушает ресурсную и социокультурную основу традиционного природопользования северных народов и вытесняет их с исконных территорий. С позиции властных структур представляется, что сегодня оленеводам рациональнее воспользоваться компенсационными выплатами, оставить хлопотное традиционное природопользование и осесть в благоустроенном поселке или городе на юге тундры, однако все эти рациональные доводы расходятся с ценностными ориентациями коренных малочисленных народов Севера.

Следует признать и на уровне органов власти, и на уровне городского сообщества, что одну из основ культурного наследия моногородов Тюменского Севера составляет живая культура коренных народов. Такие ее качества, как минимализм, стремление к общению и взаимопомощи, были усилены советскими традициями, что позволило и коренным северянам, и вновь прибывающим из разных регионов и республик Советского Союза пережить трудности обживания территории, выработать особый северный характер.

Особенностью экономического и экологического пространства северных моногородов является то, что процесс их стремительного строительства и роста не позволял хрупкой северной экосистеме адаптироваться, что при-

водило/приводит к ее гибели под воздействием антропогенных факторов. В этих условиях особое значение приобретает современный период постиндустриального освоения северных территорий и развития моногородов, когда в основу их развития будет поставлен человек. Закономерно М. Хайдеггер, К. Ясперс, Г. Маркузе, Э. Фромм и др. акцентировали внимание на личности как основе и первоисточнике развития, которая формируется там, где проживает, отвергая доминирование технократического пути [140; 246; 252, с. 240-241; 265]. В концепциях Д. Белла и Э. Тоффлера подчеркивается, что именно включение личностных и социокультурных аспектов в развитие экономического пространства позволит обеспечить устойчивое развитие регионов, а значит и городов [20; 231].

В то же время новая парадигма развития моногородов не может быть сформирована и реализована вне политического пространства их функционирования. Именно политические институты определяют не только направления, но и выбор способов развития моногородов; разрабатывают принципы легитимного разделения функций и мобилизации групп для их реализации в рамках территориального сообщества. При этом органы местного самоуправления на территориальном уровне стимулируют правовую и правоохранительную деятельность, обеспечивая легитимность правил и норм во всех сферах жизнедеятельности горожан, а также легитимные способы защиты как самих членов сообщества, так и окружающей среды. Особое значение в реализации социального управления моногородом приобретает не просто природоохранная деятельность, а разработка концепций и способов взаимодействия сообщества с окружающей его природной и культурной средой.

Кроме того, в рамках политического пространства определяются концепции и формы экономической деятельности, направленной на организацию процессов производства материальных благ и услуг, на реализацию форм взаимодействия представителей бизнеса, органов власти и городского сообщества. Все это позволяет формировать материальные и нематериальные потребности человека, его предпочтения в сфере потребления, в том числе на

основе образцов потребления, через создание объектов культуры и искусства, предоставление услуг в сфере физической культуры и спорта.

Следует подчеркнуть, что реализация выше перечисленных видов деятельности невозможна без формирования информационного пространства взаимодействия политических институтов и членов сообщества, определения структуры и содержания информационных продуктов. При этом и сама деятельность в обозначенных направлениях, и функционирование экономического, природно-экологического, политического и информационного пространства должны опираться на результаты научной деятельности. Именно в рамках последней происходит формирование новых представлений об окружающем человека мире – природной и социальной среде, возникновение предложений по изменению форм деятельности во всех сферах, мониторинг и оценка взаимодействия органов местного самоуправления и членов сообщества.

В то же время все эти виды деятельности не только реализуются в определенном пространстве, но и сами формируют социальное пространство, по сути, выступая как структура социальной среды. В данном контексте социальное пространство, влияя на особенности взаимодействия органов местного самоуправления и членов территориального сообщества, обеспечивает согласование взаимных ожиданий и интеграцию действий множества индивидов и социальных групп в процессе достижения целей, а совместное достижение целей регулируется социальным управлением.

Итак, природно-экологическое, экономическое, политическое, социальное пространства представляют собой общий для членов территориального сообщества социальный мир формируют социокультурную городскую среду, где осуществляются взаимодействия индивидов и социальных групп.

В диссертации социокультурная городская среда рассматривается как устойчивая, но способная к изменениям, совокупность культурных ценностей, норм, законов, правил, традиций, научных данных и технологий, которыми располагают индивид, социальная группа и социальное сообщество в

целом и используют их в данном пространстве для реализации взаимодействий со всеми компонентами своей жизненной среды (природно-экологическим, политическим, экономическим, социальным пространством). В узком смысле под социокультурной средой города понимается ее коммуникативно-информационный компонент – взаимосвязи и взаимодействия членов и элементов городской среды в едином информационно-коммуникативном пространстве.

Можно выделить ряд факторов, определяющих специфику образа жизни и особенности взаимодействия в современном северном моногороде. К ним относятся: высокий уровень экономического и социокультурного воздействия природно-климатических условий; наличие социальной дифференциации; социокультурная гетерогенность; вариативность индивидуального сознания и моделей поведения; высокая интенсивность межличностных и межгрупповых коммуникаций.

Под высоким уровнем экономического и социокультурного воздействия природных факторов понимаются не только возможности использования естественных ресурсов территории, но и экологические условия сохранения всех систем жизнеобеспечения человека. Более того, суровые климатические условия, длительная бытовая неустроенность, тяжелые условия труда, компактное проживание значительных групп разных национальностей способствовали формированию особого менталитета северян. Его характеристики включают: выносливость, оптимизм, толерантность, сплоченность, способность к преодолению. Однако, малоразнообразный стиль жизни (работа – дом) при преобладании людей трудоспособного возраста, отдаленность территории, отложенность жизни на «потом» (длительный отпуск, пенсия на «большой земле») требуют высокой адаптивности и жизнестойкости населения. Именно специфические условия жизнедеятельности сформировали, по мнению В.М. Курикова, два социальных характера, два типа северян. Первый – социально активный, созидательный, обладающий высокой пассионарностью. Для него характерно стремление к обустройству среды, самосовершен-

ствование, стремление к росту, к новому. Другой тип, ориентированный на карьеру, материальное благополучие, чувствующий себя «покорителем» природы, в то же время не включающий в систему своих ценностей природную и социальную среду [122]. И тот, и другой тип ориентированы на развитие моногорода, где он проживает, но цели, направления и формы их социальной активности будут различными.

Второй фактор – уровень дифференциации – отражает социальное расслоение горожан. Сегодня в моногородах Тюменского Севера выделяется значительное число людей, достигших успеха и демонстрирующих элитный образ жизни, а также свои более широкие возможности, при этом сформировалось и в условиях кризиса увеличивается количество маргинальных элементов. Например, в Когалыме постепенно образуются специфические микрорайоны, отражающие социальную дифференциацию общества. К числу маргиналов нередко относятся и представители коренных малочисленных народов Севера, которые значительно дистанцированы от этнической элиты. В то же время, как показало исследование, проведенное диссертантом, спецификой моногородов Тюменского Севера является относительно высокий уровень жизни всего населения, сглаженность противоречий за счет высокого уровня социальной поддержки горожан и, прежде всего, детей и молодежи.

Несмотря на то, что в северных моногородах основная масса населения состоит из приехавших практически одновременно (в период их становления), а также трудится на предприятиях ТЭК, и люди достаточно хорошо знают друг друга, сегодня отмечается усиливающаяся социокультурная гетерогенность городского сообщества. Она представлена социально-демографическими, профессиональными, этническими группами, которые формируют свою стратегию развития и адаптации. Социокультурная среда моногорода включает в себя разнообразные типы и формы культуры, стили жизни, ценностные ориентации, но в то же время является целостной системой жизненных связей между горожанами, каждый из которых является но-

сителем специфических качеств, отличающих «северянина». Высокая интенсивность межличностных и межгрупповых коммуникаций, преобладание относительно молодого состава населения делают фактор анонимности менее значимым. И хотя население моногорода неоднородно, его социокультурное пространство воплощает традиции и исторически сложившиеся системы ценностей, формирует общие черты, отличающие его жителей как носителей определенного ценностного сознания. Именно природные и культурные ценности, в том числе и окружающий ландшафт, и материальные предметы (музеи, исторические места и т.д.) являются основной компонентой социокультурной среды моногорода, формирующей единое отношение людей к своему жизненному пространству. В силу сказанного при решении важнейших социально-экономических, политических и социокультурных вопросов, касающихся будущего моногорода, его жители могут выступать практически единодушно.

При этом нельзя не признать, что исторические традиции северных территорий, сохранившаяся и востребованная северянами советская практика, все более глубоко проникающие образцы западного образа жизни и стандарты потребительского общества взаимодействуют с бурным развитием информационных технологий и массовым внедрением научно-технических новаций, в том числе и в бытовой сфере. Противоречивость данных связей комплексно влияет на сознание и поведение как индивидов, так и социальных групп. Ускоряющийся темп жизни требует от членов территориального общества гибкости в восприятии новых социальных реалий, информационной грамотности, экономической конкурентоспособности, высокой мобильности. Кроме того, в ситуации культурного, экологического и экономического кризиса моногород как пространство, подверженное проблемам и противоречиям современного общества, в большей мере оказывает на горожан повышенную эмоциональную нагрузку. Все это обуславливает необходимость управленческого взаимодействия, прежде всего, органов местного самоуправления, администрации градообразующего предприятия и представите-

лей городского сообщества, во многом определяющее социальное самочувствие членов территориального сообщества.

Выявленные в диссертационном исследовании особенности развития моногородов Тюменского Севера и разработанная модель определили необходимость применения новых механизмов реализации социального управления городом.

Накопленный в нашей стране и в мировой практике опыт развития северных моногородов показал недостаточность только лишь структурной перестройки их экономики. Проведенное исследование доказывает, что ключевое место в их развитии должны занимать мероприятия социальной направленности в сочетании с мерами по повышению инвестиционной и социальной привлекательности, обеспечивающими изменение ситуации в северных моногородах на основе не только государственных, региональных и муниципальных мер поддержки, но и активного участия членов территориального сообщества. Это предполагает использование социального механизма для реализации социального управления развитием моногорода.

Под социальным механизмом в диссертационной работе понимается устойчивая система взаимодействия субъектов разных типов и уровней, способствующая развитию моногорода, которая может быть реализована при любом числе повторений с максимально предсказуемым результатом на основе наиболее приемлемых в той или иной ситуации методов и технологий. Сущностное содержание социального механизма управления моногородом представлено на рисунке 2.3.2.

Основная функция социального механизма состоит в определении цели, формировании потребностей и мотивов, закреплении «правильных» действий, отвечающих ситуативным условиям и особенностям развития северных моногородов, отражающим специфику не только социокультурной среды, но и представленных в модели социального управления пространств – природно-экологического, политического, экономического, социального.

Рис.2.3.2 Социальный механизм управления развитием моногорода Тюменского Севера

Целенаправленное развитие взаимодействия, как сущностной характеристики социального механизма, предполагает согласование целей субъектов управления. При этом взаимодействие достигается за счет конвергенции целей и технологий их достижения. Именно взаимодействие органов местного самоуправления и индивидов/социальных групп территориального сообщества может рассматриваться как один из реальных шансов создания эффективной городской политики развития моногорода при условии полной и достоверной информации, которая заполняет социокультурное пространство. Информация, выступая связующим звеном между субъектами управления, позволяет осуществлять обратную связь, являющуюся основой корректировки цели в соответствии с требованиями конкретной ситуации, тактическими задачами. Информационность присуща социальному управлению не имманентно, она определяется поведением всех субъектов управления, и лежит в основе согласованности их интересов. При этом коммуникативную систему управляемого воздействия следует рассматривать как аутопойетическую (Н. Луман) по своей сути, в которой коммуникативное воздействие самовоспро-

изводит взаимодействие, что способствует самоорганизации и росту социальной активности членов территориального сообщества [134, с. 182].

Организационный порядок рассматривается в контексте механизмов реализации социального управления как система относительно стабильных целей, связей и норм, регулирующих отношения, возникающие между представителями власти федерального, регионального (окружного) и муниципального уровней, бизнеса и территориального сообщества по поводу выполнения ими функций по развитию моногорода. В случае если организационный порядок обеспечивается «социальным автоматизмом» на базе всеобщего признания норм и ценностей [72, с. 79], то он создает благоприятные условия для формирования позитивного социального самочувствия горожан и стимулирует их социальную активность.

Как уже отмечалось в диссертационном исследовании, под социальной активностью понимается осознанная деятельность членов территориального сообщества, результатом которой является преобразование условий функционирования моногорода, направленное на его развитие. Принятие горожанами ответственности за жизнь в своем городе является важнейшей задачей социального управления и самым действенным социальным механизмом. Результаты социологического исследования показали противоречивость между установками на социальную активность и реальной активностью горожан. Эксперты в ходе интервьюирования отмечали накопление опыта обращения жителей к органам местного самоуправления и попыток ведения диалога с ними, горожане, по их мнению, стали осваивать и совершенствовать инструменты своей социальной деятельности. В то же время лишь незначительная часть членов городского сообщества проявляет деятельностную активность. Признавая общность интересов, обсуждая волнующие их темы, члены территориального сообщества слабо участвуют в планировании, определении направлений развития моногорода. В свете сказанного полагаю, что социальная активность местного сообщества не возможна без формирования их потребности, способности и готовности к выполнению социально-значимой

деятельности. В данном контексте деятельность органов местного самоуправления предполагает в процессе взаимодействия создание условий для реализации потребности, способности и готовности населения к выполнению на общественно необходимом уровне своих социальных ролей и функций как членов территориального сообщества (см. рис. 2.3.3).

Итак, ядром социальной активности членов территориального сообщества выступает их потребность, способность и готовность участвовать в развитии моногорода. Следует подчеркнуть, что перемены в комплексе потребностей индивидов и социальных групп обуславливаются и требованиями социальной среды их существования, и собственными устремлениями и интересами. Государственные органы власти, органы местного самоуправления, общественные организации и другие формальные и неформальные институты, формируя активность горожан могут целенаправленно создавать необходимые структуры потребностей, а на их основе необходимые структуры способностей и готовностей. При этом активное участие представителей местного сообщества в развитии моногорода во многом обусловлено эффективным применением сформированных реальных способностей. Именно семинары, тренинги, встречи позволят горожанам получить знания новых технологий решения традиционных и нетрадиционных задач развития города и сформировать умения (навыки) применения этих технологий. Целенаправленно формируемые потребности и способности индивидов при поддержке органов местного самоуправления и инициативных групп трансформируются в готовность осознанно участвовать в реализации путей и направлений развития моногорода.

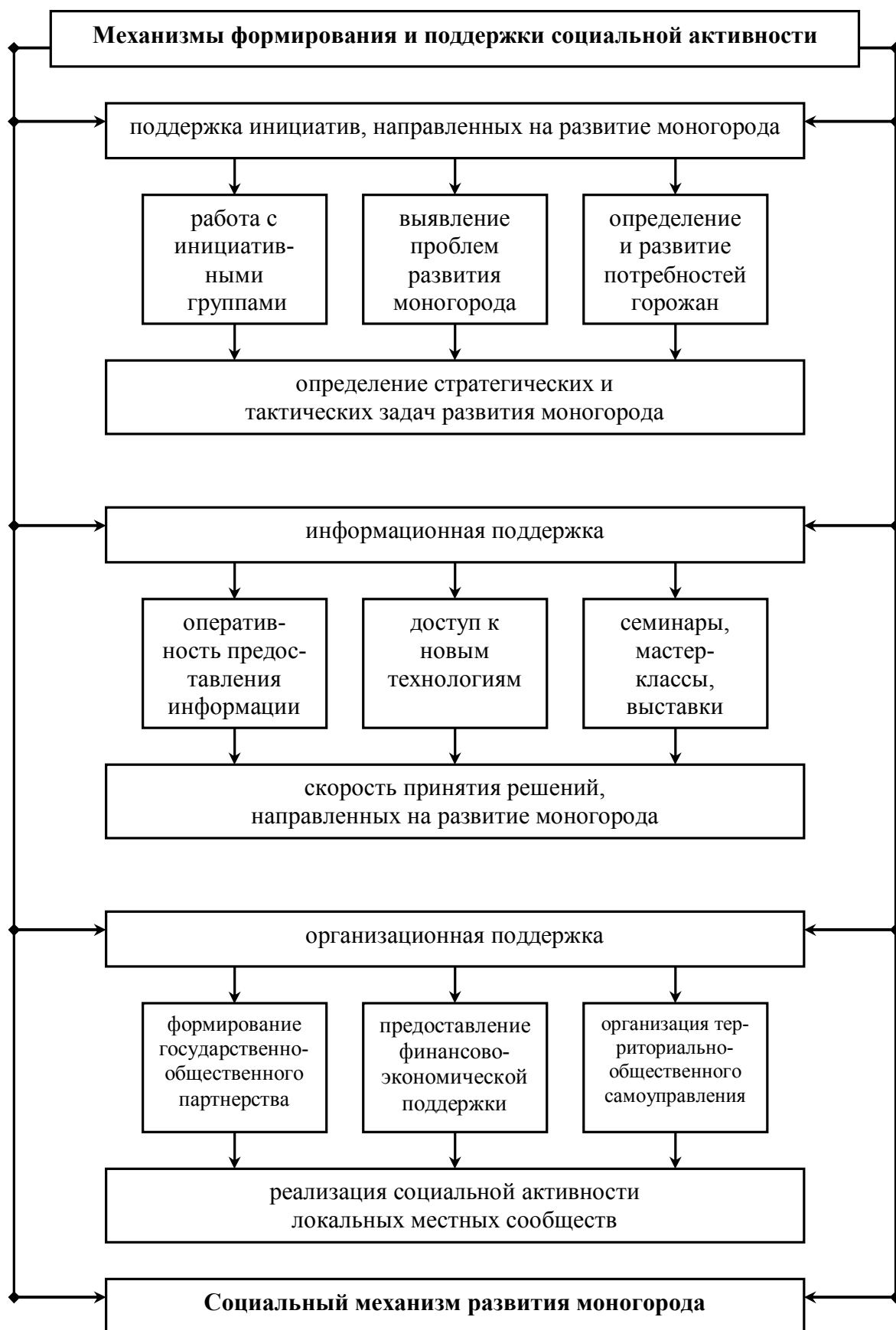

Рис.2.3.3. Механизмы поддержки социальной активности индивидов и групп территориального сообщества

Социальным механизмом, обеспечивающим целостность социальной активности и устремлений территориального сообщества, выступают социальные связи между локальными местными сообществами – местными отделениями политических партий, предпринимательскими объединениями, профессиональными группами, общественными объединениями, социальными группами и организациями по интересам, а также национальными и религиозными сообществами. Социальные связи обеспечивают интеграцию потребностей, способностей и готовности членов территориального сообщества. От плотности социальных связей зависит степень устойчивости сообщества, его готовность противостоять внешним негативным воздействиям и способность к саморазвитию.

Именно социальные связи между индивидами и группами обеспечивают как преемственность в социально-экономическом и социокультурном развитии моногорода, так и перемены в нем, его динамику на основе норм, правил, регулирующих отношения между людьми, в том числе нормы взаимопомощи, доверительных отношений, взаимных обязательств, ответственности, которые обеспечивают групповую сплоченность, солидарность членов территориального сообщества.

Представляется, что в данном контексте правомерно будет говорить о членах территориального сообщества не только как о социальных акторах, но и как об актантах. Термин был предложен Л. Теньером и обозначал активного участника ситуации, действующее лицо [225]. В соответствии с акторно-сетевой теорией Б. Латура и Дж. Ло в преобразовательную деятельность членов сообщества включаются наряду с субъектами и материальные объекты городской среды, которые, также как и люди, являются «актантами», то есть «вовлеченными в действие» [127, с. 20-39; 276, р. 1-14]. Такой подход позволяет концентрировать внимание не только на цели, но и на средствах ее достижения.

Представленное выше понимание особенностей социального управления моногородом и роли территориального сообщества в его развитии позво-

ляет определить основные направления возможных преобразований, представленных на рисунке 2.3.4.

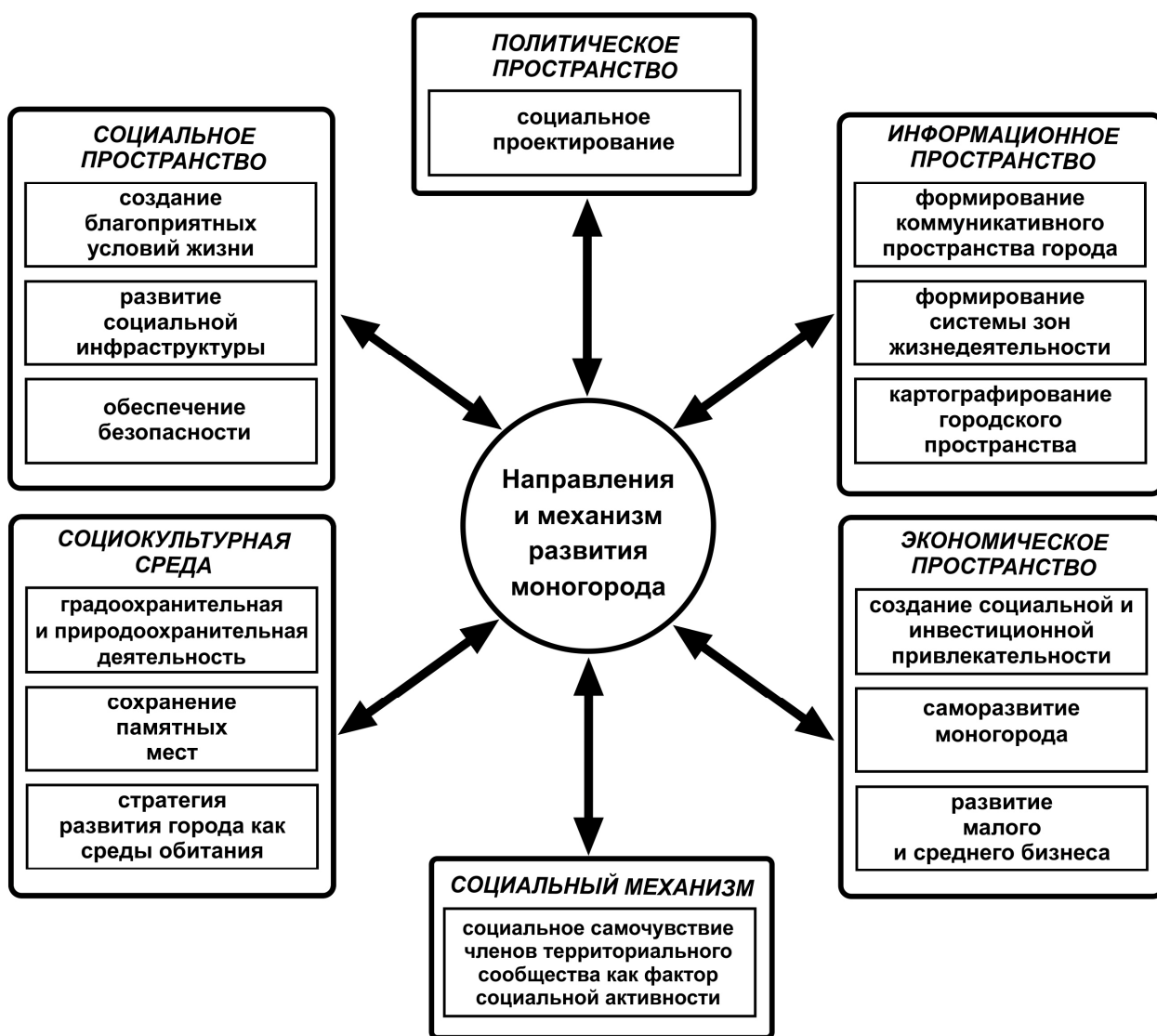

Рис.2.3.4. Основные направления и социальный механизм развития моногорода Тюменского Севера

Признавая значение организационно-экономических механизмов для реформирования промышленного сектора моногородов как основы их экономического развития, нашедших отражение в многочисленных работах считаю исследователей, акцентирующих внимание, прежде всего, на диверсификации экономики [39; 49; 151; 229], определяющим фактором успешного функционирования и развития моногородов формирование социального управления моногородом на основе предложенных социальных механизмов,

позволяющих вовлечь в процесс возможных преобразований членов территориального сообщества.

В определении направлений развития моногорода и путей их реализации должны быть использованы совместные усилия органов местного самоуправления, представителей бизнеса и администрации градообразующих предприятий, общественных организаций при консолидированном участии индивидов и социальных групп, объединений и организаций территориального сообщества. Объединение усилий всех участников процесса развития моногорода целесообразно на этапе социального проектирования, когда происходит конструирование действий, направленных на достижение целей, обуславливающих эффективное развитие моногорода, но в то же время локализованных по времени, месту реализации и ресурсам.

Одной из главных задач социального проектирования выступает снижение неопределенности возможного развития моногорода, что достигается, прежде всего, путем обсуждения и согласования действий заинтересованных участников городского развития. Поэтому социальное проектирование может быть реализовано только в многостороннем и конструктивном диалоге бизнеса, власти и членов территориального сообщества. При этом, как показали результаты социологического исследования, положительная социальная активность горожан основана на их социальном благополучии. Именно поэтому необходимо начинать с создания благоприятных условий жизни всех членов территориального сообщества.

В суровых природно-климатических условиях благоприятные обстоятельства жизнедеятельности горожан приобретают особое значение. Обеспечение комфортности проживания городского населения является необходимым условием для успешной реализации планов по формированию не только контингента постоянных жителей, но и их стремления активно участвовать в благоустройстве города, его развитии. Но наибольшее значение сегодня приобретает развитие социальной инфраструктуры моногородов Тюменского Севера, позволяющее перейти от оценки экономического благосостояния их

жителей к более широкой трактовке индивидуального благосостояния как «удовлетворения», хорошего социального самочувствия. Благоприятные условия жизнедеятельности определяют уровень, качество и образ жизни членов территориального сообщества, которые, в свою очередь, аппроксимируют социальное развитие моногорода.

Благоприятные условия жизни и высокий уровень развития и качества социальной инфраструктуры определяют и безопасность жителей моногородов. В то же время состояние окружающей среды в условиях возрастающего антропогенного воздействия, рост числа природных и техногенных чрезвычайных ситуаций, износ производственной и городской инфраструктуры, ухудшение состояния здоровья северян, повышенная криминогенность в условиях кризиса определенных групп населения обуславливают необходимость формирования системы комплексной безопасности моногородов и их жителей. Она включает мероприятия, направленные на изучение комплекса угроз, выработку мер по их минимизации, разработку экологических нормативов нагрузок на природную среду и на индивида, разработку программ обучения и подготовки горожан по вопросам безопасности, стимулирование создания общественных организаций, ориентированных на разработку и решение поставленных вопросов.

Итак, уровень и условия жизни горожан в значительной мере определяются общим состоянием социально-экономического развития, однако все большее значение приобретает обратная связь – влияние уровня и условий жизнедеятельности на процессы развития моногорода.

Градоохранительная деятельность, несмотря на молодость моногородов Тюменского Севера, имеет существенное значение в удержании элементов прошлого как условия осмысленного отношения к настоящему и как ресурс направления движения в будущем. Здесь особое звучание приобретает не только сохранение культурно-исторического наследия городской среды, но и формирование отношения индивидов и социальных групп сообщества к памятникам и традициям социокультурного пространства города как к на-

следованию, т.е. осмысленному, творческому включению их в структуру инновационной деятельности по преобразованию среды обитания. По сути, история города выражена образами городской среды, которые определяют и содержание, и смысл программы социокультурного развития моногорода.

Тогда градостроительство моногорода будет включать и конструирование благоприятной среды обитания для саморазвития как социальных групп, так и отдельных индивидов, поскольку среда обитания становится не только результатом жизнедеятельности территориального сообщества, но и фактором формирования новой модели поведения – социальной активности горожан. Следовательно, потенциал архитектурных, культурных, исторических и производственных памятников города как актанта своего развития предопределяет его «включенность» в коммуникативные процессы между членами социального сообщества.

Но потенциал города как актанта может быть в полной мере реализован при условии формирования его коммуникативного пространства. Именно создание коммуникативных связей и площадок делает возможным переход от парадигмы социотехнического проектирования – «люди для города», к парадигме социокультурного проектирования – «город для людей». Социальное управление моногородом предполагает в первую очередь познание коммуникативных процессов городской среды и социального сообщества, что позволяет понять специфику группового определения социальной ситуации, а значит, и возможные модели поведения членов сообщества как способы реагирования на изменение ситуации. Учёт этих представлений является непременным условием принятия релевантных и эффективных управленческих решений.

Как уже отмечалось выше, моногорода Тюменского Севера возникали, прежде всего, как города-предприятия, а их функционально структурированное пространство воспроизводило социально-производственные отношения. Но городская среда, как показали исследования Б.А. Портнова, Л.Е. Трушиной, О.Е. Трущенко, оценивается горожанами не только с функциональных

позиций, но и воспринимается и интерпретируется различными социальными группами в зависимости от ценностно-мировоззренческих особенностей их сознания и их жизненных интересов [188; 235; 236].

А поэтому потеря открытости и определенности социального пространства города в условиях перехода к рыночным отношениям и отсутствия или несоблюдения общего плана градостроительства приводят к появлению автономных замкнутых образований, каждое из которых живет по собственным правилам. Теряется значение городского пространства как пространства символической интеграции идентичности социальных групп территориального сообщества как коммуникативного пространства поиска ценностно-смысловых ориентиров развития. В этих условиях социально-культурный потенциал городской среды деградирует, снижая возможности инновационного развития моногорода. Снижение негативных последствий определяется возможностями и желанием субъектов социального управления моногородом участвовать в процессе коммуникации социальных групп территориального сообщества, целенаправленно формируя отношение к социокультурной среде города как интересующему проекту совместной жизни, создавая в сознании горожан представление о миссии города как аканта его развития и саморазвития.

Пространство города включает не только формальные организационно-управленческие институты, но также представлено самоорганизационными социальными группами и сообществами. Это делает его, с одной стороны, разнообразным и неповторимым, а с другой – определяет структуру социокультурного пространства и образ жизни горожан. Насыщенность городского пространства коммуникативными практиками индивидов и социальных групп территориального сообщества приводит к появлению новых форм организации жизнедеятельности города. Тогда становится возможным переход от объектно-субъектного управления через процессы саморазвития и самоорганизации города и территориального сообщества к субъект-субъектным отношениям, актуализируя интеграционно-коммуникативные взаимодействия

всех субъектов городского пространства. И именно социальное управление моногородом, ориентируясь на взаимодействие всех субъектов управления, может сделать разнообразие городской среды фактором социальной и инвестиционной привлекательности.

Таким образом, уровень социальной активности населения в значительной мере зависят от качества взаимодействия с городскими органами власти, что и является одной из отличительных черт социального управления моногородом. Через социальный механизм взаимодействия социальное управление моногородом стимулирует и направляет развитие, проявление и функционирование социальной активности индивидов и социальных групп. Именно взаимодействие органов местного самоуправления, администрации градообразующего предприятия и членов территориального сообщества в условиях Севера выступает важнейшим фактором развития моногородов. Преодолеть социальную инерцию и пассивность горожан позволяет нашедшая отражение в модели социального управления и социальном механизме ее реализации специфика северных моногородов. Она включает, во-первых, объединение усилий федеральных, окружных и муниципальных органов власти в области развития моногородов циркумполярной зоны; во-вторых, значительный социально-экономический потенциал и устойчивость градообразующих предприятий; в-третьих, сохранение существенной роли в становлении и развитии моногородов локальных сообществ, прежде всего, профессиональных, национальных, предпринимательских кругов.

Гарантируя сбалансированное распределение социальной ответственности между органами власти, бизнесом и жителями города, социальное управление будет способствовать улучшению социального самочувствия членов территориального сообщества, что станет ключевым моментом не только в создании институциональных, ресурсных и организационных условий для осуществления стратегии развития, но и в готовности горожан к участию в развитии своего города.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты теоретического анализа научной литературы и первоисточников, статистических данных, материалов глобальной сети Интернет, результатов социологических исследований, проведенного моделирования в процессе формирования авторской позиции по предмету исследования, представленные в диссертации, позволили сделать ряд теоретических и практических выводов.

1. Социальное управление, с одной стороны, выступает как важная функция социально-территориальной общности, обеспечивающая ее самосохранение, функционирование и развитие, с другой стороны, как деятельность социального субъекта – органов власти по осуществлению функции управления. При этом социальное управление осуществляется в рамках сложнейших социальных взаимодействий как субъектно-субъектного, так и субъектно-объектного характера, а система управления включает в себя реакцию управляемого объекта, которая и формирует поле взаимодействий, а само взаимодействие основывается на целерациональном действии и является сознательным, практическим, целенаправленным.

2. Социальное управление моногородом предполагает становление, функционирование и развитие социально-территориальной общности через формирование инновационных механизмов социальных изменений и социальных отношений на основе анализа закономерностей социальных действий и поведения социальных групп и индивидов. В таком случае социальное управление городом можно рассматривать, с одной стороны, как целенаправленное системное изменение социально-экономических, социальных, политических, духовно-культурных процессов и окружающей среды, определяющих устойчивое развитие города, а, с другой, воздействие на общественное сознание, социальное самочувствие, поведение (деятельность) горожан в процессе взаимодействия органов управления и социальной общности.

3. Социальный подход к управлению не отрицает значимости экономических основ жизнедеятельности личности и функционирования территориальных общностей, но рассматривает их как условие, средство реализации интересов и потребностей индивидов и социальных групп, что и является основой целеполагания организационно-управленческих действий органов власти моногорода. В то же время успех социального управления городом во многом определяется особенностями пространственной среды, спецификой социально-экономического развития города, численностью и качественным составом населения, возможностями развития территориальной общности.

4. Моногорода являются наиболее многочисленной и вместе с тем уязвимой категорией муниципальных образований Тюменского Севера. Находясь в зоне риска в силу односторонне развитой экономической базы, такие города обладают низкой устойчивостью в обычных условиях и испытывают значительные социально-экономические трудности и проблемы управления в кризисных ситуациях. Опасная зависимость экспортно-ориентированных моногородов от макроэкономических изменений, происходящих на мировых рынках, а также социально-политическая и экономическая нестабильность привели к обострению проблем развития северных моногородов и активизации поиска путей их преодоления.

5. Результаты диссертационного анализа, подтвержденные мнением экспертного сообщества и оценкой социального самочувствия жителей моногорода, выявленные в ходе социологического исследования, свидетельствуют о том, что для формирования социального управления моногородом необходимо предпринять ряд мер организационного и структурно-функционального свойства, задействовать комплекс механизмов, перечень которых обусловлен особенностями функционирования и развития моногородов Тюменского Севера, передовой мировой практикой, способностью местного самоуправления и готовностью членов территориального сообщества участвовать в преобразованиях.

6. Теоретико-методологические и эмпирические исследования интегрированы в концептуальную модель социального управления моногородом, разработанную в единстве структуры, содержания, факторов функционирования. Разработанная модель систематизирует и интегрирует знания о специфике социального управления северным моногородом. Она отражает усилия всех уровней управления, возможности градообразующего предприятия и социальную активность членов территориальной социальной общности, направленные на сохранение и развитие моногородов. Данная модель, имеет практическое значение, поскольку может использоваться при разработке практических мер по формированию управления городом как социальной общностью.

7. В соответствии с методологией социологической науки обосновано положение о социальных механизмах управления как совокупности подвижных, гибких элементов, взаимосвязанных постоянными и ситуационными факторами внешней и внутренней среды моногорода, из которых складывается процесс взаимодействия органов управления и представителей территориальной общности. Именно социальные механизмы реализации управления моногородом являются важным средством достижения баланса интересов всех субъектов управления.

8. Результаты диссертационной работы позволяют констатировать, что цель исследования достигнута, поставленные задачи решены в полном объеме, получены удовлетворительные результаты. Перспективы научных разработок в рамках направленности настоящего диссертационного исследования заключаются в детальном и углубленном социологическом исследовании возможностей и перспектив социального управления моногородом как территориальной социальной общностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аганбегян, А.Г. Система моделей народнохозяйственного планирования [Текст]/ А.Г. Аганбегян, К.А. Багриновский, А.Г. Гранберг. – М.: Мысль. – 1972. – 348 с.
2. Агранат, Г.А. Возможности и реальности освоения Севера: глобальные уроки [Текст]/ Г.А. Агранат // Итоги науки и техники (Серия: «Теоретические и общие вопросы географии»). – Т.10. – М.: ВИНТИ. – 1992. – 186 с.
3. Агранат, Г.А. Использование ресурсов и освоение территории зарубежного Севера [Текст]/ Г.А.Агранат. – М.: Наука. – 1984. – 199 с.
4. Агранат, Г.А. Освоение Севера: мировой опыт [Текст]/ Г.А. Агранат. – М.: АН СССР ВИНТИ, 1988. – 168 с.
5. Аксенов, К. Пространство и политика. Концептуальные подходы к изучению особой предметной области [Текст]/ К. Аксенов. – СПб.: ТООТК «Петрополис», 1993. – 150 с.
6. Алексеев, В.В., Ламин, В.А. Прометеи сибирской нефти [Текст]/ В.В. Алексеев, В.А. Ламин. – Свердловск: Средне-Уральск. кн. изд-во, 1989. – 269 с.
7. Анимица, Е.Г. Город-завод [Текст]/ Е.Г. Анимица, В.С. Бочко, Э.В. Пешина и др. – Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2010. – 81 с.
8. Анциферов, Н.П. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе: опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций [Текст]/ Н.П. Анциферов. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – 581 с.
9. Апарин, И.Л. Индустриальная база строительства северной зоны [Текст]/ И.Л. Апарин, М.Е. Криницкая. – Л.: Стройиздат, 1979. – 249 с.
10. Арон, Р. Этапы развития социологической мысли [Текст] / Общ. ред. и предисл. П.С. Гуревича. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Политика», 1992. – 608 с.

11. Атаманчук, Г. В. Теория государственного управления [Текст] / Г.В. Атаманчук. – М. : Юридическая литература, 2006. – 584 с.
12. Атаманчук, Г. В. Теория государственного управления [Текст] / Г. В. Атаманчук; 4-е изд. – М. : Издательство «Омега Л», 2010. – 525 с.
13. Бабосов, Е.М. Социология управления [Текст] / Е.М. Бабосов. – Мн. : ТетраСистемс, 2004. – 288 с.
14. Баньковская, С.П., Берджесс, Э. Современная американская социология / Под ред. В.И. Добренёва – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 20-32.
15. Баньковская, С.П., Парк, Р. [Текст]/ С.П. Баньковская // Современная американская социология. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 3-19.
16. Барбакова, К.Г. Искусство управления городом: социальные эксперименты на виртуальном пространстве [Текст]/ К.Г. Барбакова, А.С. Гаврин, О.М. Барбаков, Н.А. Костко. – Курган: «Зауралье», 2005. – 269 с.
17. Бауман, З. Город страхов, город надежд [Текст]/ З. Бауман // Logos. – 2008. – №3 (66). – С.24-53.
18. Бахрах, Д.Н. Административное право России: Учебник для вузов. [Текст]/ Д.Н. Бахрах – М.: НОРМА, 2005. – 800 с.
19. Бек, У. Космополитическое общество и его враги [Текст]/ У. Бек // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Т.VI. – №1. – С.30-44.
20. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. 2-е изд., испр. и доп. [Текст]/ Пер. с англ. под ред. д-ра эконо наук В.Л. Иноземцева. – М.: Academia. – 2004. – 788 с.
21. Белоножко, М. Л. Специфика управления монопрофильными городами Тюменского Севера [Текст]/ М.Л. Белоножко, Н.И. Крысин; С.М. Вайншток; О.М. Барбаков //Социологические исследования. – 2002. – №7. – С.87-91.
22. Берри, Б. Города как системы в системах городов [Текст]/ Б. Берри. – М.: Мысль, 1964. – 267 с.

23. Блауберг, И.В. Проблема целостности и системный подход [Текст] / И.В. Блауберг. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 450 с.
24. Блауг, М., Тюнен, И.Г. // 100 великих экономистов до Кейнса [Текст] / М. Блауг, И.Г. Тюнен. – СПб.: Экономикс, 2008. – С.299-303.
25. Бобров, В.В. Социальное развитие: сущность, условия и критерии устойчивости [Текст] / В.В. Бобров. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – 230 с.
26. Бодрийяр, Ж. Общество потребления [Текст]/ Ж. Бодрийяр. – М.: Республика. Культурная революция, 2006. – 272 с.
27. Боже-Гарнье, Ж. Очерки по географии городов [Текст] /Ж. Боже-Гарнье, Ж. Шабо. – М.: Прогресс, 1967. – 424 с.
28. Бондарев, А.Е. Мониторинг социально-экономического развития региона [Текст] / А.Е. Бондарев // Регион: экономика и социология. – 2010. – № 4. – С. 187-202.
29. Бот, Ю.К. Особенности развития Тюменского нефтегазового комплекса и формирования его трудовых ресурсов [Текст]/ Ю.К. Бот // Проблемы развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 199-212.
30. Бранский, В.П. Теоретические основания социальной синергетики [Текст]/ В.П. Бранский // Вопросы философии. – 2000. – №4. – С.112-129.
31. Букин, С.С. Потребительский рынок тюменских эмиратов [Текст]/ С.С. Букин // ЭКО, 1992. – № 11. – С. 70-77.
32. Букин, С.С. Социально-бытовые проблемы Ямало-Ненецкого округа в контексте перехода к рыночным отношениям [Текст]/ С.С. Букин // Ямал в панораме Российской истории. Материалы семинара «Теоретико-методологическое обеспечение исследований по истории Ямала». – Салехард – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2004. – С.179-194.
33. Букин, С.С. Социально-экономические проблемы освоения северных районов Сибири во второй половине XX – начале XXI вв. [Текст]/ С.С. Букин // Деятельность государственных организаций по индустриальному ос-

воению Сибири в XX – начале XXI вв. Сборник научных трудов. – Вып. 1. – Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2009. – С. 133-160.

34. Бурдые, П. Социология веры и верования социологов. Начала. Сборник текстов/ Перевод с французского: Н.А. Шматко [Текст]. – М.: Sociologos, 1994. – [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. – Режим доступа: URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/doc/3049>. – свободный.

35. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем: современное системное видение мирового сообщества [Текст] / И. Валлерстайн // Социология на пороге XXI века: Основные направления исследований / Под ред. С.И. Григорьева, Ж. Кознен-Хуттера. – М.: РУСАКИ, 1999. – С.144-163.

36. Вебер, М. Избранные произведения / Пер. с немецкого. Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденоко [Текст] / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

37. Вебер, М. Политические работы, 1895-1919 [Текст] / М. Вебер / Пер. с нем. Б.М.Скуратова. – М.: Праксис, 2003. – 424 с.

38. Велихов, Л.А. Основы городского хозяйства [Текст]/ Л.А. Велихов. – с.4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rels.obninsk.com/Cd/Sdc/free/edu/Lm/sup-01.htm>. – свободный.

39. Виноградов, В.П. Социально-экономический кластер как стратегическая перспектива развития «моногородов»: профессиональное муниципальное сообщество России в поиске альтернатив развития [Текст] / В.П. Виноградов // Евроград. – 2003. – № 16. – С. 38-42.

40. Вирт, Л. Городское общество и цивилизация [Текст] / Л. Вирт // Личность. Культура. Общество. – 2006. – Т. 8. – № 30. – Вып. 2. – С.21-32.

41. Волков, Ю.Г. Социология [Текст]/ Ю.Г. Волков, И.В. Мостовая. Под ред. проф. В.И.Добренькова. – М.: Гардарика, 2007. – 244 с.

42. Вольманн, Х. Оценивание реформ государственного управления: «третья волна» [Текст] // Социс. – 2010.– № 10.– С.93-99.

43. Вольтер, М. Философские повести [Текст]/ М. Вольтер. – М.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – 320 с.

44. Воронина, Л.В. Особенности и проблемы социально-экономического развития северных моногородов [Текст]/ Л.В. Воронина, А.В. Кармакулова, А.А. Проворова // Экономика и предпринимательство. – 2014. – № 8.– С.17-21.
45. Воскобойников, А.Э. Системные исследования: базовые понятия, принципы и методология [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2013, № 6 (ноябрь-декабрь). Режим доступа: URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/6/Voskoboinikov_Systems-Research/. – свободный.
46. Гаврилова, Н.Ю. Градостроительная концепция освоения нефтегазового комплекса Западной Сибири [Текст] / Н.Ю. Гаврилова // Словцовские чтения: Тезисы докладов региональной научно-практической конференции. – Тюмень: ИПП «Тюмень», 1997. – С.71-72.
47. Гаврилова, Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964-1985 гг.) [Текст]/ Н.Ю.Гаврилова. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. – 283 с.
48. Гаврилова, Н.Ю. Социальное развитие районов нового промышленного освоения севера Западной Сибири (1964-1985 гг.) [Текст]: Автореф. дис. ... док.ист.наук. / Н.Ю. Гаврилова – Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2003. – 41 с.
49. Гальцева, Н.В. Реструктуризация экономики монопрофильного старопромышленного региона ресурсной специализации (на примере Магаданской области) [Текст]: автореф. дис. ... д.э.н.: 08.00.05 / Н.В. Гальцева. – М., 2010. – 35 с.
50. Ганопольский, М.Г. Структура расселения Тюменской области как объект социально-пространственного анализа [Текст]/ М.Г. // Ойкумена. – 2007. – Вып. I. – С.16-22.
51. Геополитическое положение России: представление и реальность [Текст]/ Под ред. В.А. Колосова. – М.: Арт-Курьер, 2000. – 352 с.

52. Гидденс, Э. Социология [Текст] / Э. Гидденс. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 632 с.;
53. Гидденс, Э. Устройство общества. Очерки теории структуризации [Текст] / Э. Гидденс. – М.: Акад. Проект, 2003. – 528 с.
54. Гладышев, А.Г. Основы социального управления [Текст] / А.Г. Гладышев, В.Н. Иванов, В.И. Патрушев – М.: Высшая школа, 2001. – 271 с.
55. Глазунова, Н.И. Государственное управление как система: Монография [Текст] / Н.И. Глазунова. – М. : Гос. Универ. Упр., 2001. – 373 с.
56. Глазунова, Н.И. Система государственного управления [Текст] / Н.И. Глазунова – М.: ЮНИТИ-ДАНА. – 2002. – 551 с.
57. Глазычев, В.Л. Город без границ [Текст] /В.Л.Глазычев. – М.: Территория будущего, 2011. – 398 с.
58. Глазычев, В.Л. Стратегия развития как искусство выбора приоритетов [Текст] /В.Л.Глазычев // Полития. – 2012. – № 1 (64). – С. 147-164.
59. Гоббс, Т. Избранные произведения [Текст] / Т.Гоббс. – М.: Мысль, 1998. – 456 с.
60. Головнев, А.В. Этнологическая экспертиза в сценариях ресурсного освоения Севера [Текст] / А.В.Головнев //Уральский исторический вестник. – 2014. – №2 (43). – С.143-153.
61. Горяченко, Е.Е. Территориальная общность в изменяющемся обществе // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т. И. Заславская, З.И. Калугина [Текст] / Е.Е. Горяченко. – Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999. – С.499-534.
62. Горяченко, Е.Е. Территориальная общность в изменяющемся обществе [Электронный ресурс] / Е.Е. Горяченко // – Режим доступа: <http://nesch.ieie.nsc.ru/GLGOR.html>. – свободный.
63. Горяченко, Е.Е. Территориальная общность в изменяющемся обществе [Электронный ресурс] / Е.Е. Горяченко // Социологические аспекты перехода к рыночной экономике (Материалы к XIII социологическому конгресс-

су). Ч. 1. – Новосибирск : ИЭ и ОПП СО РАН, 1994. – С. 63-86. – Режим доступа: <http://nesch.ieie.nsc.ru/GLGOR.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – (дата обращения: 19.07.2014).

64. Градостроительство и районная планировка / Глав. ред. В.М. Успенский [Текст]. – Киев: Будивельник, 1967. – 77 с.

65. Граждан, В.Д. Координация и субординация в системе социального управления [Текст] / В.Д. Граждан // Социальное управление. – М.: Изд-во РАГС, 2000. – 317 с.

66. Граждан, В.Д. Социология управления [Текст] / В.Д. Граждан. – М. : Юрайт, 2012. – 604 с.

67. Граждан, В.Д. Деятельностная теория управления [Текст] / В.Д. Граждан. – М.: РАГС, 1997. – 179 с.

68. Граждан, В.Д. Теория управления [Текст] / В.Д. Граждан. – М.: Гардарики, 2006. – 416 с.

69. Гранберг, А.Г. О программе фундаментальных исследований пространственного развития России [Текст]/ А.Г. Гранберг // Регион: экономика и социология. – 2009. – №2. – С.166-176.

70. Гранберг, А.Г. Основы региональной экономики [Текст]/ А.Г. Гранберг. – М.: ГУ ВШЭ, 2001. – 495 с.

71. Гринчель, Б.М. Конкурентный потенциал и конкурентная привлекательность регионов [Текст] /Б.М. Гринчель // Регион: экономика и социология. – 2013. – № 3 (79). – С. 96-110.

72. Губина, Н.В. Социальный тонус монопрофильного города: проблемы методологии исследования и управления: монография [Текст]/ Н.В. Губина. – Казань: Изд-во Института истории АН РТ. – 2010. – 224 с.

73. Гущина, И.А. Социальное самочувствие населения моногородов как показатель уровня адаптированности к социально-экономическим трансформациям [Текст]/ И.А. Гущина, Д.Л. Кондратович, О.А. Положенцева // УЭКС. – 2011. – №34. – С.61-71.

74. Дегтярев, А.А. Принятие политических решений [Текст] / А.А. Дегтярев. – М.: КДУ, 2004. – 416 с.
75. Демографический энциклопедический словарь [Текст]/ Гл.ред. Д.И. Валентей. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – 608 с.
76. Докторов, Б.З. Отцы основатели: история изучения общественного мнения [Текст] / Б.З. Докторов. – М. : ЦСП, 2006. – 488 с.
77. Дончевский, Г. Н. Депрессивные территории: модель фазовой возгонки (концепция, рабочие гипотезы и программа исследования) [Текст]/ Г.Н. Дончевский, Л.А. Шафиров, А.А. Карлина //Пространство экономики. – 2013. – № 1-3. –С.75-85.
78. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии [Текст] / Э. Дюркгейм. – М.: Наука, 1991. – 576 с.
79. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. [Текст] / Э. Дюркгейм. – М.: Наука, 1990. – 575 с.
80. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана [Текст]/ Э. Дюркгейм. – М.: Канон, 1995. – 352 с.
81. Дягилева, Н.С. Городская идентичность: понятие, структура, основы формирования [Текст]/ Н.С. Дягилева, Л.А.Журавлева // Социология города. – 2012. – № 1. – С.46-60.
82. Ефимов, В.С. Стратегическое управление городом [Текст]/ В.С. Ефимов. – Красноярск: РИО СФУ, 2007. – 243 с.
83. Живицкая, Е.Н. Системный анализ и проектирование информационных систем [Текст] / Е.Н. Живицкая, О.П. Едемская. – Мн.: БГУИР, 2005. – 60 с.
84. Жуков, В. История России [Текст] / Под ред. В. Жукова, Г. Еськова, В. Павлова. – М.: МГСУ «Союз», 1998. – 388 с.
85. Зборовский, Г.Е. Социология управления [Текст]/ Г.Е. Зборовский, Н.Б. Костина – М.: Гардарики, 2004. – 272 с.

86. Зеркин, Д.П. Основы теории государственного управления [Текст] / Д.П. Зеркин, В.Г. Игнатов. – Ростов н/Д : Изд. центр «МарТ», 2005. – 512 с.
87. Зиммель, Г. Философия культуры [Текст] / Г. Зиммель. – М.: Юрист, 1996. – 671 с.
88. Зиммель, Г. Венеция [Текст]/Г. Зиммель / Пер. с нем. А.Кричевского// Логос, 2002. – №3/4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/zimven-pr.html>. – свободный.
89. Зиммель, Г. Избранное: В двух томах [Текст]/ Г. Зиммель / Т.1. Философия культуры. – М.: Юрист, 1996. – 671 с.
90. Зиммель, Г. Человек как враг [Текст]/ Г. Зиммель // Социологический журнал. – 1994. – № 2. – С.114-119.
91. Золотухина, Е.В. Экзистенциальные аспекты знания // Рациональное и иррациональное. Грани проблемы [Текст] / Е.В. Золотухина. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. – С.184-201.
92. Зомбарт, В. Собрание сочинений в 3-х томах /Т.3 Исследования по истории развития современного капитализма [Текст]/ В. Зомбарт. – СПб.: «Владимир Даль», 2008. – 480 с.
93. Зубаревич, Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация [Текст]/ Н.В. Зубаревич. – М.: Независимый институт социальной политики, 2010. – 160 с.
94. Иванов, В.Н. Социальные технологии [Текст] /В.Н. Иванов, В.И. Патрушев. – М.: Изд-во МГСУ «Союз», 1999. – 432 с.
95. Иванова, О.П. Моногород Юрга Кемеровской области: инвестиционная привлекательность проектов диверсификации экономики [Текст]/ О.П. Иванова // Всероссийский экономический журнал. – 2011. – №6 (444). – С.159-170.
96. Иванов, В.Н. Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления [Текст] /В.Н. Иванов, В.И. Патрушев. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика». – 2001. – 327 с.

97. Игнатъев, М.Н. Социальное самочувствие населения моногородов: социологический анализ (на примере Кемеровской области) [Текст]: автореф. дис. ... канд.соц. наук/ М.Н. Игнатъев. – Саранск, 2013. – 28 с.
98. Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX века: Сб. переводов. / РАН ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и переводчик В.Г. Николаев. Отв. ред. Д.В. Ефременко [Текст]. – М.: РАН ИНИОН, 2010. – 322 с.
99. Информация о социально-экономическом развитии муниципального образования город Когалым [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [//http://admkogalym.ru/economics/development-results/Itogi/index.php](http://admkogalym.ru/economics/development-results/Itogi/index.php). – свободный.
100. Истон, Д. Категории системного анализа политики [Текст]/ Д. Истон // Политология: Хрестоматия / Сост.: проф. М.А. Василик. – М.: Гардарики, 2000. – С.319-331.
101. Каганский, В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство [Текст]/ В.Л. Каганский. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 576 с.
102. Калугина, З.И. Стратегические альтернативы социального развития Сибири [Текст] / З.И. Калугина, Т.Ю. Черкашина // Регион: экономика и социология. – 2009. – № 2. – С.70-79.
103. Карпов, В.П. Индустриальное вторжение на Ямал и противоречия в развитии экономики региона [Текст]/ В.П. Карпов // Социально-экономический потенциал развития регионов в странах СНГ. – Тюмень-Павлодар: Печатник, 2008. – С.89-94.
104. Кастельс, М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура [Текст] / М. Кастельс. – М. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
105. Кастельс, М. Становление общества сетевых структур [Текст] / М. Кастельс // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С.494-505.

106. Квасников, В. Какие проблемы волнуют россиян? – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.the-village.ru/village/situation/situation/176431-problems>. – свободный.
107. Ковалев, В.Н. Социология управления социальной сферой [Текст] / В.Н. Ковалев. – М.: Изд-во МГСУ, 2003. – 116 с.
108. Коган, Л.Б. Быть горожанами [Текст]/ Л.Б. Коган. – М.: Мысль, 1994. – 205 с.
109. Козер, Л. Функции социального конфликта [Текст] / Л. Козер. – М.: Изд-во «Идея-пресс», 2000. – 205 с.
110. Комгорт, М.В. Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция: история открытия [Текст] / М.В. Комгорт. – Тюмень: Вектор Бук, 2008. – 98 с.
111. Конт, О. Общий обзор позитивизма [Текст] / О. Конт /Пер. с франц. И.А. Шапиро. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 296 с.
112. Коротков, Э.М. Концепция менеджмента [Текст] / Э.М. Коротков. – М.: Инжиниринго-консалтинговая компания «ДеКА», 1996. – 304 с.
113. Костко, Н.А. Городское сообщество как субъект и объект управления развитием города [Текст] / Н.А. Костко // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс]: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. М. : РОС, 2012. 1 CD ROM. С.1165-1171.
114. Костко, Н.А. Социальное управление развитием региона [Текст] / Н.А. Костко. –Тюмень: Тюменский государственный институт мировой экономики, управления и права. – 2003. – 284 с.
115. Костко, Н.А. Социальное управление городом: методологические основы исследования и тенденции развития [Текст]/ Н.А. Костко // Вестник РУДН. – 2004. – №6-7. – С.237-245.
116. Костко, Н.А. Основы социального управления на муниципальном уровне: Курс лекций [Текст] /Н.А. Костко, А.А. Попкова – Тюмень: Тюменский государственный институт мировой экономики. управления и права, 2004. – 172 с.

117. Кравченко А.И. История менеджмента: Учебное пособие для вузов [Текст]/ А.И. Кравченко. – М.: Академический Проект: Трикста, 2005. – 560 с.
118. Кравченко, А.И. Социология управления: фундаментальный курс [Текст] / А.И. Кравченко, И.О. Тюрина – М. : Академич. Проект, 2005. – 1136 с.
119. Кривошапко, Ю. Моногорода готовят к закрытию [Текст]/ Ю. Кривошапко // Российская газета от 12.02.14. – Федеральный выпуск № 6303 (31). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/02/11/monogorod-site.html>. – свободный.
120. Кузьмин, В.П. Принцип системности в теории и методологии К.Маркса [Текст] / В.П. Кузьмин. – М.: Политиздат, 1986. – 398 с.
121. Кулешов, В.В. Перспективное планирование Западно-Сибирского нефтегазового комплекса [Текст] / В.В. Кулешов, Н.И. Пляскина, В.Н. Харитонов. – Новосибирск: Наука, 1987. – 213 с.
122. Куриков, В.М. Ханты-Мансийский автономный округ: с верой и надеждой – в третье тысячелетие [Текст] / В.М. Куриков. – Екатеринбург: Зевс, 2000. – 192 с.
123. Лаамарти, Ю.А. Актуальные проблемы малых городов России [Текст]/ Ю.А. Лаамарти // Социология города. – 2011. – №2. – С.11-15.
124. Лапин, Н.И. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте [Текст] / Н.И.Лапин, Л.А. Беляева. – М.: Academia, 2009. – 808 с.
125. Лаппо, Г.П. Города – центры единиц административно-территориального деления России [Текст]/ Г.П. Лаппо // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / Под ред. О. Глезер и П. Поляна. – М.: ОГИ, 2005. – С.96-110.
126. Лясковская, О.В. Методология анализа динамики факторной структуры социального самочувствия населения по данным социологических ис-

следований [Текст] / О.В. Лясковская, В.Г. Шуметов // Образование и общество. 2001. № 2 (8). – С.11-16.

127. Латур, Б. Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки [Текст] / Б. Латур // Вестник МГУ. – Серия 7. Философия. – 2003. – № 3. – С. 20-39.

128. Лешкевич, Т.Г. Философия науки: традиции и новации [Текст]/ Т.Г. Лешкевич. – М.: Издательство ПРИОР, 2001. – 428 с.

129. Литвинов, С.В. Архитектурно-планировочное развитие городов Среднего Приобья (исторический анализ и оценка) [Текст] / С.В. Литвинов: Автореф. дис. ... кан. арх.: 18.00.04. СПб.: С.-Петерб. гос. архитектур.-строит. ун-т, 2007. – 25 с.

130. Литенкова, С.П. Региональная общность: опыт социально-пространственного анализа [Текст] /С.П. Литенкова: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. – Тюмень, 2007. – 22 с.

131. Ловягин, В.Ф. Управление городскими территориями: планирование управленческих решений [Текст]: монография / В.Ф. Ловягин, Ю.А. Мушич. – Новосибирск: СГГА, 2011. – 144 с.

132. Лотарева, Р.М. Города – заводы России. XVIII – первая половина XIX века [Текст]/ Р.М. Лотарева. – Екатеринбург: Сократ, 2011. – 288 с.

133. Луман, Н. Понятие общества [Текст]/ Н. Луман // Проблемы теоретической социологии. – СПб.: Петрополис, 1994. – С.25-42.

134. Луман, Н. Социальные системы: очерк общей теории [Текст] / Н. Луман. – СПб.: Наука, 2007. – 643 с.

135. Лысенко, Г.В. Социальные взаимодействия в пространстве современного города [Текст]/ Г.В. Лысенко // Социология города. – 2011. – №2. – С.45-50.

136. Любовный, В.Я. Города России: альтернативы развития и управления [Текст] / В.Я. Любовный. – М.: Экон-информ, 2013. – 614 с.

137. Макиавелли, Н. Государь [Текст] / Н. Макиавелли: Пер. с итал. – М.: АСТ, 2009. – 480 с.

138. Манаева, И.В. Моногорода: вопросы терминологии [Текст]/ И.В. Манаева // Современные проблемы социально-экономического развития России: материалы науч-практ. конф. в 2-х томах / под ред. Е.Н. Камышанченко, С.Н. Растворцевой. – Белгород: Изд-во Белгородского ун-та, 2011. – Т.2. – С.140-143.
139. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений [Текст]/ К. Маркс: в 55-ти томах. – М.: Политиздат, 1981. – Т.23. – 728 с.
140. Маркузе, Г. Критическая теория общества: избранные работы по философии и социальной критике [Текст] / Г.Маркузе. – М.: АСТ; Астрель, 2011. – 384 с.
141. Межевич, М.Н. Социальное развитие и город [Текст]/ М.Н. Межевич. – Л.: Наука, 1979. – 176 с.
142. Мерриам, Ч. Новые аспекты политики [Текст] / Ч. Мерриам / Пер. Т.Н. Самсоновой // Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. 2: За-рубежная политическая мысль, XX в. / Ред.-сост. Г.К. Ашин, Е.Г. Морозова. – М. : Мысль, 1997. – С.175-184.
143. Мескон, М.Х. Основы менеджмента [Текст] / М.Х. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури. Пер. с англ. М.А. Майорова. – М.: Дело, 2005. – 720
144. Мечников, Л.И. Цивилизация и великие исторические реки [Текст]/ Л.И. Мечников /Сост., предисл., примеч. В.И. Евдокимова. – М.: Прогресс, Пангея, 1995. – 464 с.
145. Мещерякова, Н.Н. Социологическая экспликация синергетических идей [Текст]/ Н.Н. Мещерякова //Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: IV Очередной Всероссийский социологический конгресс: Сессия 2. XIV Харчевские чтения. Измерения социологического знания / Ю.М. Резник. – М.: Наука, 2003. – С. 336-344.
146. Миграм, С. Эксперимент в социальной психологии [Текст]/ С. Миграм. – СПб.: Питер, 2000. – 338 с.
147. Мид, Дж. От жеста к символу [Текст]/ Дж. Мид // Американская социологическая мысль. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С.227-237.

148. Микляева, А.В. Городская идентичность жителя современного мегаполиса: ресурс личностного благополучия или зона повышенного риска? [Текст]/ А.В. Микляева, П.В. Румянцева. – СПб.: Речь, 2011. – 160 с.
149. Михеева, Н. А. Социально-культурная сфера в системе социального управления [Электронный ресурс] // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – №66. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-kulturnaya-sfera-v-sisteme-sotsialnogo-upravleniya> (дата обращения: 01.11.2014).
150. Могилевский, В.Д. Методология систем: вербальный подход [Текст] / В.Д.Могилевский. – М.: Изд-во Экономика, 1999. – 256 с.
151. Моногород: управление развитием [Текст] / Т.В. Ускова, Л.Г. Иогман, С.Н. Ткачук, А.Н. Нестеров, Н.Ю. Литвинова; под ред. д.э.н. Т.В. Усковой. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – 220 с.
152. Моногорода России. Союз российских моногородов [Текст]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.monogorod> (дата обращения: 23.02.2011).
153. Моногорода: проблемы и перспективы развития / И.Ш. Давыдова, А.М.Малышкина и др.: под ред. В.Г. Тимирясова. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2011. – 220 с.
154. Монтескье, Ш. О духе законов [Текст] / Ш. Монтескье. – М.: Мысль, 1998. – 673 с.
155. Морощук, А. В. Взаимодействие стихийного и целенаправленного в процессе социальной трансформации: Дис. ... канд. филос. наук. [Текст]/ А.В. Морощук. – 09.00.11. – Липецк, 2004. – 161 с.
156. Мухин, В.И. Исследование систем управления [Текст] / В.И. Мухин. – М.: Изд-во «Экзамен», 2006. – 479 с.
157. Назарова, М.П. Город как социокультурный феномен [Текст]/ М.П. Назарова // Социология города. – 2010. – №4. – С.3-7.
158. Найт, Р.В. Устойчивое развитие – устойчивые города [Текст] / Р.В. Найт // Международный журнал социальных наук. – 1993. – № 2. – С. 43-69.

159. Население. Официальная статистика (2015) /Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ханты-Мансийскому АО – Югра / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://khmstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/khmstat/ru/statistics/population/. – свободный.

160. Население. Официальная статистика (2015) /Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ямало-Ненецкому АО / [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<http://yamalstat.gks.ru>. – свободный.

161. Некрасов, Н.Н. Региональная экономика. Теория, проблемы, методы [Текст] / Н.Н. Некрасов. – М.: Экономика, 1978. – 340 с.

162. Николаев, А.Е. Методологические принципы формирования программ развития моногородов [Текст]/ А.Е. Николаев // Стратегическое планирование в регионах и городах России: Посткризисный мир и новый этап стратегирования: VIII Общероссийского форума «Стратегическое планирование в регионах и городах России»/ под ред. Б.С.Жихаревича. – СПб.: Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр», 2010. – 152 с.

163. Новикова, С.С. Социология: история, основы, институционализация в России [Электронный ресурс]. 17.07.2014. Режим доступа: [/http://sbiblio.com/biblio/archive/novikova_soc/soc_nov33.aspx](http://sbiblio.com/biblio/archive/novikova_soc/soc_nov33.aspx). – свободный.

164. Об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в 2014 году. // Министерство экономического развития Российской Федерации. – М., 2015/ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/97fcd9bd-03b8-4c66-a02f-17d69e48429/Итоги_2014.pdf. – свободный.

165. О мерах по модернизации экономики моногородов Министерство регионального развития Российской Федерации 30 марта 2010 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://smgrf.ru/monogoroda-rossii-zadachi-ekonomicheskoy-i-sotsialnoj-modernizatsii/> Режим доступа.– свободный.

166. Общая социология [Текст] / Под общ. ред. А.Г. Эфендиева. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 654 с.
167. Оптнер, С.Л. Системный анализ для решения деловых и промышленных проблем. [Текст] /Пер. с англ. и вст. ст. С.П. Никонорова / С.Л. Оптнер. – М.: Концепт, 2006. – 206 с.
168. Оруджиева, А.Г. Особенности этнодемографического развития Ямало-Ненецкого автономного округа [Текст] /А.Г. Оруджиева // Уральский исторический вестник. – № 12. – Ямальский выпуск. – Екатеринбург: «Академкнига», 2005. – С.145-150.
169. Осадчая, Г.И. Социология социальной сферы: Учеб. пособие. [Текст]/ Г.И. Осадчая – М.: Академический проект, 2003. – 334 с.
170. Осипов, В.Е. Действие социальное [Текст] //Социологическая энциклопедия: В 2 т. / Рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Мысль, 2003. – Т.1. – 694 с.
171. Основные положения энергетической программы СССР на длительную перспективу [Текст]. – М.: Политиздат, 1984. – 32 с.
172. Основы современного социального управления: теория и методология [Текст] / Под ред. В.Н.Иванова. – М.:ОАО «НПО «Экономика», 2000. – 271 с.
173. Официальные сайты городов Ямало-Ненецкого автономного округа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.официальные-сайты-городов.рф/00-89-a.html>, свободный. – Загл. с экрана. Дата обращения 25.04.2015.
174. Оценивание программ и политик: методология и применение. Стенограмма заседания общегородского коллоквиума № 24 от 18.02.2010 г. «Интеграция инструментов оценки в государственный сектор России: некоторые итоги развития до 2009 г. и перспективы на 2010-2014 гг.» [Текст] // Коллоквиум «Оценивание программ и политик: методология и применение». Сб.материалов. Вып.V. – М., 2010. – С.6-24.

175. Павроз, А.В. GR как институт социально-политического взаимодействия [Текст]/ А.В. Павроз // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза: Альманах. – Вып.2. – 2005. – С.238-252.
176. Парк, Р. Город как социальная лаборатория / Р. Парк / Перевод с англ. С.П. Баньковской // Социологическое обозрение. 2002. – Том 2. – № 3. – С. 3-12.
177. Парк, Р. Избранные очерки: Сб. переводов. / РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и пер. с англ. В. Г. Николаев; Отв. ред. Ефременко Д. В. [Текст] / Р. Парк. – М.: РАН ИНИОН, 2011. – 320 с.
178. Парсонс, Т. Функциональная теория изменения [Текст] / Т. Парсонс // Американская социологическая мысль. Тексты. – М.: Изд-во Международ. Ун-та Бизнеса и упр-я, 1996. – с. 478-493.
179. Парсонс, Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И.Добренькова. – М.: Издание международного университета бизнеса и управления. – 1996 . – С.494-526.
180. Парсонс, Т. Система современных обществ [Текст] / Т. Парсонс. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
181. Парсонс, Т. О социальных системах [Текст] / Т. Парсонс. – М.: Акад. Проект, 2002. – 832 с.
182. Пастухова Е.А. Влияние системы ресурсного обеспечения на формирование устойчивого развития муниципального образования [Текст] / Е.А. Пастухова // Экономика и управление собственностью. – 2010. – № 4. – С. 39-45.
183. Перцик, Е.Н. Геоурбанистика [Текст]/ Е.Н. Перцик. – М.: Академия, 2009. – 435 с.
184. Песков, В.Г. Особенности организации здравоохранения при формировании Западно-Сибирского нефтегазового комплекса [Текст] / В.Г. Пес-

ков, А.Н. Силин // Проблемы здоровья человека в Западно-сибирском ТПК. – Новосибирск: Наука, 1983. – Т.1. – С.35-36.

185. Платон. Государство [Текст] Платон / Собр.соч. в 4-х томах: Пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1994. – Т.3. – 654 с.

186. Полякова, А.Г. Модернизация экономики регионов нового освоения [Текст] / А.Г. Полякова. – Дисс. на соиск. учен. степ. д.э.н. – СПб., 2012. – 342 с.

187. Попер, К. Логика и рост научного знания [Текст] К. Попер / Под ред. В.Н. Садовского. – М.: Прогресс, 1983. – 605 с.

188. Портнов, Б.А. Городская среда: феномен престижности [Текст] / Б.А. Портнов // Социологические исследования. – 1991. – № 1. – С. 69-74.

189. Причинность, целенаправленность и самоуправляемость // Бэкмология. 10 мая 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://becmology.ru/blog/phylosophy/causality01.htm>. Дата обращения 06.11.14. Режим доступа. – свободный.

190. Проблемы моногородов [Текст] // Национальная идея России. Коллективная монография. В 6 т. – М.: Научный эксперт, 2012. – Т. 5. – С.2994-3021.

191. Пространство современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов) [Текст]/ отв. ред. А.Г. Дружинин, В.А. Колосов, В.Е. Шувалов. – М.: Вузовская книга, 2012. – 236 с.

192. Развитие моногородов России: монография [Текст] /Под ред. И.Н. Ильиной. – М.: Финансовый университет, 2013. – 168 с.

193. Ратцель, Ф. Народоведение [Текст]/ Ф. Ратцель / Пер. с нем. Д.А. Корочевского: в 2 т. – СПб.: Альфарет, 2015.

194. Резник, Ю.М. Введение в социальную теорию: Социальная системология [Текст] / Ю.М. Резник. – М.: Наука, 2003. – 525 с.

195. Рейсс, Э.Дж. Некоторые социологические проблемы американских сообществ. [Текст]/ Э.Дж. Рейсс // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. – М.: Прогресс. – 1972. – С.106-115.

196. Решетникова, К.В. Факторы формирования организационной структуры [Текст]/ К.В. Решетникова // Социологические исследования. – 2010. – № 7. – С. 108-114.
197. Рисин, И.Е. Эффективность управленческого труда: политико-экономическое исследование. [Текст]/ И.Е. Рисин. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990. – 120 с.
198. Россия – священная наша держава: прошлое с нами: Учебное пособие в 5 книгах [Текст] /А.В. Горожанин, В.В. Рыбников, Г.М.Ипполитов и др. Т.5 – Самара: НТЦ, 2003-2005. – 640 с.
199. Росстат подвел итоги переписи населения 2010 года [Текст] // Российская газета от 28.03.11. – Федеральный выпуск № 5440 (64). – С.5.
200. Сеннет, Р. Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие [Текст]/ Р. Сеннет // Logos, 2008. – №3 (66). – С.95-107.
201. Сепик, Д. Индикаторы конкурентоспособности регионов: европейский подход [Текст] / Д. Сепик // Регион: экономика и социология. – 2005. – № 2. – С. 197-205.
202. Сергеев, В.К. Город [Текст]/ В.К. Сергеев // Социологическая энциклопедия в двух томах / Рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: «Мысль», 2003. – Т.1. – 694 с.
203. Сергеев, Д.Б. Муниципальное образование в системе правовых категорий [Текст] /Д.Б. Сергеев. – Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия». – 2012. – 268 с.
204. Сибирь в едином народнохозяйственном комплексе [Текст] / Отв. ред. М.К. Бандман. – Новосибирск: Наука. – 1980. – 296 с.
205. Силин, А.Н. Влияние социально-экономической и демографической ситуации на миграционные процессы в Тюменской области [Текст] / А.Н. Силин // Конституционно-правовые основы миграционной политики Российской Федерации. – Тюмень: Тюменская областная Дума. – 2009. – С. 209-219.

206. Силин, А.Н. К концепции освоения Севера [Текст] / А.Н. Силин // Известия СО АН СССР – Серия «Регион: экономика и социология» – Вып. 1. – Новосибирск, 1990. – С.40-53.
207. Силин, А.Н. Нефтегазовый Север: социальная ситуация и технологии ее регулирования [Текст] / А.Н. Силин. – М.: ИНФРА-М, 2013. – 251 с.
208. Силин, А.Н. О нетрадиционных формах организации труда на Крайнем Севере [Текст] / А.Н. Силин // Социологические исследования. – 1987. – №4. – С.76-78.
209. Силин, А.Н. Организация производства вахтовым и вахтово-экспедиционным способом при формировании Западно-Сибирского нефтегазового комплекса [Текст] / А.Н. Силин. – Тюмень: ВСНТО, 1982. – 22 с.
210. Силин, А.Н. Эколого-экономическая оценка взаимодействия природной и социально-экономической подсистем при освоении газовых ресурсов Тюменского Севера [Текст] / А.Н. Силин // Охрана окружающей среды при строительстве и эксплуатации газо- и нефтеперерабатывающих и перерабатывающих предприятий. – Саратов: ВНИПИГаздобыча, 1976. – С. 29-34.
211. Симагин, Ю.А. Поселки городского типа России: трансформация сети и особенности населения [Текст]/ Ю.А. Симагин. – М.: ИСЭПН, 2009. – 224 с.
212. Симагин, Ю.А. Территориальная организация населения [Текст]/ Ю.А. Симагин. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2007. – 236 с.
213. Смелзер, Н. Социология [Текст]/ Н. Смелзер: Пер. с англ./Науч. ред. В.А.Ядов. – М.: Феникс, 1994. – 686 с.
214. Социальное управление. – М.: Изд-во РАГС, 2000. – 438 с.
215. Спенсер, Г. Политические сочинения. В 5 томах [Текст] / Г.Спенсер. – М., Челябинск: Социум, 2014-2015;
216. СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1 января 1980 года [Текст] / Составители В.А. Дударев, Н.А. Евсева. – М.: Изд-во «Известия Советов народных депутатов СССР», 1980. – 702 с.

217. Становление индустриально-урбанистического общества на территории Тюменской области : монография [Текст] / Г.Ю. Колева, И.Н. Стась, И.И. Шорохова. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2013. – 284 с.

218. Стась, И.Н. Государственная политика в отношении городов нефтегазовых районов Западной Сибири (1980 – начало 1990-х гг.) [Текст] / И.Н. Стась // История и краеведение Западной Сибири: проблемы и перспективы изучения. – Ишим: Ишим.гос.пед.ин-т, 2013. – С.187-194.

219. Стась, И.Н. Рождение нефтяных городов Ханты-Мансийского округа в период нефтегазового освоения Тюменской области [Текст] / И.Н. Стась // Архитектура и строительство России. – 2013. – № 6. – С. 30-40.

220. Стась И.Н. Этапы развития системы городского расселения Ханты-Мансийского округа (1960 – 1990-е гг.) / И.Н. Стась // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 7 (33): в 2-х ч. Ч. II. – С. 156-158.

221. Стратегия социально-экономического развития города Когалыма до 2020 года и на период до 2030 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.admkogalym.ru/economics/Strategia_2030/. – свободный.

222. Струмилин, С.Г. Планирование в СССР [Текст] / С.Г. Струмилин. – М.: Госполитиздат, 1957. – 95 с.

223. Субъекты Федерации и города Сибири в системе государственного и муниципального управления [Текст] / Под ред. А.С. Новоселова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2005. – 420 с.

224. Теннис, Ф. Общность и общество // Теоретическая социология: Антология: [В 2 ч.]. [Текст] / Ф. Теннис: Под ред. С.П.Баньковской. – М.: Кн. дом «Университет», 2002. – Ч.1– 424 с.

225. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса. [Текст] / Л. Теньер / Пер. с франц. Вступ. ст. и общ. ред. В. Г. Гака. – М.: Прогресс. – 1988. – 656 с.

226. Территориальные народнохозяйственные модели [Текст] / Под ред. А.Г. Гранберга. – Новосибирск: «Наука», 1976. – 219 с.
227. Территория и городские населенные пункты субъектов Российской Федерации на 1 января 2013 г. // Российский статистический ежегодник – 2013. – Статистически сборник. – 14.08.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat_ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078. – свободный.
228. Тихонов, С. Прощай, американская мечта! // «Expert Online» 06. 08. 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://expert.ru/2013/08/6/proschaj-amerikanskaya-mechtai/>. – свободный.
229. Ткачук, С.Н. Малый бизнес – важный резерв развития моногорода [Текст] / С.Н. Ткачук // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2010. – № 3. – С. 34-42.
230. Тойнби, А.Дж. Постижении истории [Текст] / А.Дж. Тойнби: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
231. Тоффлер, Э. Третья волна [Текст] / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2010. – 784 с.
232. Тощенко, Ж.Т. Социология управления [Текст] / Ж.Т. Тощенко. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2011. – 300 с.
233. Тощенко, Ж.Т. Социология. Общий курс [Текст] / Ж.Т. Тощенко. – М.: Прометей: Юрайт-М, 2001. – 511 с.
234. Траектории проектов в высоких широтах [Текст] / Под ред. Ю.В. Неёлова, А.В. Артеева, В.А. Ламина, С.Е. Алексеева, В.Ю. Малова. – Новосибирск: Наука, 2011. – 440 с.
235. Трушина, Л.Е. Образ города и городской среды [Текст] / Л.Е. Трушина // Виртуальное пространство культуры: материалы науч. конф. 11–13 апр. 2000 г. СПб.: С.-Петербург. филос. общ-во, 2000. С. 97–99.
236. Трущенко, О.Е. Престиж Центра: Городская социальная сегрегация в Москве [Текст] / О.Е. Трущенко. М.: Socio-Logos, 1995. – 112 с.

237. Тургель, И.Д. Моноспециализированный город: теория и практика стратегического управления социально - экономическим развитием [Текст]/ И.Д. Тургель. – Екатеринбург: Изд-во Урал.гос.горно-геол.академии, 2001. – 259 с.

238. Тыхеева, Ю.Ц. Человек в городском пространстве 16.07.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/professor.ru/Tyheeva/>. – свободный.

239. Уайд, А.К. Государственное управление. Словарь-справочник (по материалам «International Encyclopedia of Public Politic and Administration»). [Текст]/ А.К. Уайд. – СПб.: ООО «Издательство «Петрополис», 2000. – 632 с.

240. Указ Президента Российской Федерации № 1403 от 17 ноября 1992 года. В редакции указов Президента Российской Федерации от 29.05.95 г. N 544; от 04.11.97 г. N 1148; от 16.04.98 г. N 396; от 25.09.2000 г. N 1692 [Электронный ресурс]: <http://poisk-zakona.ru/253925.html>. Режим доступа: свободный. Дата обращения 30.04. 2015.

241. Устинов, А.Ю. Теоретико-методические аспекты классификации моногородов //Вопросы управления. – 2012. Выпуск 21 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vestnik.uara.ru/ru-ru/issue/2012/04/15/>. – свободный.

242. Федотова, В.Г. Меняющаяся социальность: новые формы модернизации и прогресса [Текст] / В.Г. Федотова. – М.: ИФ РАН, 2010. – 274 с.

243. Филиппов, А.Ф. Элементарная социология пространства [Текст] / А.Ф. Филиппов // Социологический журнал. – 1995. – №1. – С.45-69.

244. Фонд развития моногородов: отчет о деятельности [Электронный ресурс]: <http://www.frmrus.ru/wp-content/uploads/2015/04/>. Режим доступа свободный. Дата обращения 14.10.15

245. Фромм, Э. Иметь или быть [Текст]/ Э. Фромм: Пер. Э. М. Телятниковой. – М.: Аст, Астрель, 2010. – 320 с.

246. Фромм, Э. Революция надежды. Навстречу гуманизированной технологии [Текст]/ Э. Фромм: Перевод Т. В. Панфиловой. – М.: Аст. – 2006. – 288 с.

247. Хабермас, Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории [Текст]/ Ю. Хабермас. – СПб.: Наука, 2001. – 417 с.
248. Хабермас, Ю. К логике социальных наук. Теория коммуникативного действия [Текст]/ Ю. Хабермас // Современная западная теоретическая социология (реферативный сборник). – М.: Изд-во ИНИОН РАН, 1991. – Вып.1. – С. 85-112.
249. Хабермас, Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи [Текст] / Ю. Хабермас. – М.: Весь мир, 2011. – 336 с.
250. Хабермас, Ю. Теория коммуникативного действия [Текст] / Ю. Хабермас // Вестник МГУ. – Сер.7. – Философия. – 1993. – № 4. – С.43-63
251. Хайдеггер, М. Основные понятия метафизики. Мир – конечность – одиночество [Текст]/ М. Хайдеггер: Пер. А. П. Шурбелева. – СПб.: «Владимир Даль», 2013. – 592с.
252. Хайдеггер, М. Проселок [Текст] / М. Хайдеггер // Работы и размышления разных лет / пер. А. В. Михайлова. – М., 1993. – С. 240-241.
253. Хайтун, А.Д. Экспедиционно-вахтовое строительство в Западной Сибири [Текст] / А.Д. Хайтун. – Л.: Стройиздат, 1982. – 183 с.
254. Хантингтон, С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности [Текст] / С. Хантингтон. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига». – 2008. – 635 с.
255. Хаусхофер, К. О геополитике. Работы разных лет [Текст] / К. Хаусхофер. – М.: Мысль, 2001. – 426 с.
256. Хорев, Б.С. Территориальная организация общества [Текст] / Б.С. Хорев. – М.: Мысль, 1981. – 320 с.
257. Шилз, Э. Общество и общества: макросоциологический подход //Американская социология. Перспективы, проблемы, методы [Текст] / Э. Шилз. – М.: Прогресс, 1972. – С.341-359.
258. Шкаратан, О.И. Этносоциальные проблемы города [Текст]/ О.И. Шкаратан, А.А. Сарно, В.И. Пароль и др./ Под ред. О.И. Шкаратана. – М.: Наука, 1986. – 284 с.

259. Шнягина, Л.Н. Деятельность КПСС по освоению нефтяных и газовых месторождений Тюменской области (1971-1980 гг.) [Текст] / Л.Н. Шнягина: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1985. – 16 с.
260. Шютц, А. Некоторые структуры жизненного мира [Текст]/ А. Шютц // Личность. Культура. Общество. – 2007. – Вып. 2 (36) . – С.52-68.
261. Щепаньский, Я. Элементарные понятия социологии [Текст] / Я. Щепаньский //Общ. ред. и посл. А.М. Румянцева/ Пер. с польск. М.М. Гуренко. – М.: Прогресс, 1969. – 240 с.
262. Экономико-социологический словарь // сост. Г.Н. Соколов, О.В. Кобяк. - Минск: Белорус. наука, 2013. – 615 с
263. Этносоциальные проблемы города / Отв.ред. О.И. Шкаратан [Текст]. – М.: Наука, 1986. – 284 с.
264. Эфендиев, А.Г. Московское студенчество в период реформирования российского общества [Текст]/ А.Г. Эфендиев, О.М. Дудина. // Социологические исследования. – 1997. – № 9. – С.41-56.
265. Ясперс, К. Смысл и назначение истории [Текст] / К.Ясперс. – М.: Республика.– 1994. – 528 с.
266. Collins Dictionary of Sociology / David Jary, Julia Jary. – Harper Collins Publishers, 1991. - p.97.
267. Eden C. Cognitive mapping // European Journal of Operational Research. – 1998. – №36. – P. 1-13.
268. Easterlin R.A. Life Cycle Happiness and Its Sources: Why Psychology and Economics Need Each Other // Capabilities and Happiness / L. Bruni, F. Comim, M. Pugno (eds.). New York: Oxford University Press, 2008. P. 28-59.
269. Diener E. Subjective well-being: The science of happiness, and a proposal for a national index // American Psychologist. 2000. Vol. 55. P. 34-43;
270. Gans H. Urbanism and suburbanism as ways of life: A reevaluation of definitions. In H. Gans. People, Plans and Policies. – New York: Columbia University Press and Russel Sage Foundation. 1991. С. 625-648.

271. Graham C. Insights on globalization from a novel approach // World Economics. 2005. Vol. 6 (3). P. 41-55.].
272. Habermas J. The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society. Cambridge: MIT Press, 1989.
273. Hillery G.A. Definitions of Community: Area of Agreement // Rural Sociology, 1955, v.20 (June), № 2, p.111-123.
274. Huppert F.A., Plagnol A.C. Happy to help? Exploring the factors associated with variations in rates of volunteering across Europe // Social Indicators Research. 2010. Vol. 97. P. 157-176;
275. Lasswell H.D., Stanley J. Essays on the Garrison state. - New Brunswick, (NJ); L.: Transaction publishers, 1997. - 143p.
276. Law J. After ANT: Topology, naming and complexity // Actor-network and after / Ed. by J.Law, J. Hassard. Oxford: Blackwell and the Sociological Review, 1999. – P.1-14.
277. Molotch, H., "The City as a Growth Machine: Toward a Political Economy of Place". American Journal of Sociology, 82(2), pp. 309–332, 1976.
278. Park, R. Human communities; the city and human ecology. – Glencoe, Ill.: Free Press, 1952. – 278 p.
279. Park, R. The City as a Social Laboratory // In: Robert E. Park On Social Control and Collective Behavior/ Selected Papers, Ed. and with introduction by Ralph H. Turner. - Chicago a. London: Phoenix Books, The University of Chicago Press, 1967. - pp. 3-18.
280. Parsons T. The system of modern society, Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall – 1971.– 113 p.
281. Sorokin P. A. Sociocultural Causality, Space, Time. N.Y.: Russel & Roussel, 1964. P.190
282. Sztompka P. Society in Action: The Theory of Social Becoming. Cambridge: Polity Press and The University of Chicago Press, 1991.
283. The Sociology of Community. A Selections of Readings / Ed. by C.Bell and H.Newby. - Cass, 1974.

284. The Dictionary of Human Geography / Ed. By R.J. Johnston, Derek Gregory, David M. Smith. – Blackwell, Cambridge, 1994. – p.80.

285. The History of Economics / Dr. H. Nau & Prof. Dr. B. Schefold. – Berlin. Heidelberg: Springer, 2002. – P. 53-54.

286. White L. A The Concept of Culture//American Anthropologist. Wash.,1959. Vol.61. P. 227-251.

287. Wirt L. Urbanism, as way of life. In. R. Sennet// Classical essays in urban culture. Appleton Century Grofts. New York. 1969 / Перевод В.В. Вагина 10.12.2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zurkazan.ru/publ/stati/nauka/urbanizm_kak_obraz_zhizni_luis_virt/5-

**Анкета эксперта
Уважаемый эксперт!**

Просим Вас принять участие в социологическом исследовании на тему: «Проблемы функционирования и развития моногородов Тюменского Севера и пути их решения». Исследование проводит кафедра «Маркетинга и муниципального управления» Института менеджмента и бизнеса ТюмГНГУ. Ваше участие поможет в решении социально-экономических проблем моногородов Тюменской области. Результаты исследования будут использованы только в научно-практических целях. Анкета анонимная.

I. Современные проблемы функционирования и развития моногородов Тюменского Севера

1. Как Вы оцениваете условия жизни в моногородах ХМАО и ЯНАО

Условия жизни	Благоприятные	Вполне терпимые	Терпимые с трудом	Затрудн. ответить
Материальное положение жителей				
Возможность заработков				
Жилищно-коммунальное обслуживание				
Торгово-бытовое обслуживание				
Социальное обслуживание				
Возможность получения образования				
Культурно-досуговое обслуживание				
Безопасность жизни				
Жизненные перспективы				

2. Как изменились условия жизни в моногородах за последние три года?

Условия жизни	Стали лучше	Не изменились	Стали хуже	Затрудн. ответить
Материальное положение жителей				
Возможность заработков				
Жилищно-коммунальное обслуживание				
Торгово-бытовое обслуживание				
Социальное обслуживание				
Возможность получения образования				
Культурно-досуговое обслуживание				
Безопасность жизни				
Жизненные перспективы				

3. Какие проблемы, по Вашему мнению, сдерживают развитие северных моногородов

Проблемы	Значительно сдерживают развитие	Незначительно сдерживают развитие	Не оказывают влияние на развитие	Затрудн. ответить
Зависимость населения и местных властей от градообразующего предприятия				
Однородный профессиональный состав населения, порождающий напряженность на рынке труда				

Низкая социальная и трудовая мобильность населения				
Неготовность населения заниматься предпринимательской деятельностью				
Слабая поддержка органами власти малого бизнеса				
Низкий уровень развития инфраструктуры				
Удаленность территории от экономических и культурных центров региона				
Несовершенство нормативной базы				
Несовершенство системы межбюджетных отношений				
Слабая ориентация местной власти на развитие моногородов				
Неразработанность системы взаимодействия органов управления с представителями территориального сообщества				
Низкий уровень социального самочувствия горожан				
Суровые природно-климатические условия				

II. Возможности и перспективы развития северных моногородов

4. Какие факторы и ресурсы моногородов могут способствовать их успешному развитию?

Факторы и ресурсы	Влияние значительно	Влияние не значительно	Не оказывают влияние	Затрудн. ответить
Государственная поддержка моногородов				
Собственные экономические ресурсы				
Человеческие ресурсы				
Разработка и согласование стратегий социально-экономического развития моногородов				
Разработка комплексного плана развития моногорода				
Высокий уровень доверия к органам управления				
Совместная деятельность органов власти и территориального сообщества				
Информированность населения моногородов о программах и планах				
Историческая и социокультурная специфика				
Готовность членов территориального сообщества внести личный вклад в развитие своего города				

5. Какой вклад Вы лично готовы внести в развитие своего города?

- 1) предложить интересные идеи по развитию города;
- 2) принять в нерабочее время и бесплатно участие в благоустройстве города;
- 3) принять участие в охране общественного порядка;
- 4) организовать обучающие и культурно-массовые мероприятия;
- 5) другое.

6. Каково, по Вашему мнению, отношение к перспективам развития моногородов членов территориального социального сообщества?

- 1) отношение положительное и подкреплено реальной готовностью внести личный вклад в развитие своего города;
- 2) отношение положительное, но лишь декларируют готовность внести личный вклад в развитие своего города;
- 3) отношение положительное, но реально не готовы внести личный вклад в развитие своего города;
- 4) отношение негативное, так как не верят в возможность успешного развития своего города;
- 5) отношение негативное, так как не связывают свое будущее с родным городом;
- 6) другое.

7. Ваш возраст:

- а) до 30 лет включительно;
- б) 31 – 40 лет;
- в) 41 – 50 лет;
- г) 51 – 60 лет;
- д) старше 60 лет.

8. Ваш стаж работы в представляемой сфере:

- а) 1 – 5 лет;
- б) 5 – 10 лет;
- в) 10 – 15 лет;
- г) 15 – 20 лет;
- д) 20 – 25 лет;
- е) более 25 лет.

9. Вы работаете:

- а) в законодательных органах власти;
- б) в исполнительных органах власти;
- в) в представительных органах МСУ;
- г) в средствах массовой информации;
- другое _____